

24 $\frac{377}{284}$

ВЪ СЕРБІИ
ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
О ВОЙНѢ
1877-1878 гг.

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТА

Г. И. БОБРИКОВА.

**ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!**

✱

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

✱

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

✱

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

✱

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

✱

Возвращайте книги в установленные сроки.

✱

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

✱

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

и Митрофану

отт испрошено удовлетворено

И. В. Дрозд

С. Горюхи

8 августа 1892г.

96

U $\frac{377}{284}$

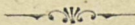
ВЪ СЕРБІИ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ВОЙНѢ

1877—1878 гг.

Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенанта
Г. И. БОБРИКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Декабря 1891 года.

9455-76

2007099213

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Глава I. Характеръ главныхъ военныхъ операций.	
Болѣзненные ощущенія перелома военныхъ событій.— Утрата инициативы.—Разброска силъ.—Безполезные штурмы и атаки.—Пренебреженіе опытомъ прош- лаго.—Зависимость политическаго результата войны отъ размѣра напряженія вооруженныхъ силъ.—Пре- небреженіе союзниками на Балканскомъ полуостровѣ.— Боевой катехизисъ войны съ турками	3
Глава II. Командировка въ Сербію.	
Вызовъ меня въ Горній Студень къ Великому Князю главнокомандующему.—Порученіе привлечь Сербію къ военнымъ операціямъ.—Князь Черкасскій.—А. И. Нелидовъ.—Инструкція главной квартиры.—Сообра- женіе способа выполненія полученной задачи.—Встрѣча съ Д. С. Нагловскимъ въ Бухарестѣ.—На Дунаѣ по пути въ Бѣлградъ.—Турецкій фортъ Ада-кале.— Князь Цертелевъ	13
Глава III. Бѣлградское правительство.	
Пріѣздъ въ Бѣлградъ.—Н. Н. Лодыженскій и его ха- рактеристика лицъ и событій въ Сербіи.—Поучитель- ность случая съ г. Карцевымъ и миссіи генерала Никитина.—Представленіе князю Милану.—Личность князя и сдѣланный мнѣ пріемъ.—Митрополитъ Ми- хаиль.—Министръ Іованъ Ристичъ и наша бесѣда.— Первыя впечатлѣнія знакомства съ мѣстными дѣлами.— Пріѣздъ А. И. Персіани	26

Глава IV. Состояніе сербскихъ вооруженныхъ силъ.

Слабость боевыхъ средствъ княжества. — Начатки организаціи его вооруженныхъ силъ. — Составъ полевыхъ корпусовъ по военному времени. — Вооруженіе арміи: ружья системъ Пибоди, Грина и старой-пистонной. — Артиллерійскія орудія. — Обмундированіе и снаряженіе сербскаго солдата. — Снаряженіе кавалерійской лошади. — Обозъ арміи

38

Глава V. Подготовительныя мѣры къ войнѣ.

Обѣздъ важнѣйшихъ въ военномъ отношеніи мѣстъ княжества. — Осмотръ военно-техническихъ заведеній въ Крагуевцѣ, учебныхъ сборовъ войска въ Крушевцѣ, Алексинцѣ, Княжевцѣ и Зайчарѣ, и мѣстности долины р. Болгарской Моравы, Княжевацкаго горнаго округа и окрестностей Зайчара. — Привлеченіе Сербіи къ коопераціи

54

Глава VI. Планъ компаніи.

Неудовлетворительное состояніе продовольственныхъ запасовъ, складовъ обмундированія и предметовъ военно-санитарной части. — Опредѣленіе размѣра субсидіи. — Извѣстія съ приграничнаго княжеству театра военныхъ дѣйствій. — Выясненіе основаній предстоящаго образа дѣйствій. — Своеобразный взглядъ князя Милана на военное дѣло. — Назначеніе дѣйствующихъ корпусовъ. — Распредѣленіе по отрядамъ войскъ на восточной границѣ

68

Глава VII. Объявленіе войны. — Стѣсненіе Ниша.

Манифестъ о войнѣ князя Милана. — Отѣздъ его къ арміи. — Переходъ черезъ границу передовыхъ частей сербской арміи. — Обложеніе крѣпости Ниша войсками полковника Лѣшанина. — Дѣйствія корпусовъ: полковника Николича на Яворѣ и генерала Ранко-Алимпича на Дринѣ. — Посѣщеніе княземъ позицій у Мрамора и на высотѣ Чамурлу. — Предположеніе атаки Ниша съ юга

81

Глава VIII. Занятіє перевала св. Николая. — Бой у Куршумлэ.

Главная квартира сербской армии въ Алексинцѣ. — Наступленіе корпусовъ Шумадійскаго и Тимочскаго, подъ начальствомъ генерала Белимарковича, изъ Княжевацкаго округа. — Очищеніе турками позиціи у Бабиной главы. — Занятіе съ боемъ перевала Св. Николая. — Прерваніе сообщенія Ниша съ Лесковцемъ. — Взятіе съ боя Куршумлэ. — Положеніе дѣлъ на р. Дринѣ. — Наступленіе Яворскаго корпуса. — Дѣйствія добровольцевъ капитана Милоевича на Копанникѣ . 93

Глава IX. Бои у Акъ-паланки и подъ Пиротомъ.

Диспозиція генерала Белимарковича, на 12-е декабря, для атаки Акъ-паланки. — Энергическій натискъ колонны подполковника Ефрема Марковича. — Наступленіе къ Пироту дивизіи полковника Любоміра Іовановича къ Будимъ-делу и колонны полковника Хорватовича по Софійскому шоссе. — Бой 15 числа. — Отступленіе турокъ въ ночь на 16-е число. — Занятіе Пирота. — Сосредоточеніе войскъ вокругъ Ниша . 105

Глава X. Бои у Куршумлэ и вокругъ Ниша.

Признаки наступленія Гафиза-паши къ Нишу. — Предложеніе князя Николая Черногорскаго. — Письмо князя Милана генераль-адъютанту Гурко. — Неудачная рекогносцировка подполковника Веницкаго, 25-го числа, на Преполадкомъ перевалѣ. — Удачный бой подъ Нишемъ и пораженіе подполковника Прапорчевича у Куршумлэ, одновременно, 26-го числа. — Овладѣніе турецкими позиціями къ югу отъ Ниша 28-го числа 119

Глава XI. Капитуляція Ниша.

Условія о сдачѣ крѣпости. — Значеніе паденія Ниша во власть сербовъ. — Укомплектованіе дѣйствующихъ войскъ и сформированіе резервной дивизіи. — Телеграммы Великаго Князя главнокомандующаго отъ 26-го и 29-го декабря. — Телеграмма генерала Гурко. — Предложеніе князя Черкаскаго. — Выясненіе дальнѣй-

шаго образа дѣйствія.—Отсутствіе соображенія политическихъ результатовъ при установленіи военныхъ директивовъ 133

Глава XII. Наступленіе къ Коссово-полю.

Одновременное наступленіе трехъ корпусовъ по тремъ направленіямъ: Шумадійскаго—долиною р. Моравы на Вранью, Моравскаго черезъ Куршумлэ и Преполачкій перевалъ на Подуево, и Тимочскаго въ промежутокъ между ними, долинами Пуста-рѣки и Медвѣджи.—Награжденіе сербовъ знаками Военнаго ордена и представленіе ихъ офицеровъ къ ордену Св. Георгія.—Подполковникъ Ефремъ Марковичъ.—Перемиріе . . 147

Глава XIII. Окончаніе войны.

Условія перемирія.—Проведеніе демаркаціонной линіи.—Санъ-Стефанскій мирный предварительный договоръ.—Значеніе всѣхъ этихъ актовъ для Сербіи.—Торжества при возвращеніи князя Милана съ театра военныхъ дѣйствій.—Крестный ходъ въ Смедерево.—Парадная встрѣча въ Бѣлградѣ.—Высокій подъемъ духа сербской народности 162

Глава XIV. Послѣ войны.

Положеніе дѣлъ послѣ войны.—Значеніе федеративнаго устройства для государствъ Балканскаго полуострова.—Апатія князя Милана къ реорганизации вооруженныхъ силъ княжества.—Новый поводъ къ сомнѣнію въ его прямодушіи.—Наше значеніе между славянскими народностями, какъ первенствующаго члена между равными. 173

Глава XV. Передъ отъѣздомъ.

Энергія князя Милана въ возбужденіи политическихъ процессовъ.—Преслѣдованіе подполковника Ефрема Марковича.—Вурная выходка князя Милана въ отвѣтъ на мое предстательство за Марковича.—Случай слѣдующаго дня.—Его заявленіе мнѣ о своемъ желаніи оставаться во внѣшней политикѣ съ развязанными руками.—Отъѣздъ въ Петербургъ 185

ВЪ СЕРБІИ.

Настоящее описаніе сербской коопераціи приводится мною въ той простой формѣ, въ какой возникаютъ въ моей памяти событія послѣдней войны, при чтеніи, набросанныхъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, памятныхъ замѣтокъ. За этою формою изложенія остается значеніе послѣдовательнаго разсказа фактовъ, непосредственно вліявшихъ на развитіе событій, и освѣщенія ихъ безъ предвзятыхъ или невольныхъ тенденцій.

Изложеніе военныхъ событій на сербскомъ театрѣ войны доступно каждому по тѣмъ шаблоннымъ рубрикамъ и размѣрамъ, которые выработала существующая практика; достоинство такого изложенія будетъ въ прямомъ соотвѣтствіи богатства источниковъ и таланта автора; но воспроизвести живую картину дѣйствительности, т. е. дать надежный матеріаль для послѣдующей работы, можетъ только непосредственный свидѣтель ея, стоявшій къ тому-же у кормила событій. Отсюда чувство нравственнаго долга для меня, какъ руководителя военныхъ операцій сербской арміи, дать точный

отчетъ во всей той дѣятельности, которая была моимъ удѣломъ въ напряженную эпоху минувшей войны, отчетъ, подробности котораго могутъ въ будущемъ нѣсколько облегчить выполненіе аналогичнаго порученія.

Полагаю, что время извлеченія изъ бывшей войны поучительной стороны уже наступило, такъ какъ, если съ одной стороны аналитическій разборъ военныхъ дѣйствій можетъ еще затрогивать самолюбіе ихъ участниковъ, то съ другой — едва-ли можетъ быть признано жслательнымъ разбирать событія тогда, когда всѣ участники уже переселятся въ лучшій міръ, и некому будетъ возражать или исправлять неточности. Общее благо должно быть поставлено выше мелкаго личнаго самолюбія.

I.

Характеръ главныхъ военныхъ операцій.

Въ убогой болгарской мазанкѣ города Систова лежалъ я, въ десятыхъ числахъ августа мѣсяца 1877 г., въ сильномъ пароксизмѣ гнилой дунайской лихорадки. Четыре дня назадъ я прибылъ сюда изъ Тырнова съ особымъ порученіемъ Великаго Князя главнокомандующаго; весь слѣдующій день невыносимой жары посвятилъ службѣ; измученный зноемъ принялъ любезно предложенный мнѣ душъ; а уже вечеромъ, отравленный эпидеміей, лежалъ безъ сознанія. Наступали третьи сутки, а я все еще не могъ сдѣлать даже глотка воды. Мой гостепріимный хозяинъ, профессоръ Харьковскаго университета, болгаринъ родомъ, почтенный добрякъ, Маринъ Дриновъ, замѣнялъ собою лучшую изъ сидѣлокъ и, забывая самъ о ѣдѣ, не отходилъ отъ моего ложа. Понимая все безсиліе какой-либо для меня врачебной помощи и не желая оставлять одного, этотъ истинный самаритянинъ не сводилъ съ меня своего участливаго взгляда, ловя проблескъ побѣды надъ недугомъ молодости и неиспорченной натуры.

Между тѣмъ крайне напряженная дѣятельность нервной системы послѣдняго времени не переставала во мнѣ работать, воспроизводя событія и вызывая образы изъ недавняго, такъ трудно пережитаго, прошлаго. Мрачныя, тяжелыя думы осаждались отъ возникавшихъ и быстро

смѣнявшихся въ моемъ раздраженномъ воображеніи картинъ и эпизодовъ войны. Въ особенности нестерпимо больно было сознавать совершившійся фактъ перелома военныхъ событій, утрату инициативы и подчиненіе операцій волѣ противника. Движеніе впередъ главной квартіры, пріостановленное въ Тырновѣ, уже получило обратное направленіе къ Горнему Студню. Блистательный порывъ забалканскаго отряда генерала Гурко не закрѣпился переходомъ Балканъ главнымъ ядромъ дѣйствующей арміи. Онъ замеръ подъ вліяніемъ грознаго впечатлѣнія, навѣяннаго двумя плевненскими неудачами, оставя за собою лишь обгорѣлыя пепелища болгарскихъ селеній и городовъ, да кучи мертвыхъ тѣлъ несчастныхъ обитателей, изъ мщенія зарѣзанныхъ турками. Было очевидно, что выполненіе предначертаннаго плана войны пріостановлено до разъясненія обстоятельствъ подъ Плевною.

Ни одно дѣло рукъ человѣческихъ не обходится безъ неудачъ; но почему же неудача подъ Плевною насъ смутила до такой степени, что принудила отказаться отъ разъ принятаго намѣренія смѣлымъ наступленіемъ впередъ какъ можно быстрѣе достигнуть положительныхъ результатовъ и положить конецъ брани принятіемъ нашихъ мирныхъ условій побѣжденнымъ непріателемъ. Что же сообщило этой неудачѣ такое роковое значеніе, что она оказалась въ состояніи нарушить планъ, подорвать увѣренность въ успѣхѣ, привести духъ въ смятеніе. Какъ сопоставить блестяще выполненную операцію переправы черезъ Дунай съ послѣдующими явленіями на болгарскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій? Говорятъ, что сила дѣйствующей арміи слишкомъ слаба для успѣшнаго выполненія возложенной на насъ широкой задачи, и что принятый планъ смѣлаго наступ-

ленія за Балканы является слишкомъ рискованнымъ, въ виду большого числа крѣпостей и турецкихъ войскъ, расположенныхъ въ Придунайской Болгаріи. Говорятъ, что предварительно наступленія необходимо овладѣть нѣкоторыми турецкими крѣпостями для большого обезпеченія операціонныхъ путей. Говорятъ еще многое, но близко къ сердцу я принимаю только нареканія на тѣ мѣры и способы дѣйствія, которые истекали изъ предварительнаго изслѣдованія театра военныхъ дѣйствій. Полную отвѣтственность въ этомъ отношеніи я принимаю на себя, такъ какъ, изучая топографическій характеръ мѣстности и вникая въ свойства турецкихъ войскъ, я сдѣлалъ по странѣ, въ 1868 и 73-мъ годахъ, до трехъ тысячъ верстъ верхомъ.

Отсутствіе инициативы у частныхъ начальниковъ турецкой арміи, почти неспособность ея къ маневрированію и крайняя впечатлительность умаляли силу сопротивленія ея рѣшительному удару во время движенія и отнимали почти всякое активное значеніе у гарнизоновъ крѣпостей, даже оставшихся въ тылу наступающаго. Къ этимъ руководящимъ факторамъ въ войнѣ съ турками должна быть еще присоединена необыкновенная чуткость ко всякой опасности серала, этого истиннаго распорядителя судьбами правовѣрныхъ съ тѣхъ поръ, какъ султаны промѣняли на него свои боевые доспѣхи. Отсюда самъ собою раскрывался планъ смѣлаго наступленія за Балканы, отъ Систова черезъ Шипкинскіе перевалы, прямо съ угрозой противъ Стамбула. Можно было твердо рассчитывать, что, при первой опасности непосредственно резиденціи Падишаха, повелѣніемъ послѣдняго всѣ турецкія войска будутъ вызваны на ея защиту изъ Придунайской Болгаріи, какія бы выгодныя позиціи онѣ тамъ не занимали. Такое

центральное положеніе наступающаго не только отнюдь не было бы рискованнымъ, тѣмъ менѣе опаснымъ, но представляло бы громадныя преимущества предъ, разбитыми на нѣсколько группъ, турецкими войсками, не имѣвшими даже въ общей сложности и численнаго боеваго превосходства. Вѣроятно, таковъ именно и былъ первоначальный планъ кампаніи, который только тогда былъ покинутъ, когда рядъ ошибокъ, породивъ въ окружающей средѣ преувеличенное опасеніе врага и неосновательную боязнь за тылъ, замѣнилъ собою правильную оцѣнку обстановки.

Операціонный путь наступленія отъ окрестностей Бухареста на Шипкинскій перевалъ совпадалъ до Дуная съ желѣзнодорожною линіей, а далѣе съ шоссе отъ Рушукъ черезъ Тырновъ. Совершенно правильно отклоненный къ западу до Систова, въ видахъ удобства и большей безопасности форсированія рѣки, слѣдовало бы приблизить его затѣмъ къ обезпеченнымъ путямъ, что сдѣлало бы его кратчайшимъ и удобнѣйшимъ. Безопасность же достигалась бы обложеніемъ, бомбардированіемъ или сильнымъ наблюденіемъ Рушукъ и во всякомъ случаѣ никогда не привела бы къ штурму Никополя, столь неблагоприятному по своимъ послѣдствіямъ. Вредъ удлиненія операціоннаго пути выражался не столько въ числѣ лишнихъ верстъ, сколько въ значительно большемъ числѣ лишнихъ часовъ пути, въ распутицу въ цѣлыя сутки, и требованіи поэтому несравненно сильнѣйшаго охраненія.

Признавая значеніе переправы нашего отряда на нижнемъ Дунаѣ, едва-ли можно признать правильнымъ оставленіе этого сильнаго корпуса на все время войны въ безлюдной и безводной Добруджѣ для самостоятельныхъ операцій. Онъ былъ слишкомъ слабъ для рѣшительныхъ дѣйствій и слишкомъ силенъ, чтобы служить

заслономъ дунайскому низовью. Выполнить назначеніе, оттягивать на себя часть силъ турецкой арміи, онъ не могъ, такъ какъ противникъ не могъ быть столь наивнымъ, чтобы не понимать всей безцѣльности изолированного наступленія отряда между тремя крѣпостями. Роль корпуса въ Добруджѣ съ большимъ удобствомъ могъ сыграть партизанскій отрядъ, а самъ онъ несравненно большую пользу принесъ бы подъ укрѣпленіями Рушукъ въ общей связи съ дѣйствующей арміею. Тогда главнокомандующій, сосредоточивъ семь корпусовъ дѣйствующей арміи, имѣлъ бы полную возможность осуществить свою мысль, оставя по сию сторону Балканъ четыре, съ остальными совершить рѣшительное наступленіе къ Андрианополю.

Между тѣмъ дѣйствующая армія ослаблялась не только выдѣленіемъ добруджинскаго корпуса, но и оставленіемъ сильныхъ заслоновъ по Дунаю въ мѣстахъ, гдѣ почему-то боялись активныхъ переправъ турецкихъ войскъ. Не говоря уже о неосновательности этихъ галлюцинацій, обезпеченіе румынской территоріи отъ шаекъ непріятельскихъ мародеровъ, казалось, должно было быть возложено, во всякомъ случаѣ, не на наши отряды, а на румынскія войска, которыя, выполнивъ здѣсь свое прямое назначеніе, усилили бы собою затѣмъ обложеніе Рушукъ. Крайне ограниченныя плавучія средства въ пунктѣ переправы, до нельзя задержавъ развитіе военныхъ операцій, также неблагоприятно отразились на относительной силѣ арміи предоставленіемъ противнику значительнаго періода свободнаго времени для его усиленія. Но самымъ серьезнымъ ослабленіемъ дѣйствующей арміи послужили штурмъ Никополя и фронтальныя атаки плевненскихъ позицій, окончательно подорвавшіе рѣшимость быстрого наступленія.

Послѣ переправы были образованы два отряда, восточный и западный, съ одинаковымъ назначеніемъ обезпечивать пунктъ переправы и тылъ передовой колонны. Почему же они усвоили себѣ прямо противоположные между собою способы дѣйствія; неправильно дѣйствовавшій не былъ остановленъ и не получилъ вразумленія примѣромъ другаго. Восточный вошелъ въ условія своей задачи, быстро освоился съ тяжелою отвѣтственностью сторожеваго поста и ограничился выполненіемъ своего скромнаго долга, не мечтая о побѣдныхъ лаврахъ и отбивая зарывавшагося противника съ жестокимъ урономъ. Западный сразу полѣзъ на штурмъ. Подъ Рущукомъ можно было уложить еще болѣе народа и еще легче можно было создать изъ разныхъ Разградовъ свои Плевны. Почему только въ западномъ отрядѣ существовало нареканіе на отсутствіе обстоятельныхъ рекогносцировокъ, на неподготовку артиллеріею успѣха штурма и атакъ, на бездѣятельность кавалеріи и ея невѣдѣніе о томъ, что дѣлается у противника въ одномъ, двухъ переходахъ, на отсутствіе инициативы у саперъ, оставляющихъ позиціи безъ укрѣпленія!..

Выше было приведено, что выгоднѣйшему операціонному пути мѣшалъ Рущукъ, а не Никополь, что поэтому нужно было стремиться къ уничтоженію препятствія въ первомъ пунктѣ, а не во второмъ, что наконецъ, въ виду трудности атаки турокъ въ укрѣпленіяхъ, предпочиталось Рущукъ бомбардировать и даже только наблюдать. Если почему-либо, вслѣдствіе ли оставленія пункта переправы подъ Систовымъ, или просто для пробы пера нашей артиллеріи, пришли къ рѣшенію овладѣть Никополемъ, то было бы конечно цѣлесообразнѣе отдать его въ жертву артиллерійскихъ снарядовъ и ни въ какомъ случаѣ не рисковать здѣсь ни

однимъ солдатомъ. Слѣдовало помнить, что на сколько всякая военная операція по ту сторону Балканъ содѣйствовала ускоренію очищенія Придунайской Болгаріи турецкими войсками, на столько же каждое наше агрессивное предпріятіе по сю сторону Балканъ ихъ только задерживало. Никополь, упраздненная крѣпость, возстановленная въ самое послѣднее время, къ сожалѣнію, представлялась слишкомъ легкимъ трофеемъ, чтобы ее миновать. Какъ бы вопреки указаніямъ опыта прошлыхъ войнъ и наперекоръ обстановкѣ, приступы штурмовыхъ колоннъ торопливо смѣнялись атаками въ лобъ непріятельскихъ позицій, даже безъ подготовки боя артиллерійскимъ огнемъ. вмѣсто обузданія неопытной запальчивости, вновь повторенныя атаки все тѣхъ же несчастныхъ позицій, какъ нельзя болѣе отвѣчавшія желаніямъ противника, быстро роняли духъ арміи, сильно подтачивали ея силу и окончательно разстраивали активный планъ рѣшительнаго наступленія.

Пренебреженіе завѣтами предшествовавшихъ войнъ съ турками было безспорно и принесло намъ горькіе плоды. Вопросъ же о числительномъ размѣрѣ войскъ оспаривается еще тѣмъ аргументомъ, что лучше было бы задавить турокъ массою, чѣмъ подвергаться риску быть остановленнымъ на половинѣ пути. Если бы причина пріостановленія выполненія предначертаннаго плана заключалась въ слабости силъ, то упрекъ въ неправильномъ расчетѣ состава операціонной арміи на одинъ или на два корпуса слѣдовало бы признать правильнымъ; но выше было приведено объясненіе обстоятельствъ, приведшихъ къ неудачѣ и заключавшихся въ разбросѣ силъ и безплодныхъ атакахъ, особенно вредно отразившихся на нравственной сторонѣ войскъ. Что же касается до мнѣнія о преимуществѣ назначенія подавляю-

щаго числа войскъ, то основательность его ни въ какомъ случаѣ признана быть не можетъ. Съ полною увѣренностью можно утверждать, что, если бы успѣхъ въ Болгаріи намъ достался съ меньшею затратою вооруженныхъ силъ, мирное улаженіе результатовъ войны произошло бы съ несравненно большею для насъ выгодною.

Только при желаніи оправдать сдѣланныя ошибки, можно искать причину неудачи въ недостаточности войскъ. Утвержденіе, что причина неуспѣха скрывалась въ малочисленности арміи, не только противорѣчитъ минувшимъ событіямъ, но и обнаруживаетъ узкій политическій взглядъ. Сомнѣваться въ неблагопріятномъ для Турціи исходѣ начавшейся войны не могъ никто, кто, хотя сколько-нибудь, былъ знакомъ со средствами воюющихъ сторонъ. Весь вопросъ заключался въ томъ, какими силами мы раздавимъ силу турокъ. Внѣшній престижъ великой державы вырастаетъ изъ проявленія ея мощи въ наносимомъ боевомъ ударѣ, почему громадное значеніе въ глазахъ всего міра имѣетъ степень напряженія государственныхъ силъ въ достиженіи поставленной цѣли. Сломить сопротивление Турціи нѣсколькими корпусами, или большею частью всѣхъ силъ государства, — двѣ вещи, влекуція за собой не только совершенно разныя, но даже совершенно противоположныя политическія послѣдствія. Въ первомъ случаѣ получается высокое представленіе о могуществѣ, ставящее побѣдителя на пьедесталь обаятельнаго нравственного вліянія и способное внушить соперникамъ серьезную острастку. Во второмъ случаѣ, наоборотъ, наступаетъ минута разочарованія для союзниковъ, ободряются враждебныя силы. Но этимъ еще не исчерпываются невыгоды нравственной стороны вопроса. Въ эпоху подведенія итоговъ бранныхъ успѣ-

ховъ, при подписаніи мирныхъ условій, большая часть вооруженныхъ силъ остается еще до извѣстной степени связанною на театрѣ войны, почему она не можетъ служить вразумляющимъ аргументомъ для закрѣпленія пріобрѣтенныхъ побѣдами преимуществъ. Такимъ образомъ, въ самый важный историческій моментъ, соперничающія державы не только не видятъ предъ собою грозной арміи, готовой во всеоружіи поддержать интересы государственной политики, но находятся въ предубѣжденіи ея нравственныхъ качествъ.

Характеръ нашего участія въ судьбѣ христіанскихъ балканскихъ народностей никогда не былъ насильственнымъ. Сознавая свою историческую миссію, мы только содѣйствовали самостоятельнымъ усиліямъ народностей въ ихъ стремленіи упрочить свою будущность и никогда и никого не принуждали къ такимъ дѣйствіямъ, которыя могли бы считать только для насъ выгодными. Такъ создались румынскія княжества, греческое государство и княжество Сербія. Почему же въ настоящемъ случаѣ мы взяли исключительно на себя все дѣло, съ тяжелою отвѣтственностью за его успѣхъ, и не содѣйствовали къ проявленію на театрѣ войны союзной силы. При дѣйствіи союзомъ усложнялись бы наши международныя отношенія, за то мы достигли бы послѣ войны положенія могущественной державы, не только не истощенной борьбою, но усиленной всѣми вооруженными средствами союзниковъ.

Оглядываясь на событія нашихъ войнъ съ Турціею, поражаешься рѣзкими контрастами боевыхъ успѣховъ и неудачъ. На томъ же театрѣ войны мы терпимъ пораженія и одерживаемъ блистательныя побѣды. Группируя эти явленія и вникая въ ихъ смыслъ, оказывается, что, произведенныя въ лучшихъ условіяхъ, наши атаки и

штурмы оказываются для насъ крайне неблагоприятными и кровопролитными; а открытые бои, при самой трудной обстановкѣ, покрываютъ оружіе наше громкою славою. Такъ трудно дающійся намъ успѣхъ въ нашихъ наступательныхъ операціяхъ, приводящихъ къ атакѣ укрѣпленій и штурму крѣпостей, разомъ превращается въ побѣдный разгромъ непріятельскихъ полчищъ, какъ только мы вынуждаемъ ихъ къ боевому маневрированію. Таковъ именно и былъ способъ дѣйствія противъ турецкихъ войскъ нашихъ талантливыхъ полководцевъ, увѣнчавшій побѣдными лаврами 17-ти-тысячный корпусъ гр. Румянцова Задунайскаго въ бою съ свыше 200 т. арміею противника.

Сравнивая взаимное положеніе сторонъ въ тѣ времена и въ настоящее, нельзя сказать, чтобы теперь относительное состояніе турецкихъ войскъ было бы для насъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ тогда. Современный регулярный строй ихъ отнюдь не сообщилъ имъ способности къ маневрированію; а между тѣмъ уничтожилъ запальчиво-стремительныя атаки янычаръ и замѣнилъ бурный натискъ стихійныхъ атакъ прежней мусульманской конницы слабыми въ кавалерійскомъ смыслѣ дѣйствіями конныхъ черкесъ. Если въ настоящее время превосходство вооруженія находится на сторонѣ противника, то какая громадная разниа существуетъ между нашею нынѣшнею арміею и нашими войсками того времени, въ большинствѣ случаевъ ограждавшими себя отъ непріятельскихъ атакъ переносными рогатками.

Въ особенности поучительна эпоха генерала Каменскаго. Талантливый 34-хъ-лѣтній полководецъ, полный энергіи и предпріимчивости, сразу бросается на штурмъ крѣпости Шумлы. Уже войска наши успѣваютъ взобраться на высоты, когда упорная стойкость турокъ

за укрѣпленіями парализуетъ ихъ порывъ и принуждаетъ къ отступленію. Потерпѣвъ неудачу здѣсь, Каменскій обращается въ другую сторону и покрываетъ валы крѣпости Рущука штурмовыми колонами; но сила турецкаго сопротивленія и здѣсь оказывается несокрушимою. Крѣпостные рвы наполняются нашими сброшенными съ укрѣплений войсками, а къ главнокомандующему собираются только горсти оставшихся въ живыхъ. Казалось, настала часъ полного истребленія нашей арміи. Сераскиръ собираетъ всѣ турецкія войска, съ которыми двигается противъ Каменскаго, предвкушая сладость побѣды и плѣненія арміи. Но отважный герой, съ оставшимися у него слабыми силами, самъ идетъ къ нему на встрѣчу и подъ Батиномъ наноситъ ему такое рѣшительное пораженіе, которое разомъ кладетъ конецъ кампаніи.

II.

Командировка въ Сербію.

— „Георгій Ивановичъ, вамъ телеграмма изъ Горняго Студня“, въ полусознаніи слышалъ я голосъ Дринова, „можно вскрыть?“

— „Пожалуйста.“

— „Великій Князь главнокомандующій предлагаетъ вамъ прибыть къ нему въ главную квартиру. Непокойчицкій“.

— „Отвѣтьте, прошу васъ: „буду завтра, двадцать перваго августа.“

— „Богъ съ вами, да развѣ это возможно. Вы и на ногахъ-то держаться не будете въ состояніи, какъ вамъ сдѣлать дальній путь.“

— „Никто какъ Богъ, нужно ѣхать, и поѣду, хотя бы пришлось меня перетаскивать на рукахъ“.

Съ первыми лучами солнца ранняго утра слѣдующаго дня я проснулся почти бодрѣмъ. Встать, одѣться и умыться, хотя и шатаюсь, я могъ безъ посторонней помощи; но выпить стаканъ чаю съ коньякомъ, приготовленный заботливою рукою друга, я все-таки былъ не въ состояніи. Черезъ полчаса мы уже катили, вмѣстѣ съ Дриновымъ, въ легкой телѣжкѣ по дорогѣ въ Горній Студень. Утренняя прохлада была весьма пріятна, но день обѣщалъ быть знойнымъ. Чистый, свѣжій воздухъ былъ для меня лучшимъ лекарствомъ. Я чувствовалъ себя вполнѣ хорошо, и только отвратительный для меня вкусъ кристальной воды попутнаго фонтана, да тяжесть головы при наступленіи дневной жары, обнаруживали еще продолжавшееся болѣзненное состояніе моего организма.

— „Великій Князь имѣетъ въ виду васъ послать въ Сербію“, сообщилъ генераль Непокойчицкій, когда я явился къ нему, предварительно представленія главнокомандующему.

— „Я рѣшился послать тебя въ Сербію, чтобы ты тамъ хорошенько выяснилъ, хотятъ ли и могутъ ли сербы воевать,—съ обычнымъ благодушіемъ изволилъ сказать мнѣ Его Высочество.—Ты знаешь, что князь Миланъ пріѣзжалъ въ Плоэшти, чтобы просить разрѣшенія принять участіе въ войнѣ, только что-то ужъ очень сильно напиралъ на затруднительное экономическое положеніе страны. Тогда мы не отвѣчали ему ни да, ни нѣтъ, не желая усложнять нашего политическаго положенія по

отношенію къ Австріи; да и не желали выдачею денежной субсидіи какъ бы вызывать ихъ на такое дѣло, которое должно было бы быть естественнымъ результатомъ ихъ національнаго порыва. Къ тому же, вопросъ о сербской коопераціи, какъ тебѣ извѣстно, уже неоднократно обсуждался въ принципѣ еще въ Кишиневѣ, когда пришли къ заключенію, на основаніи мнѣній Черняева и Зеленаго, что содѣйствіе сербовъ можетъ быть полезно только при непремѣнномъ условіи совмѣстнаго ихъ дѣйствія съ нашими войсками. Попытка поднять ихъ упавшій духъ посылкою въ Вѣлградъ миссіи генерала Никитина, какъ тебѣ тоже извѣстно, совершенно не удалась. Теперь мы задержались подъ Плевною, вѣроятно, на продолжительное время, и намъ, пожалуй, было бы очень съ руки, еслибы сербы успѣли оттянуть на себя часть силъ турецкой арміи. Отсюда, ты понимаешь, что чѣмъ скорѣе это было бы выполнено, тѣмъ лучше; но съ другой стороны надо дѣйствовать осмотрительно, чтобы не навязать себѣ на шею такого слабаго союзника, котораго бы мы сами были принуждены въ концѣ концовъ спасать отъ гибели. Поѣзжай же съ Богомъ, полагаюсь на тебя, что ты съумѣешь привести дѣло къ лучшему результату“.

Я весь обратился въ слухъ, каждое слово рѣзко запечатлѣвалось въ моей памяти и глубоко западало въ мое сердце.

— „Я просилъ бы Ваше Императорское Высочество не поскупились въ вашемъ мнѣ полномочіи, чтобы я имѣлъ возможность“...

— „Все уже сдѣлано, голубчикъ, и я надѣюсь, что ты останешься имъ вполне доволенъ. Кстати, на военныя нужды имъ выдается полмилліона, а дальше ты тамъ ужъ самъ сообразишь, вмѣстѣ съ Персіани, и со-

общинъ, въ какую форму облечь субсидію. О своихъ впечатлѣніяхъ и выводахъ сообщай мнѣ подробнѣе и почаще“.—Я откланялся.

— „Скоро ли вы намѣрены вернуться къ намъ обратно“, обратился ко мнѣ за обѣдомъ князь Черкасскій, „смотрите, не опоздайте на вашъ постъ филиппопольскаго военнаго губернатора. Отъ души желаю вамъ живо окончить ваши дѣла въ Бѣлградѣ и поскорѣе возвратиться“.

— „Что-за неудача“, говорилъ мнѣ въ тотъ же день вечеромъ А. И. Нелидовъ, „что если простоемъ подъ Плевной до глубокой зимы, да тѣмъ и окончится кампанія, какъ тутъ предъявлять требованіе о самостоятельной Болгаріи хотя бы до Балканъ“.

— „Вѣрьте въ стойкость русскаго богатыря-солдата и рассчитывайте на благополучное окончаніе дѣла; а вы лучше мнѣ скажите, что-за особа нашъ дипломатическій агентъ въ Бѣлградѣ, съ которымъ мнѣ придется вмѣстѣ дѣйствовать, и какъ вы оцѣниваете положеніе дѣлъ въ Сербіи“.

— „Александръ Ивановичъ Персіани преданъ своему долгу до педантизма, человѣкъ прекраснѣйшей души и благороднѣйшаго сердца, съ нимъ вамъ будетъ очень легко; но въ отношеніи правительственныхъ лицъ въ Сербіи рекомендую вамъ сдержанность и крайнюю осторожность. Въ особенности не довѣряйте словамъ князя Милана. Сами по себѣ сербы хорошій народъ и намъ искренно преданы; но несчастная представительная форма правленія породила у нихъ самыя невозможныя политическія партіи и развела между ними крайне вредный въ государственномъ отношеніи политическій пролетаріатъ. Попробуйте согласиться сегодня съ одною фракціею, и завтра вы будете имѣть противъ себя всѣ

остальные. Чтобы при этихъ условіяхъ можно было тамъ что-нибудь сдѣлать, нужно дѣйствовать самостоятельно, независимо и твердо. Что тамъ работать трудно, доказываютъ примѣры всѣхъ вашихъ предшественниковъ“.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня, еще на разсвѣтѣ, я уже выѣхалъ изъ Горняго Студня, намѣреваясь къ вечеру, черезъ Зимницу и Фратешти, прибыть въ Бухарестъ. Вспоминая свою слабость и безпомощность, только сутки тому назадъ, и вчерашній день непрерывнаго движенія съ полною воспріимчивостью чувствъ, неспособность ранѣ выпить глотокъ воды и преисправный затѣмъ обѣдъ, я изумлялся присутствію въ чело-вѣческомъ организмѣ массы жизненной энергіи, не поддающейся никакому измѣренію. Точно чудо свершилось со мною; точно сказано было: встань, возьми одръ свой и иди, и я всталъ и пошелъ. Несомнѣнно существованіе этой нравственной силы и въ арміи; и много нужно таланта и воли, чтобы сдержать ее отъ колебаній, а тѣмъ болѣе поднять упавшій духъ.

Только теперь я прочелъ инструкцію, врученную мнѣ въ главной квартирѣ передъ самымъ отъѣздомъ. Вотъ ея содержаніе: „Изъ полученныхъ изъ Бѣлграда извѣстій явствуетъ, что сербское правительство далеко не такъ готово къ дѣйствию, а народъ не такъ расположенъ къ войнѣ, какъ о томъ заявлялъ отъ имени князя Милана полковникъ Катаржи. Вступленіе княжескихъ войскъ въ Турцію *черезъ мѣсяцъ* даже въ количествѣ 40,000, предполагаемомъ сербами, не принесетъ существенной пользы нашимъ операціямъ. Въ настоящую минуту нападеніе даже половиннаго числа, но въ непродолжительномъ времени, можетъ одно со-дѣйствовать нашимъ предпріятіямъ и возмѣститъ до

извѣстной степени приносимыя нами для сербовъ матеріальныя пожертвованія и могуція возникнуть для насъ изъ ихъ содѣйствія политическія усложненія, въ особенности при заключеніи мира. А потому является крайне необходимымъ удостовѣриться на мѣстѣ, сколь можно скоро, въ какой степени и съ какими силами сербы могутъ дѣйствительно начать войну съ Турціею, и въ какой именно срокъ, но безъ всякой съ нашей стороны военной поддержки, какъ въ теченіе военныхъ дѣйствій, такъ и въ случаѣ неудачи. Если сербы къ этому готовы, то отъ нихъ слѣдуетъ настойчиво требовать энергическихъ распоряженій для вступленія въ дѣйствіе безотлагательно. Въ такомъ случаѣ немедленно по открытіи кампаніи имъ будетъ выданъ второй полумилліонъ. Если же окажется, что они къ тому не способны, то считается предпочтительнымъ пригласить ихъ, при позднемъ времени года, не объявлять войны Турціи и отнюдь не прерывать съ нею сношеній, но впредь до указаній Императорскаго правительства поддерживать натянутыя отношенія и держать Порту подъ угрозою разрыва, а вмѣстѣ съ тѣмъ для возмѣщенія выданнаго имъ полумилліона рублей выставить на турецкую границу, на пункты, указанные подробностями нашихъ военныхъ дѣйствій, обсерваціонныя отряды и тѣмъ оттягивать отъ насъ часть непріятельскихъ силъ. А потому, освѣдомясь предварительно въ Бѣлградѣ у правительственныхъ органовъ объ официальныхъ нуждахъ и состояніи сербской арміи, вамъ необходимо будетъ осмотрѣть ихъ отдѣльныя части и склады на мѣстѣ, донося постепенно въ возможно скорѣйшемъ времени о заключеніяхъ, къ которымъ вы будете приходить—по телеграфу чрезъ посредство генеральнаго консульства, имѣя однако постоянно въ виду, что главнымъ условіемъ для

насъ является возможность скорого вступленія въ дѣйствіе сербскихъ войскъ или по крайней мѣрѣ ихъ сосредоточеніе на границѣ, но не забывая и того, что при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій мы можемъ при извѣстныхъ условіяхъ нуждаться и въ ихъ матеріальной открытой поддержкѣ. Горній Студень. 21 августа 1877 г.“.

Я былъ весьма доволенъ самостоятельную ролью руководителя сербскихъ военныхъ операцій. Оставаясь въ арміи, я былъ лишенъ возможности доказать на дѣлѣ правоту моего воззрѣнія на способы дѣйствія противъ турокъ. Теперь я давалъ себѣ слово, при малѣйшей возможности, повести сербовъ впередъ съ обходомъ турецкихъ крѣпостей и избѣгать атакъ непріятельскихъ позицій безъ вѣрнаго разсчета на успѣхъ. Но дѣло, мнѣ порученное, было не изъ легкихъ, такъ какъ лучше идти въ бой съ людьми, совершенно не бывшими на войнѣ, чѣмъ распоряжаться войсками, испытанными на себѣ тяжесть непріятельскихъ ударовъ. Крайне слабый составъ постоянныхъ войскъ въ Сербіи сообщалъ ея мобилизованной арміи характеръ народного ополченія, при отсутствіи учебныхъ сборовъ, почти безъ всякой военной подготовки. Природная воинственность большей части ея населенія, правда, обуславливала надежный контингентъ новобранцевъ; но испытанныя сербами неудачи въ послѣднюю войну сильно уронили ихъ нравственный духъ. Недаромъ, командовавшій ими, генераль Черняевъ, и проводившій послѣ войны демаркаціонную линію, полковникъ Зеленой одинаково высказывались о невозможности ихъ самостоятельнаго участія въ войнѣ безъ непосредственной поддержки нашими войсками. Въ свое время существовало предположеніе послать одну пѣхотную дивизію съ артиллерією и бригадою кавале-

рии черезъ Турнъ-Северинъ и Кладово въ Неготинскій округъ для совмѣстныхъ операцій съ сербскими войсками. Теперь приходилось дѣйствовать самостоятельно и притомъ наступленіемъ въ тылу турецкихъ крѣпостей. Съ нашими войсками можно было смѣло, оставя четыре корпуса пока въ Придунайской Болгаріи, съ тремя и съ сильною кавалеріею перейти Балканы и грозить черезъ Адрианополь Стамбулу; но съ сербскою народною милиціею нужно было быть гораздо осторожнѣе. Основываясь на опытѣ предшествовавшихъ войнъ нашихъ съ турками, я приобрѣлъ глубокую вѣру въ силу удара за Балканами, непосредственнымъ послѣдствіемъ котораго должно было быть полное очищеніе турецкими войсками придунайскаго театра военныхъ дѣйствій, и во всякомъ случаѣ крайнее ослабленіе здѣсь ихъ силы сопротивленія. Теперь мнѣ предстояло разрѣшить этотъ вопросъ на сербскомъ театрѣ войны, въ болѣе трудныхъ условіяхъ распоряженія милиціоннымъ войскомъ; но съ значительнымъ преимуществомъ дѣйствія на второстепенной въ военномъ отношеніи мѣстности. Но какъ рѣшиться на смѣлое наступленіе, въ расчетѣ на впечатлительность противника, когда впечатлительность своихъ войскъ отъ пустой случайности легко можетъ превратиться въ общую панику. Какой-то составъ корпуса сербскихъ офицеровъ; во многомъ ли можно на него положиться.

Обдумывая мое новое положеніе, въ самостоятельной роли распорядителя военными операціями, я убѣждался въ необходимости проявленія твердой воли, чтобы сбегать армию отъ раздробленія, и непреклонной настойчивости для осуществленія предварительно выработаннаго главнаго плана войны. Тысячи разнородныхъ извѣстій, слетающихся со всѣхъ сторонъ въ главную квар-

тиру, почти всегда одно другому противорѣчащихъ, въ которыхъ за главное часто выдается пустякъ, а суть дѣла кроется въ оговоркѣ, способны породить такой хаосъ, разобраться въ которомъ можно только съ помощью самой строгой выдержки. Нужно хорошенько изучить обстановку въ Сербіи, сообразно съ нею начертать себѣ планъ и настойчиво привести его въ исполненіе, не справляясь ни съ чѣмъ мнѣніемъ.

Солнце уже стояло высоко и нестерпимо пекло, когда я, оставя влѣво Систово и проѣхавъ по мосту Дунай, уже на почтовыхъ направлялся къ желѣзной дорогѣ въ облакахъ ѣдкой пыли. Занятый своими мыслями, я не чувствовалъ ни голода, ни жажды, хотя кромѣ нѣсколькихъ глотковъ чая въ Горнемъ Студнѣ я съ утра ничего не ѣлъ. Вечеромъ на станціи Фратешти, въ ожиданіи поѣзда, я попробовалъ было холоднаго драгошани ¹⁾ съ бисквитами; но былъ самъ не радъ этой прокисшей фальсификаціи, отъ болѣзненныхъ послѣдствій которой могъ отдѣлаться только черезъ нѣсколько дней и то съ помощью сильныхъ пріемовъ опія. Въ Бухарестѣ я засталъ многихъ изъ дѣйствующей арміи, оправлявшихся отъ захватившей ихъ диссентеріи, и въ числѣ ихъ М. Д. Новикова и Д. С. Нагловскаго.

— „Знаете ли, обратился ко мнѣ послѣдній, что по свѣжимъ извѣстіямъ изъ-подъ Плевны тамъ собираются вновь штурмовать“.

— „Ради Бога, что вы говорите“.

— „Это вѣрно, и я обдумываю, какимъ бы способомъ лучше можно было предотвратить это новое бѣдствіе. Сперва я останавливался на письменномъ выраженіи нашего мнѣнія, которое можно было бы послать

¹⁾ Лучшее мѣстное бѣлое вино.

частнымъ образомъ кому-нибудь изъ близкихъ лицъ въ штабѣ; но потомъ рѣшился, какъ только поправлюсь, не медля, ѣхать въ главную квартиру, чтобы лично стараться, сколько силъ хватить, въ разъясненіи всего вреда новой атаки“.

— „Прошу васъ, Дмитрій Станиславовичъ, при удобномъ случаѣ высказать, что таково и мое глубокое убѣжденіе“.

Какъ ни торопился я справиться съ разнаго рода дѣлами, однако въ Бухарестѣ пришлось остаться цѣлые три дня, отчасти вслѣдствіе моей слабости, каждый день къ вечеру. Какъ во время моего здѣсь пребыванія зимою, такъ и теперь, я не пропускалъ свободного времени, чтобы не пользоваться широкимъ гостепріимствомъ нашего дипломатическаго агента, уважаемаго барона Д. Ө. Стурта, у котораго всегда можно было встрѣтить лицъ, пріѣзжавшихъ сюда со всѣхъ сторонъ, по служебной ли обязанности, или для кратковременнаго отдыха отъ бранныхъ тревогъ и лишеній.

26-го августа, утромъ, я выѣхалъ на Турнъ-Северинъ, гдѣ предполагалъ въ экипажѣ по береговой дорогѣ миновать дунайскіе пороги до Орсовы, тамъ переночевать, а утромъ продолжать путь уже на большомъ рѣчномъ пароходѣ австрійскаго Ллойда. Дорогою мнѣ пришла въ голову мысль, что если турки изъ Ада-Калэ, маленькой турецкой крѣпостцы, расположенной на острову близъ самой дороги, по которой мнѣ приходилось проѣзжать въ двѣнадцатомъ часу ночи, свѣдавъ какимъ-нибудь образомъ о моемъ проѣздѣ, заберутъ меня въ плѣнъ. Исполнить это было очень легко, я попалъ бы въ просакъ и, конечно, не оправдалъ бы своею оплошностью высокаго ко мнѣ довѣрія. Хотя я и отдавалъ себѣ отчетъ, что такая случайность имѣетъ за со-

бою весьма мало шансовъ, тѣмъ не менѣе, какъ только поѣздъ достигъ турнъ-северинской станціи, я, не теряя минуты, нанялъ себѣ лучшую коляску и немедленно двинулся въ путь, приготовивъ на всякій случай револьверъ. Береженаго и Богъ бережетъ. Дѣло, однако, обошлось благополучно, но я все-таки глубоко вздохнулъ, когда оставилъ за собою пустынную мѣстность противъ островка и крѣпости, въ которой мелькали огни и слышались гортанные звуки турецкаго лагеря. Вокругъ ни малѣйшаго признака австрійской пограничной стражи.

Почти до Базіаша дунайская долина сдавливается въ горныя ворота, составляя одну изъ живописнѣйшихъ мѣстностей въ Европѣ. Большею частью покрытая дубовымъ лѣсомъ, цѣпи горъ почти отвѣсно прорѣзываются величественною рѣкою, со дна которой мѣстами поднимаются надъ поверхностью острые вершины скалъ. На лѣвомъ берегу еще встрѣчаются прибрежныя равнины съ прекрасно обработанными нивами и поселками, даже виднѣется шоссированная дорога, иногда съ парашетомъ, гдѣ близко подходитъ къ руслу; за то правый, сербскій, берегъ отличается дикимъ и суровымъ характеромъ. Его вершины, громоздящіяся одна надъ другой, почти сплошь поросли первобытнымъ лѣсомъ, и только изрѣдка попадавшіяся лежни для спуска въ рѣку товарнаго лѣса, да убогія хижины дровосѣковъ, составляли единственные признаки присутствія здѣсь человѣка. Пароходъ усиленно работалъ, но медленно подвигался впередъ, до того быстрота теченія рѣки въ этомъ мѣстѣ была велика.

Взглядъ мой скользилъ по лѣснымъ дебрямъ развѣтывавшейся предо мною Сербіи, уже сдѣлавшейся для меня чѣмъ-то очень близкимъ и дорогимъ. Вотъ въ этихъ-то дебряхъ, представлялось мнѣ, впервые закопошились

сыны своей родины, когда донеслись сюда раскаты побѣдныхъ пушекъ екатерининскихъ богатырей. Среди этихъ труднодоступныхъ горныхъ трущобъ, подъ сѣнью этихъ величественныхъ дубравъ, спланивалась сербская сила, не замедлившая затѣмъ отозваться на бранные клики православнаго воинства. Не велика была рать у Георгія Чернаго, но много въ ней было мужества и рѣшимости постоять за родную страну. Твердая вѣра въ святость дѣла дала ей побѣду, которую Россія поспѣшила закрѣпить международнымъ договоромъ. Только полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, а уже много превратностей судьбы пришлось испытать юному княжеству. Сначала попытки турокъ вновь вернуть его подъ свою власть, продолжительное задержаніе ими крѣпостей, и въ особенности внутреннія неурядицы, а потомъ вредное вліяніе Запада, отразившееся введеніемъ въ страну неподходящаго къ тогдашнимъ ея условіямъ государственнаго строя, насильственный перерывъ организаторской дѣятельности князя Михаила Обреновича, малолѣтство нынѣшняго князя и естественная неустойчивость власти регентства. Все это, очевидно, не могло благопріятно вліять на развитіе внутренней силы молодаго политическаго организма. Съ моей стороны было бы, конечно, неосновательно предполагать встрѣтить въ Сербіи готовую, вполне организованную, силу, которую оставалось бы только вести въ бой. Безъ сомнѣнія, я встрѣчу тамъ полное неустройство, благія намѣренія большинства и, быть можетъ, даже скрытое противодѣйствіе нѣкоторыхъ, стоящихъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ дипломатическому представительству, въ особенности Лондона и Вѣны. Но я все-таки найду въ странѣ близкихъ потомковъ доблестныхъ юнаковъ Карагеоргія, которыхъ мужество не поколебалось неудачами послѣдней

войны, а патриотическія сердца отзовутся, какъ прежде, на призывъ браннаго клича.

Мысли мои были прерваны появленіемъ на палубѣ князя Ал. Н. Цертелева, возвращавшагося изъ Бѣлграда въ дѣйствующую армію и пересѣвшаго ко мнѣ на пароходъ, чтобы рассказать о только-что вынесенныхъ впечатлѣніяхъ въ Сербіи.

— „Васъ ждутъ тамъ съ нетерпѣніемъ и возлагаютъ на васъ всѣ надежды свои и упованія, но предупреждаю, что правительство ни въ какомъ случаѣ не рѣшится на объявленіе Турціи войны ранѣ марта. Власти убѣждены въ нерѣшительномъ исходѣ кампаніи настоящаго года и въ возобновленіи военныхъ дѣйствій раннею весною. Не желая подвергаться лишеніямъ и невзгодамъ зимняго боеваго времени, онѣ хотятъ поспѣть прямо къ финалу, чтобы участвовать въ дѣлѣжѣ трофеевъ. Познакомившись съ настроеніемъ сербовъ въ горныхъ селеніяхъ, я въ отчаяніи за нихъ, потому что боюсь, что правительство окажется неподатливымъ и откажется отъ немедленнаго объявленія войны“.

— „Будьте покойны, сербы пойдутъ осенью, хотя, быть можетъ, и не такъ скоро, какъ бы это хотѣлось ихъ патриотамъ“.

III.

Бѣлградское правительство.

Пароходъ подошелъ къ бѣлградской пристани вечеромъ, уже въ темнотѣ. На берегу я былъ встрѣченъ первымъ секретаремъ генеральнаго консульства, временно имъ управлявшимъ, Н. Н. Лодыженскимъ. Водворивъ меня въ приготовленномъ для меня помѣщеніи, онъ остался еще нѣсколько времени, чтобы сообщить о мѣстныхъ событіяхъ и лицахъ. Я былъ чрезвычайно доволенъ встрѣтить въ Лодыженскомъ серьезный взглядъ, выработанный добросовѣстнымъ трудомъ. Хорошо владея сербскимъ языкомъ, онъ былъ знакомъ съ мѣстной прессою и литературою, хотя, быть можетъ, слишкомъ увлекался оппозиціонными воззрѣніями, приписывавшими всѣ бѣды страны личности князя Милана. Въ Бѣлградѣ онъ жилъ съ своею малолѣтнею семьею точно также, какъ въ своемъ рязанскомъ или тульскомъ помѣстьѣ. До сихъ поръ съ благодарностью вспоминаю, какъ измученный нравственно, бывало, отправлялся къ нему на рускіе щи и гречневую кашу, заслушиваясь послѣ обѣда его талантливою игрою на роялѣ.

„Князь только терпитъ Ристича, не довѣряя ему и ревнуя къ власти; но, чувствуя шаткость подъ собою почвы, все-таки его держится. Ристичъ вовсе не такъ популяренъ въ странѣ, какъ предполагаютъ; за то онъ ее сдавилъ въ желѣзныхъ тискахъ. О министрѣ внутрен-

нихъ дѣль не хочу говорить, до того онъ мнѣ антипатиченъ. Военный министръ, Савва Груичъ, изъ нашей военной ¹⁾ академіи, славный человѣкъ, но съ нимъ вамъ придется познакомиться весьма близко. Впрочемъ, если сразу говорить о всемъ и о всѣхъ, вы не упомните. Долженъ я только сказать, что здѣсь царствуетъ такой личный произволъ и преслѣдуются такія эгоистическія цѣли, что врядъ-ли вамъ скоро удастся съ ними столкнуться. Объ общей пользѣ никто не думаетъ“.

Вообще мало утѣшительнаго я услышалъ въ разсказахъ Н. Н. Лодыженскаго. Страна представлялась разоренною, главнымъ образомъ, правительственными реквизиціями во время послѣдней войны; народонаселеніе—въ паникѣ столько же отъ турокъ, сколько и отъ собственной администраціи; промышленная и торговая эксплуатація въ рукахъ иностранцевъ; полное отсутствіе мало-мальски организованныхъ вооруженныхъ силъ, кромѣ нѣсколькихъ на-скоро сколоченныхъ баталіоновъ; жалкое вооруженіе; никакихъ правительственныхъ запасовъ, ни продовольственныхъ, ни вещевыхъ, ни боеваго снаряженія, за исключеніемъ развѣ, присланныхъ изъ Россіи за добровольческій періодъ, вещей; интеллигенція страны или въ изгнаніи на чужбинѣ, или вовлечена въ борьбу политическихъ партій; даже духовенство и чины войсковаго кадра, и тѣ служатъ органами вліянія на народъ. Два обстоятельства, въ особенности, остановили на себѣ мое вниманіе: удаленіе отъ должности, по настоянію князя, бывшаго здѣсь генеральнымъ консуломъ, г. Карцова, и безуспѣшность миссіи генерала Никитина. Какая бы ни была вина г. Карцова, смѣщеніе его по первому заявленію князя Милана, очевидно

¹⁾ Артиллерійской

должно было отразиться на сильномъ умаленіи вообще значенія нашего въ Вѣлградѣ представительства и только поощряло необузданность князя. Что же касается до миссіи генерала Никитина, то какова должна была быть безтолочь обстановки, если ни миллионъ рублей, находившійся въ его распоряженіи, ни широкія средства личнаго персонала не могли оказать вліянія на успѣшное разрѣшеніе задачи.

Утромъ слѣдующаго дня я представилъ князю Милану письмо Великаго Князя главнокомандующаго. Князь хорошаго роста, коренастъ, что называется вырубленъ топоромъ, или неладно скроенъ, да крѣпко сшить. Голова правильна, верхняя часть лица даже красива, но все портитъ чрезмѣрное развитіе подбородка. Отсюда выраженіе лица крайне неопредѣленно: то оно оживлено, бойко и умно, то оно тупо и упрямо. Въ общей фигурѣ больше грубости, чѣмъ изящества. Ознакомившись съ содержаніемъ письма, онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— „Я весьма радъ, что наконецъ мнѣ представляется возможность имѣть непосредственныя отношенія съ уполномоченнымъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго императорскою россійскою арміею, облеченнымъ его полнымъ довѣріемъ. Преклоняясь предъ актомъ великодушной рѣшимости вашего монарха, Императора Александра, поднять мечъ на защиту христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, я сознаю свой долгъ, себя вмѣстѣ съ моимъ народомъ поставить въ распоряженіе Его Императорскаго Величества. О моихъ чувствахъ и готовности принять участіе въ войнѣ я имѣлъ счастье лично свидѣтельствовать еще въ Плоэшти. Но во время послѣдней войны страна слишкомъ испытала, средства ея слишкомъ истощены, чтобы не-

медленное объявленіе нами войны не являлось шагомъ крайне рискованнымъ, способнымъ подвергнуть ее окончательному опустошенію ранѣе, чѣмъ мы успѣемъ причинить врагу существенный вредъ. Благоразуміе требуетъ предварительно мобилизаціи приготовить продовольствіе, обмундированіе, осмотрѣть и исправить вооруженіе, дополнить боевое снаряженіе. Все это слѣдуетъ сдѣлать въ большемъ размѣрѣ, такъ какъ, въ виду открытаго положенія границъ, мобилизовать менѣе ста тысячъ человекъ я не могу. Успѣхъ предпріятія обезпечивался бы значительно болѣе, еслибы была возможность прикупить къ имѣющимся тридцатипяти тысячамъ ружей системы Пибоди еще заряжающихся съ казны ружей той же системы, или даже другой. На все это нужны не малые денежныя средства, а государственная казна княжества истощена предшествовавшею войною и событіями. Впрочемъ я не ставлю вопроса объявленія Сербіею войны въ зависимость отъ назначенія субсидіи и готовъ немедленно идти въ бой, чтобы свято выполнить свой долгъ“.

Я выразилъ князю, что съ своей стороны весьма радъ сразу стать въ условія, вполнѣ его удовлетворяющія, что моею главною задачею считаю способствовать сербамъ къ наиболѣе успѣшному выполненію ихъ долга, что я признаю осторожность его свѣтлости весьма благоразумною; но, чтобы имѣть возможность быть вполнѣ полезнымъ, прошу его разрѣшенія познакомиться съ современнымъ состояніемъ средствъ Сербіи къ веденію войны, такъ какъ только тщательное ихъ изученіе можетъ дать мнѣ право указывать на тотъ или другой способъ дѣйствія и ходатайствовать объ отпускѣ субсидіи на тотъ или другой предметъ.

„Двери всѣхъ учрежденій военнаго характера предъ

вами будутъ раскрыты, сегодня же предупрежу военнаго министра, чтобы онъ былъ въ вашемъ полномъ распоряженіи; но я прошу васъ помнить, что я самъ готовъ вамъ давать необходимыя разъясненія и буду всегда радъ вашему приходу“.

На первый разъ было довольно и сдѣланныхъ общаній. Тамъ дальше увижу, какъ будутъ переходить отъ словъ къ дѣлу. Несмотря на плавность и выразительность его рѣчи, въ ея тонѣ слышалась, однако, фальшь заискивающихъ нотокъ, понижавшая достоинство внутренняго содержанія ея заявленій. Было очевидно, что мысль о субсидіи преобладала у Милана надъ всѣми остальными соображеніями.

За одинъ разъ я сдѣлалъ визиты митрополиту Михаилу, всѣмъ министрамъ и еще двумъ, тремъ лицамъ, извѣстнымъ по своимъ къ намъ симпатіямъ; но отъ посѣщенія членовъ дипломатическаго корпуса рѣшительно отказался, не находя ни малѣйшаго къ тому повода. Преосвященнѣйшій митрополитъ меня принялъ съ чрезвычайнымъ радушіемъ. Это человѣкъ несомнѣнно глубокаго ума, вѣрно оцѣнившій свое выдающееся значеніе представителя сербской православной церкви. Трудныя условія дѣятельности въ сферѣ соперничества уніи и борьбы католичества не только не умалили энергіи этого святителя православной церкви, но сообщили ей необыкновенную стойкость. Являясь свѣтлымъ явленіемъ въ жизни западнаго православнаго міра, его святое дѣло, къ прискорбію, вызвало пока затаенную зависть свѣтской въ княжествѣ власти, которая не въ силахъ примириться съ популярностью митрополита Михаила. Съ Саввой Груичемъ мы бесѣдовали довольно долго и условились о распредѣленіи необходимыхъ мнѣ подготовительныхъ работъ между бывшими воспитанниками нашей

военной академіи: имъ самимъ, инженеръ-подполковникомъ Магдалиничемъ и генеральнаго штаба подполковникомъ Джуричемъ.

Много ли я двигался, а уже чувствую болѣзненное утомленіе. Нужно принять рѣшительныя мѣры, чтобы, пользуясь хорошею погодою, по возможности уничтожить въ своемъ организмѣ вредныя послѣдствія дунайской маларіи. Буду вести самую регулярную жизнь, вставать въ шесть, ложиться въ десять, вмѣсто завтрака виноградъ, стараться цѣлый день быть на воздухѣ. Въ моемъ распоряженіи по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, пока правительство успѣетъ сдѣлать на полученные деньги необходимѣйшія для войны заготовки, пока я самъ не успѣю познакомиться съ сербскими вооруженными силами на столько, чтобы съ убѣжденіемъ сказать, когда и какъ сербы могутъ воевать.

На слѣдующій день только-что я успѣлъ, послѣ ранней прогулки, усѣсться на диванѣ предъ горой крупнаго и спѣлаго винограда, является Ристичъ. Какъ приличествуетъ дипломату, да еще стоящему во главѣ кабинета, онъ мнѣ успѣлъ наговорить цѣлую кучу самыхъ пріятныхъ вещей, а я все еще стоялъ, упрашивая садиться. Еще бы немножко, и можно было подумывать, что Сербія чуть-ли не для того и существовала, чтобы дождаться моего пріѣзда. Ну что тутъ отвѣчать. Чтобы какъ нибудь избавиться отъ тягостнаго сознанія побѣжденнаго, перевожу разговоръ на готовность сербовъ къ войнѣ. Но тутъ къ крайнему моему изумленію совершился крутой поворотъ. Оказалось, что не только немедленное объявленіе войны Сербіи, но и выступленіе ея въ полѣ ранѣе первыхъ теплыхъ дней марта мѣсяца было бы съ ея стороны актомъ безумія и привело бы только къ быстрому и окончательному само-

уничтоженію. И полился плавнымъ речитативомъ потокъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, имѣвшихъ однако ту особенность, что въ общей картинѣ, художественно воспроизведенной Ристичемъ, они казались неопровержимыми, но, взятые отдѣльно, теряли всякую убѣдительность.

Для меня было чрезвычайно важно слышать о мартовскомъ срокѣ въ такой опредѣленной формѣ, при томъ въ устахъ самого Ристича. Было очевидно, что ходившій слухъ о походѣ не ранѣ весны имѣлъ свое серьезное основаніе, и что самъ князь не рѣшился прямо высказаться, конечно, изъ боязни испортить личные отношенія. Это соображеніе меня сразу расположило болѣе къ Ристичу и поселило непріятное чувство къ князю. Некрасивою показалась мнѣ роль резинового мяча, которую князь предназначалъ мнѣ для своей игры.

— Какъ однако для меня неожиданно ваше заявленіе, говорю я Ристичу, какъ только прервалось его краснорѣчіе. Вотъ только-что предъ вашимъ приходомъ сажу я за уничтоженіемъ винограда и думаю: освѣжу имъ свои силы, потрепанныя дунайскою лихорадкою, а тѣмъ временемъ и сербы успѣютъ оправиться и приготовиться къ войнѣ. Мѣсяца черезъ полтора или два, пожалуй, можно будетъ, благословясь, выступить и въ походъ. А вы вотъ вдругъ говорите, что ранѣ марта нельзя. Совершенно понимаю, что вамъ, какъ истинному патріоту, было бы желательно сдѣлать свою родину участницею въ выгодахъ побѣднаго мира, избавивъ по возможности отъ испытаній военного времени. Вы вотъ пришли къ заключенію, на основаніи, конечно, мнѣнія вашихъ военныхъ авторитетовъ, что кампанія настоящаго года еще не приведетъ къ миру, что только въ будущемъ году будутъ возможны рѣшительныя дѣйствія,

что поэтому нѣтъ никакого разсчета для Сербіи являться на театр военныхъ дѣйствій ранѣе марта мѣсяца. Но какъ вы жестоко ошибетесь, если сила турецкаго сопротивленія будетъ сокрушена еще въ текущемъ году. Мнѣ Балканы хорошо извѣстны, и я могу васъ увѣрить, что для русской арміи они никогда не составятъ препятствія, даже въ самое суровое время года. Что если миръ будетъ подписанъ, а сербы еще будутъ спать въ ожиданіи весенняго похода. При чемъ останется Сербія, такъ много уже пострадавшая въ войнѣ съ турками; чѣмъ увѣнчается политика Ристича, такъ энергично всегда относившагося къ вопросу о защитѣ сербскаго элемента въ турецкихъ провинціяхъ... Я слишкомъ хорошо васъ знаю и уважаю, чтобы продолжать разяснять и убѣждать. Я прямо говорю вамъ, не только къ свѣдѣнію, но и къ исполненію, какъ первому изъ первыхъ въ Сербіи, будьте готовы къ ноябрю. О подробностяхъ, когда ближе съ вами познакомлюсь...

Мы поняли другъ друга хорошо. Не знаю, какъ онъ мною, но я Ристичемъ остался очень доволенъ.

На новой прогулкѣ зашелъ къ Лодыженскому, у котораго познакомился съ Н. А. Налетовымъ, секретаремъ нашего консульства въ Босна-Сераѣ, вызваннымъ сюда на время войны, отнынѣ неотлучнымъ и постояннымъ моимъ спутникомъ въ Вѣлградѣ и на войнѣ. Подъ его руководствомъ я познакомился и съ мѣстною топографіею, и съ жизнью въ Сераево, и съ характеромъ отношеній княжества къ боснійскимъ и другимъ всякаго рода усташамъ или добровольцамъ.

Мѣстоположеніе Вѣлграда одно изъ самыхъ живописнѣйшихъ. Расположенный на довольно возвышенномъ горномъ отрогѣ, заполняющемъ собою все пространство между Дунаемъ и Савою, городъ командуетъ окрестною

мѣстностью, къ сѣверу, западу и сѣверо-востоку, на многіе десятки верстъ. Онъ пользовался бы прекраснѣйшимъ климатомъ, еслибы не испаренія, облегающихъ его съ трехъ сторонъ, влажныхъ низинъ. Растительность молодого еще сада Кали-Мейдана, облегающего старую крѣпость надъ самымъ сліяніемъ Савы съ Дунаемъ, и каштановыя насажденія вокругъ дворца, по здѣшнему конака, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Выращенные любителями экземпляры хорошихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ свидѣтельствуютъ о благопріятныхъ условіяхъ мѣстности къ разведенію фруктовыхъ садовъ; но разбросанные въ окрестностяхъ виноградники съ одиноко стоящими, преимущественно, грушевыми деревьями рекомендуютъ здѣшнюю культуру далеко не съ выгодной стороны. Утромъ на экспланадѣ воздухъ былъ въ особенности свѣжъ, чистъ и живителенъ; позднѣе здѣсь становилось людно, да и не большая еще вѣтвистость деревьевъ не долго сопротивлялась солнечному нагрѣванію; за то отсюда можно было отлично наблюдать за всѣми движеніями срочныхъ пароходовъ, какъ они огибали городъ, подходили къ пристани и направлялись далѣе къ Землину; но гдѣ было днемъ хорошо, это въ Топчидере. Тамъ былъ маленькій домикъ Милоша, заросшій лѣсомъ, верстахъ въ двухъ отъ города по осѣненной старыми тополями дорогѣ вдоль Савы.

Въ тоже время дѣло шло своимъ чередомъ. Въ главную квартиру я донесъ о необходимости подготовительныхъ мѣръ для сербской милиціи, въ виду учебныхъ ея сборовъ на юго-восточной части границы. Работа моя съ моими сотрудниками успѣшно подвигалась впередъ, все увеличивая на моемъ столѣ кипу разнаго рода данныхъ и свѣдѣній, таблицъ и вѣдомостей военного ха-

рактера. Князь Миланъ также довольно часто удостоивалъ меня своимъ вниманіемъ, то приглашая на завтракъ, то на обѣдъ, то особою запискою напоминая о какомъ-либо данномъ мнѣ порученіи. Благодаря его инициативѣ, обмѣнъ депешъ съ главною квартирою все время производился весьма оживленно.

8 сентября онъ читаетъ мнѣ телеграмму Катаржи ¹⁾ о томъ, что въ искренности желанія не князя, а его министерства, воевать сильно сомнѣваются, присылка втораго полумилліона отложена, требуютъ точнаго опредѣленія времени перехода границы сербскими войсками. Въ сильномъ волненіи онъ мнѣ заявляетъ, что министерствомъ руководитъ самъ, почему не можетъ быть имъ обмануть, разрѣшеніе воевать просилъ самъ, но безъ немедленной присылки обѣщаннаго полумилліона Сербія не будетъ въ состояніи скоро приготовиться къ войнѣ; а, немного погодя, самъ спрашиваетъ, что дѣлать...

11-го сентября получаю предписаніе: „По соображенію всѣхъ обстоятельствъ Великій Князь желаетъ, и это воля Государя Императора, чтобы Сербія, воздерживаясь пока отъ объявленія войны Турціи и открытыхъ враждебныхъ дѣйствій, выставила возможно скорѣе observationalныя регулярныя войска на своей юго-восточной границѣ. Второй полумилліонъ будетъ немедленно высланъ по увѣдомленіи вашемъ объ исполненіи этого требованія“. Отправляюсь къ князю для передачи содержанія телеграммы. Тотъ опять встревоженъ депешою Катаржи, по которой требуется выставить на границу тридцать тысячъ лучшихъ сербскихъ войскъ, и убѣдительно проситъ немедленно выяснитъ недоразумѣніе.

¹⁾ Полковникъ Катаржи, близкій родственникъ князя Милана, состоялъ его военно-уполномоченнымъ въ главной квартирѣ нашей арміи.

— Ваше желаніе будетъ сегодня же мною исполнено; но я убѣдительнѣйше васъ прошу не останавливаться на подобныхъ недоразумѣніяхъ, не имѣющихъ существеннаго значенія, и немедленно дать приказъ о сборѣ войскъ. Будутъ ли послѣднія созваны въ числѣ тридцати тысячъ или двадцати пяти, отвѣтственность принимаю на себя, только бы они собраны были немедленно хорошо вооруженными и исправно снаряженными.

Лишь 29-го сентября я имѣлъ возможность донести о состоявшихся сборахъ, что устраняло послѣднее препятствіе къ полученію правительствомъ князя Милана втораго полумилліона рублей субсидіи. Сборы были выполнены, однако, не такъ, какъ было указано. вмѣсто сосредоточенія активнаго корпуса на юго-восточной границѣ, части милиціи были собраны мелкими частями въ девяти пунктахъ по восточной и южной границамъ княжества, представляя въ общей сложности около 25 баталіоновъ, 6 эскадроновъ и 22 батарей, всего численностью, вмѣстѣ съ нестроевыми и обозными, до 25 тыс. человекъ. Но я не возражалъ, такъ какъ признавалъ важное значеніе этой мѣры для перехода на военное положеніе.

Вообще дѣятельность князя имѣла порывистый характеръ и не отличалась логическою послѣдовательностью и строгою выдержкой. Съ богатыми способностями отъ рожденія, онъ избѣгалъ относиться къ каждому предмету прямо, а изощрялся въ болѣе или менѣе остроумныхъ способахъ сдѣлать по-своему. Теперь не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что, вслѣдствіе испытанныхъ нами неудачъ подъ Плевною, князь Миланъ имѣлъ твердое намѣреніе перейти къ военнымъ операціямъ не ранѣе марта будущаго года. Опасаясь

сосредоточеннымъ расположеніемъ обсерваціоннаго корпуса въ двухъ, трехъ пунктахъ привлечь на себя вниманіе турокъ, онъ разбрасываетъ мобилизованный отрядъ на громадномъ протяженіи границъ по мелочамъ, упуская изъ вида, что принятая мѣра уже сама по себѣ составляетъ первый шагъ къ войнѣ и значительно облегчаетъ мобилизацію милиціоннаго войска... Онъ горячо поднимаетъ вопросъ объ утилизаціи еще остающихся въ странѣ добровольцевъ сформированіемъ изъ нихъ легкихъ партій для дѣйствій въ Старой Сербіи и совершенно о нихъ забываетъ, когда разрѣшеніе главной квартиры нѣсколько запаздываетъ.. Съ такою же кратковременною горячностью относится онъ позднѣе къ другимъ вопросамъ, о которыхъ также скоро позабываетъ. Въ свое время, напримѣръ, указывая на свои связанные руки на Дринѣ для активныхъ дѣйствій въ угоду Австріи, онъ спрашиваетъ о существованіи обратной гарантіи противъ турецкаго нападенія. Въ другой разъ, настойчиво домогаясь присылки нашихъ осадныхъ орудій чрезъ Румынію для дѣйствія противъ Ниша, онъ требуетъ себѣ разрѣшеніе на бомбардированіе Ада-Кале и т. д.

Наконецъ въ Бѣлградъ прибылъ А. И. Персіани, сразу оцѣнившій все значеніе Ристича и ставшій съ нимъ въ самыя прямые и твердые отношенія. Для меня пріѣздъ А. И. Персіани былъ весьма важенъ, такъ какъ, освободясь отъ многихъ разговоровъ съ княземъ, не имѣвшихъ военнаго характера, я получилъ возможность болѣе заняться своею работою, а потомъ выѣхать внутрь страны для личнаго знакомства со средствами края и условіями предполагаемаго театра военныхъ операцій.

И вотъ я настолько познакомился съ сущностью положенія здѣсь вещей, что еще 12 сентября счелъ

возможнымъ донести въ главную квартиру, что выступленіе Сербіи черезъ мѣсяцъ при всѣхъ затрудненіяхъ можетъ имѣть успѣхъ.

IV.

Состояніе сербскихъ вооруженныхъ силъ.

Ближайшее знакомство съ организаціею сербскихъ вооруженныхъ силъ раскрыло предо мною картину весьма не утѣшительную и привело къ убѣжденію, что устройство военнаго дѣла здѣсь далеко не составляло важнѣйшей заботы княжескаго правительства. Трудная задача образованія народной силы въ условіяхъ особенностей края и мѣстнаго быта оставалась малоработанною, а къ воспитанію воинскаго духа милиціонныхъ войскъ было приложено еще меньше старанія. Красиво изложенныя на бумагѣ, введенныя въ послѣднее время положенія представляли большею частью только сколокъ съ иностранныхъ образцовъ, почти вовсе не соотвѣтствовавшихъ свойствамъ страны и народа.

Вооруженныя силы княжества составляли постоянныя войска и народное войско изъ всѣхъ способныхъ носить оружіе сербовъ. Уже одно сопоставленіе средней численности въ 3 т. человѣкъ первыхъ съ 200 тысячъ послѣднихъ обнаруживаетъ неудовлетворительное значеніе постоянныхъ войскъ, какъ кадра для народнаго войска. Желаніе же исправить это отношеніе сокращеніемъ срока службы до двухъ лѣтъ только уничтожило самую возможность имѣть сколько-нибудь надежный со-

ставъ инструкторовъ. Отсюда видно, что народное войско не могло рассчитывать на серьезное содѣйствіе въ дѣлѣ воинскаго образованія со стороны постоянныхъ войскъ и должно было искать въ самомъ себѣ средствъ къ самообразованію. Законъ устанавливалъ для народнаго войска ежегодные учебные сборы на срокъ 25-ти дней; но правительство пользовалось этимъ правомъ крайне рѣдко по политическимъ и экономическимъ соображеніямъ. Хотя продовольствіе людей во время учебныхъ сборовъ производилось средствами общинъ, но боевое снаряженіе ихъ должно было относиться на государственный бюджетъ, и этого было достаточно, чтобы правительство откладывало сборы изъ года въ годъ. Къ сожалѣнію, къ этому примѣшивались еще политическія причины. Учебные сборы составляли для народонаселенія довольно тяжелую повинность, избавленіемъ отъ которой члены правящаго министерства стремились привлечь народныя симпатіи на свою сторону.

Постоянныя войска до войны 1876 года состояли изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, одного эскадрона кавалеріи, 7-ми батарей артиллеріи и инженерной команды. Послѣ войны, пѣхота была оставлена въ 4-хъ-баталіонномъ составѣ, въ кавалеріи удержано два эскадрона; въ артиллеріи организація всѣхъ 26-ти полевыхъ батарей была сохранена, только составъ людей былъ до нельзя сокращенъ. Послѣ объявленія нами войны, были собраны, въ маѣ 1877 года, всѣ служившіе въ постоянной пѣхотѣ люди ближайшихъ сроковъ, и вновь образованы еще 4-е баталіона. Такимъ образомъ въ данное время постоянныя войска составляли: 8-мъ баталіоновъ пѣхоты, 2 эскадрона кавалеріи и кадры полевыхъ батарей, всего численностью свыше пяти тысячъ человекъ. Изъ того числа 5-ть баталіоновъ и 2 эскад-

рона были расположены въ Вѣлградѣ, за исключеніемъ двухъ ротъ, расположенныхъ въ Шабцѣ и Кладово поротно; 3 баталіона находились въ Крагуевцѣ; а артиллерійскіе кадры оставлены въ военныхъ пунктахъ всего княжества.

Ранѣе, постоянныя войска предназначались для дѣйствій въ военное время въ своемъ собственномъ составѣ, въ видѣ отборной части или надежнаго резерва, но ничтожная ихъ численность лишала эту горсть всякаго значенія, и потому мысль о самостоятельномъ употребленіи постоянныхъ войскъ была замѣнена назначеніемъ ихъ, распределеніемъ поротно, усиливать части народнаго войска. Въ мирное время надѣялись кадры инструкторовъ для ежегодныхъ учебныхъ сборовъ милиціи образовать изъ старослуживыхъ постояннаго войска; но невыполнимость этого предположенія заставила теперь на учебные сборы назначать постоянныя роты въ полномъ комплектѣ. Такимъ образомъ и въ военное время, и въ періоды учебныхъ сборовъ, постоянныя войска сливаются съ народнымъ, причемъ изъ частей послѣдняго преимущественно усиливаются тѣ, которыя назначаются для болѣе трудныхъ операцій. Все это касается одной пѣхоты, такъ какъ два постоянные эскадрона не смѣшиваются съ народною конницею, а дѣйствуютъ отдѣльно, главнымъ образомъ расходуясь на ординарческую службу и въ прикрытіе главной квартиры. Всѣ полевыя батареи комплектуются своими же людьми, выдѣляя только незначительное число старослуживыхъ въ кадры горныхъ и народныхъ батарей.

Народное войско собирается по административнымъ округамъ государства, пропорціонально численности ихъ народонаселенія. Нижеслѣдующій перечень показываетъ,

сколько какой округ обязанъ выставить баталіоновъ 1-го и 2-го классовъ и сотенъ народной конницы.

Округа.	Баталіоновъ.		Сотенъ.
	1 класса	2 класса.	
1. Бѣлградскій	5	5	2
2. Смедеревскій	4	5	2
3. Крагуевацкій	6	6	3
4. Рудничскій	3	3	1
5. Крушевацкій	4	5	2
6. Чачакскій	4	4	1
7. Алексинацкій	3	3	1
8. Чупрійскій	4	4	2
9. Ягодинскій	4	5	2
10. Крайпскій	5	5	2
11. Црноръченскій	4	4	2
12. Княжевацкій	4	4	1
13. Пожаревацкій	5	5	2
14. Враничевскій	5	5	2
15. Ужицкій	6	6	3
16. Вальевскій	5	5	2
17. Шабацкій	5	5	2
18. Подринскій	3	3	1
Всего	80	80	33

Кромѣ того, каждый округъ представляетъ людей на одну батарею, по ротѣ саперъ и мастеровыхъ, по взводу хлѣбопеконъ и мясниковъ, и санитарное отдѣленіе.

Каждый баталіонъ обоихъ призывныхъ классовъ было положено имѣть числительностью въ 727 человекъ, въ томъ числѣ 650 строевыхъ; но, въ виду недостаточнаго количества ружей, которыхъ въ наличности имѣлось: системы Пибоди до 35.000, системы Грина около 12.000 и до 65.000 заряжающихся съ дула, было определено ограничить численность баталіона въ 530 человекъ, въ томъ числѣ вооруженныхъ только 500. Конную сотню было положено имѣть въ 127 человекъ, по-

левую батарею въ 170, а горную и народную въ 100, наконецъ саперную роту въ 150 человекъ.

Въ артиллеріи было всего 232 полевыхъ и горныхъ орудій, заряжающихся съ дула, въ томъ числѣ 12 двѣнадцатифунтовыхъ, 144 четырехфунтовыхъ тяжелыхъ, 32 четырехфунтовыхъ же легкихъ, причисленныхъ къ народному войску, и такъ называемыхъ бригадныхъ, и наконецъ 44 горныхъ орудія той же конструкции. Двѣнадцатифунтовыя орудія имѣли упряжку въ 8 лошадей, четырехфунтовыя тяжелыя—въ 6, остальные—въ 4 лошади. Двѣнадцатифунтовыя и четырехфунтовыя тяжелыя были сведены въ батареи по 6 орудій, остальные—по 4. На каждое орудіе полагалось по одному зарядному ящику.

При мобилизаціи народнаго войска, было предположено образовать, по условіямъ мѣстности и значенію пограничныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, пять корпусовъ: *Шумадійскій* изъ округовъ: Бѣлградскаго, Смедеревскаго, Крагуевацкаго и Рудничскаго; *Моравскій* изъ округовъ: Крушевацкаго, Чачакскаго, Алексинацкаго, Чупрійскаго и Ягодинскаго; *Тимочскій* изъ округовъ: Крайнскаго, Црнорѣченскаго, Княжевацкаго, Пожаревацкаго и Враничевскаго; *Яворскій* изъ округовъ: Ужицкаго, Вальевскаго и частью Чачакскаго; наконецъ *Дринскій* изъ округовъ: Шабачкаго, Подринскаго и частью Вальевскаго. Такимъ образомъ наиболѣе сильнаго состава было предположено имѣть Тимочскій корпусъ для защиты самаго открытаго пространства Крайны и округовъ Зайчарскаго и Княжевацкаго. За нимъ слѣдуетъ Моравскій корпусъ, имѣвшій важное назначеніе прикрывать доступъ въ княжество историческимъ путемъ долиной р. Моравы. Яворскій и Дринскій корпуса, при большей безопасности по мѣстнымъ условіямъ погра-

ничныхъ пространствъ, ввѣренныхъ ихъ охраненію, предположено было имѣть менѣе сильными. Наконецъ оплотомъ государственной обороны и резервомъ всѣхъ корпусовъ долженъ былъ служить Шумадійскій корпусъ, которому поэтому опредѣлялось придавать болѣе законченную организацію и болѣе надежный составъ.

Соотвѣтственно важности назначенія корпусовъ, распредѣленіе ротъ постоянной пѣхоты между пѣхотными частями было предположено дѣлать въ слѣдующемъ порядкѣ: въ Шумадійскій корпусъ отдавать 15 ротъ, въ Моравскій—6, въ Тимочскій—6, и въ Яворскій—4, оставляя одну въ Вѣлградѣ. При слабомъ воинскомъ образованіи людей постоянныхъ ротъ, распредѣленіе ихъ по баталіонамъ народнаго войска, очевидно, имѣло значеніе не столько приданія кадровой устойчивости сколько увеличенія въ общемъ составѣ милиціи числа людей, физически болѣе развитыхъ, полнѣе обмундированныхъ и лучше снаряженныхъ и вооруженныхъ.

Хотя изложенныя основанія организаціи сербскихъ вооруженныхъ силъ и указывали на возможность княжеству имѣть въ случаѣ надобности народную милицію въ 180 т. человекъ, распредѣленныхъ между 160 баталіонами, 33-мя эскадронами, 45-ю батареями, 18-ю саперными ротами и пр.; но наличность запасовъ вооруженія, обмундированія, снаряженія и продовольствія едва-ли когда-нибудь допускала осуществленіе такого широкаго предположенія. Уже одинъ комплектъ вполнѣ исправныхъ ружей, за исключеніемъ изъ общаго ихъ числа въ 112 т. испорченныхъ и поврежденныхъ, врядъ ли могъ превышать 80 т. штукъ. При этомъ на каждое ружье системы Пибоди приходилось по 316 патроновъ, на ружье Грина—по 178 и на заряжающееся съ дула только по 65 патроновъ. Если въ отношеніи обмунди-

рованія вводить въ расчетъ ту жалкую одежду, въ которой обыкновенно являлись на государственную службу милиціонеры, то все-таки было бы необходимо имъ раздать хотя бы казенные плащи и шапки, которыхъ въ готовомъ видѣ почти вовсе не имѣлось. Вопросъ о продовольствіи представлялъ также самыя серьезныя затрудненія. Широко воспользовавшись въ прошлую войну реквизиціями, оставшимися до сихъ поръ неоплаченными, правительство вселило въ народонаселеніе до такой степени къ себѣ недовѣріе, что въ настоящее время поселяне боятся даже отлучиться изъ своихъ домовъ, чтобы не подвергнуть свои хозяйства неожиданнымъ поборамъ въ свое отсутствіе. Такое положеніе, устраняя самую возможность новыхъ реквизицій, вынуждаетъ правительство къ покушкѣ въ странѣ продовольствія на наличныя деньги, еще съ цѣлью обезпеченія успѣха мобилизаціи.

Вотъ главнѣйшія изъ причинъ, по которымъ княжеское правительство, при всемъ своемъ желаніи, едва-ли было бы въ состояніи призвать болѣе 100 т. человекъ, въ томъ числѣ только до 80 т. въ составъ пяти корпусовъ. На основаніи послѣдней цифры и было сдѣлано росписаніе корпусовъ на случай ихъ мобилизаціи, причемъ 36 баталіоновъ 2-го класса пѣхоты и 11 сотенъ народной конницы восьми внутреннихъ округовъ оставались дома немобилизованными.

Шумадійскій корпусъ.

1-я дивизія:

	Бат.	Эск.	Орудій.
Бѣлградская бригада I класса	5	—	—
Смедеревская »	4	—	—
1-го арт. полка: 4 батареи	—	—	24
горная батарея	—	—	4
народная батарея	—	—	4

1-й кавалерійскій полкъ	—	4	—
Двѣ роты саперъ	—	—	—

Итого . 9 4 32

2-я дивизія:

	Бат.	Эск.	Орудій.
Крагуевацкая бригада I класса	6	—	—
Рудничская » »	3	—	—
2-го артил. полка: 4 батареи	—	—	24
горная батарея	—	—	4
народная батарея	—	—	4
2-й кавалерійскій полкъ	—	4	—
Двѣ роты саперъ	—	—	—

Итого . 9 4 32

При корпусѣ 12-ти фунтовая батарея	—	—	6
Всего въ корпусѣ: пѣхоты	82 оф.	11,990 нижн. чиновъ.	
конницы	15 »	1,200 »	»
артиллеріи	36 »	1,760 »	»
саперъ	13 »	600 »	»

146 оф. 15,550 нижн. чиновъ.

Моравскій корпусъ.

1-я Иборская дивизія:

	Бат.	Эск.	Орудій
Крушевацкая бригада I класса	5	—	—
Чачакская » »	4	—	—
3 полевыхъ батареи	—	—	18
2 горныхъ »	—	—	8
Конницы	—	2	—
Двѣ роты саперъ	—	—	—

Итого . 9 2 26

2-я Моравская дивизія:

	Бат.	Эск.	Орудій.
Алексинацкое войско I и II классовъ	6	—	—
Чупрійская бригада I класса	4	—	—
Ягодинская » »	4	—	—
3 полевыхъ батарей	—	—	18

Народная батарея	—	—	4
Конницы	—	2	—
Двѣ роты саперъ	—	—	—
Итого	14	2	22

3 резервъ:

	Бат.	Эск.	Орудій.
Крушевацкая бригада II класса	5	—	—
Народная батарея	—	—	4
Конницы	—	1	—
Итого	5	1	4

Всего въ корпусѣ: пѣхоты	74 оф.	15,900	нижн. чиновъ.
конницы	5 »	635	» »
артиллеріи	30 »	1,320	» »
саперъ	9 »	600	» »

118 оф. 18,455 нижн. чиновъ.

Въ вѣдѣніи корпуснаго управленія состоятъ 40 орудій позиціонной артиллеріи, находящихся частью на Алексинацкой, частью на Делиградской укрѣпленныхъ позиціяхъ, и не имѣющихъ постоянной организаціи.

Тимочскій корпусъ.

1. Крайнское войско:

	Бат.	Эск.	Орудій.
Крайнскія бригады I и II клас	10	—	—
Полевая батарея	—	—	6
Народная батарея	—	—	4
Конницы	—	1	—
Двѣ роты саперъ	—	—	—
Итого	10	1	10

2. Зайчарское войско:

	Бат.	Эск.	Орудій.
Прнорѣченскія бригады I и II клас	8	—	—
2 полевыхъ батарей	—	—	12

Конницы	—	1	—
Рота саперъ	—	—	—
Итого	8	2	12

3. Княжевацкое войско:

	Бат.	Эск.	Орудій.
Княжевацкія бригады I и II клас.	8	—	—
Полевая батарея	—	—	6
2 горныя батареи	—	—	8
Конницы	—	1	—
Рота саперъ	—	—	—
Итого	8	1	14

4. Дунайская дивизія:

	Бат.	Эск.	Орудій.
Пожаревацкая бригада I класса .	5	—	—
Браничевская » » » .	5	—	—
2 полевых батареи	—	—	12
2 народныя батареи	—	—	8
Конницы	—	2	—
Двѣ роты саперъ	—	—	—
Итого	10	2	20

Всего въ корпусѣ: пѣхоты	82 оф.	19100	ниж. чин.
конницы	5 —	635	—
артиллеріи	30 —	1520	—
саперъ	7 —	900	—
Итого	124 оф.	22155	ниж. чин.

Къ составу корпуса еще причисляется позиціонная артиллерія въ Кладовѣ, Неготинѣ и Зайчарѣ.

Яворскій корпусъ

	Бат.	Эск.	Орудій.
Ужицкія бригады I и II класса .	12	—	—
Вальевская бригада I класса . .	5	—	—
Чачакская бригада II класса . .	4	—	—

2 полевых батареи	—	—	12
3 горных батареи	—	—	12
Народная батарея	—	—	4
Конницы	—	2	—
Двѣ роты саперъ	—	—	—

Итого	21	2	28
-----------------	----	---	----

Всего въ корпусѣ: пѣхоты	50 оф.	12030	ниж. чин.
конницы	2 —	240	—
артиллеріи	10 —	540	—
саперъ	4 —	300	—
	66 оф.	13110	ниж. чин.

Дринскій корпусъ.

	Бат.	Эск.	Орудій.
Шабакція бригады I и II класса	10	—	—
Подринскія бригады I и II класса	6	—	—
Вальевская бригада II класса	5	—	—
12-ти фунтовая батарея	—	—	6
2 полевых батареи	—	—	12
2 горных батареи	—	—	8
Конницы	—	4	—
Двѣ роты саперъ	—	—	—

Итого	21	4	26
-----------------	----	---	----

Всего въ корпусѣ: пѣхоты	42 оф.	11100	ниж. чин.
конницы	4 —	480	—
артиллеріи	14 —	710	—
саперъ	4 —	300	—
	64 оф.	12350	ниж. чин.

Въ вѣдѣніи управленія Дринскаго корпуса состояли восемь позиціонныхъ орудій въ крѣпости Штабѣ.

Сводя составы и численность корпусовъ вмѣстѣ получится:

	бат.	вск.	орудій.	оф.	н. чин.
Шумадійскій	18	8	70	146	15.550
Моравскій	28	5	52	118	18.455
Тимочскій	36	5	56	124	22.155
Яворскій	21	2	28	66	13.110
Дринскій	21	4	26	64	12.350
Всего	124	24	232	519	81.620

а по родамъ оружія:

Пѣхоты	330	оф.	70.120	н.	чин.
Есеницы	32	"	2.950	"	"
Артиллеріи	120	"	5.850	"	"
Саперъ	37	"	2.700	"	"
Всего	519	оф.	81.620	н.	чин.

Изъ общаго числа 124-хъ баталіоновъ, 67-мъ были вооружены ружьями системы Пибоди, около 25-ти системы Грина, остальные — ружьями, заряжающимися съ дула.

О ружьяхъ системы Пибоди сербскіе офицеры дали очень хорошій отзывъ, говоря, что въ прошлую войну они нисколько не уступали ружьямъ системы Снайдера, которыми были вооружены турецкія войска. Система Грина значительно хуже, ружья часто портились, въ сырое время приходилось даже прекращать стрѣльбу, вслѣдствіе затруднительнаго заряжанія отсырѣвшими патронами. Ружья обѣихъ системъ отслужили въ среднемъ числѣ половину срока службы. Старое ружье, заряжающееся съ дула, еще было годно, преимущественно на пересѣченной мѣстности съ короткимъ обстрѣломъ. Во время войны ощущался недостатокъ въ кожаной аммуниціи, въ особенности — патронныхъ сумкахъ, вслѣдствіе чего въ дождь и сырость бумажные патроны отказывались служить.

Выше была приведена незначительная наличность запаса ружейныхъ патроновъ. Этотъ недостатокъ имѣлъ

въ особенности существенное значеніе по отношенію къ ружьямъ системы Пибоди, требовавшимъ во всякомъ случаѣ не менѣе пятисотъ патроновъ на каждое. Для Сербіи приведеніе заблаговременно этого запаса въ комплектъ было тѣмъ болѣе необходимо, что она не имѣла у себя потребнаго для изготовленія патроновъ матеріала, который ей приходилось закупать въ Австріи. Къ тому же ея военно-техническое производство было развито въ такихъ ограниченныхъ размѣрахъ, что большую часть требуемаго для пополненія запаса количества патроновъ она была принуждена заказывать на иностранныхъ заводахъ. Къ имѣющемуся числу патроновъ ружей системы Пибоди слѣдовало добавить еще 8 м. штукъ. Матерьялъ металлическихъ гильзъ для 3 м. былъ уже купленъ, но мастерскія Крагуевца ежедневно изготовляли по 40 т. штукъ. Слѣдовательно весь трехмилліонный комплектъ могъ быть готовъ не ранѣе, какъ черезъ два съ половиною мѣсяца. Очевидно, что остальные пять милліоновъ должны были быть куплены въ готовомъ видѣ за границей.

Артиллерійскія орудія, нарѣзные, заряжающіяся съ дула, вообще были еще годны къ употребленію, хотя въ среднемъ уже выдержали болѣе 500 выстрѣловъ, а многія даже до тысячи. Артиллеристы были довольны своими орудіями, обращаться съ которыми они умѣли до послѣдняго человѣка запаса. Наличный запасъ готовыхъ зарядовъ для 12-ти фунтовыхъ орудій былъ обезпеченъ вполне; но для 4-хъ фунтовыхъ составлялъ на орудіе по триста съ небольшимъ штукъ съ гранатой и менѣе тридцати съ картечью. При расчетѣ по 500-тъ снарядовъ на орудіе, оказывался недостатокъ въ 30 т. штукъ. Такъ какъ весь матерьялъ находился на лицо, то, при успѣхѣ работы на Крагуевацкомъ заводѣ по

пятисотъ въ день, все недостающее до комплекта количество снарядовъ можетъ быть изготовлено въ два мѣсяца. Значительное число артиллерійскихъ лошадей было куплено истекшимъ годомъ въ Венгріи, почему наличнымъ ихъ количествомъ можно было обойтись, хотя оно было менѣе положеннаго по штату. Это обстоятельство было тѣмъ болѣе благопріятно, что вывозъ лошадей изъ Австро-Венгріи былъ строго воспрещенъ правительствомъ. Конская сбруя и упряжь находились въ довольно хорошемъ состояніи, тѣмъ не менѣе слѣдовало изготовить еще паръ 300 въ запасъ.

Обмундированіе сербскаго солдата состояло изъ блузы и брюкъ, плаща и шапки. Хотя всѣ эти вещи полагались отъ казны какъ людямъ постоянныхъ войскъ, такъ и народныхъ призывовъ на время учебныхъ сборовъ; но княжеское правительство по этимъ статьямъ государственнаго расхода обыкновенно дѣлало значительныя сбереженія. Пользуясь тѣмъ, что на службу поселяне являлись въ толстыхъ шерстяныхъ на полотнянной подкладкѣ курткахъ, блузы и брюки имъ не выдавались никогда, ни въ мирное, ни въ военное время. Комплекты этого вида обмундированія даже въ постоянныхъ войскахъ, прослужа болѣе восьми лѣтъ, уже находился въ совершенно неудовлетворительномъ видѣ. На дняхъ выступившія изъ Бѣлграда, вновь сформированныя въ маѣ мѣсяцѣ, пѣхотныя части постоянныхъ войскъ не были обмундированы и были одѣты въ полотнянное лѣтнее платье, несмотря на то, что было очень свѣжо. Плащами войска были снабжены лучше, благодаря покупкѣ значительной ихъ партіи въ Австріи; во время прошлогодней войны, на присланные изъ славянскихъ комитетовъ деньги. Какъ болѣе необходимый предметъ обмундированія, плащи слѣдовало купить въ количествѣ не

менѣ 10 т. штукъ, преимущественно въ готовомъ видѣ, такъ какъ средства швейныхъ мастерскихъ въ Сербіи, какъ казенныхъ такъ и частныхъ, весьма не велики. Объ обуви особенно заботиться было нечего, потому что мѣстные опанки, вполне достигающія цѣли, дешевы и строятся быстро.

По положенію пѣхотный солдатъ долженъ былъ быть снабженъ: ранцемъ, холщевымъ мѣшкомъ, манеркой или тыквицей, тарелкой и ножомъ; шанцевый инструментъ носился по очереди; вся тяжесть, носимая солдатомъ, вѣсила около полутора пуда. Ранецъ, толстой шерстяной матеріи съ кожаной крышкой и такими же ремнями для охвата плечъ, носился на спинѣ и долженъ былъ содержать въ себѣ провіанта на 3 дня, смѣну бѣлья, двѣ пары носковъ и слѣдковъ, полотенце, мыло, гребень и щетки съ принадлежностями для чистки и смазыванья ружья, швейный приборъ, корпію и бинты, и остальное количество патроновъ, сверхъ имѣвшихся въ сумакъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы все число патроновъ на человѣка было: для ружья Пибоди 80, Грина—84, и заряжающагося съ дула—60. Вокругъ ранца свертывался плащъ и полотнянное полотнище, въ которое задрѣзывалась запасная пара опанокъ. Холщевый мѣшокъ съ текущимъ продовольствіемъ носился съ боку на тесмѣ черезъ плечо. Малая переносная палатки были приобрѣтены въ Бельгіи, послѣ прошлагодной войны.

Снаряженіе кавалерійской лошади состояло изъ сѣдла, конскаго убора, бисагъ или переметныхъ переднихъ мѣшковъ, замѣняющихъ кавалеристу ранецъ и въ которыхъ находились еще двѣ подковы съ 32-мя гвоздями, полотнянаго перекиднаго задняго мѣшка съ 3-хъ-дневнымъ продовольствіемъ, сѣкиры и веревки для фуражировки. Съ боковъ къ сѣдлу прикрѣплялись два круглыхъ свертка сѣна.

Весь обозъ сербской арміи брался отъ народонаселенія, за исключеніемъ немногихъ казенныхъ повозокъ, существовавшихъ въ Бѣлградѣ при нѣкоторыхъ воинскихъ управленіяхъ. Смотра по состоянію дорогъ и перевозочнымъ средствамъ страны, обозъ составлялся изъ повозокъ или व्यюковъ, коней или воловъ. Обозъ раздѣлялся на три части: штабной, строевой и магазинный. Штабной везъ за войсками патроны, канцелярію и кассу, офицерскія вещи, ротные котлы для варки пищи и запасъ воды. Количество патроновъ здѣсь рассчитывалось по 40 на ружье Пибоди, 45-ти на ружье Грина и по 24-е на старое ружье. Тяжесть вещей офицера ограничивалась двумя пудами. Строевой обозъ слѣдовалъ за штабнымъ и имѣлъ двухдневный запасъ продовольствія. Магазинный двигался въ одномъ переходѣ сзади или между магазинами и войсками; онъ имѣлъ 4-хъ дневный запасъ продовольствія для пѣхоты, для кавалеріи двухдневный и фуража на два дня, и запасъ патроновъ по расчету на ружье: Пибоди—64, Грина—63 и старое 42. Въ западной полосѣ княжества обозъ составлялся преимущественно изъ व्यюковъ и частью изъ повозокъ; въ горныхъ округахъ Подринскомъ, Ужицкомъ, Чачакскомъ и Рудничскомъ исключительно изъ однихъ व्यюковъ; въ восточной же полосѣ магазинный обозъ всегда повозочный, строевой большею частью, а штабной на половину.

V.

Подготовительныя мѣры къ войнѣ.

Хотя изслѣдованіе вооруженной силы княжества по документамъ, въ массѣ мнѣ сообщеннымъ моими трудолюбивыми сотрудниками, обнаруживало чрезвычайно низкую степень ея боевой подготовки, тѣмъ не менѣе личное знакомство съ большинствомъ сербскихъ офицеровъ и воинскими частями Бѣлградскаго гарнизона вселяло во мнѣ увѣренность не только въ желаніи сербовъ идти въ бой съ исконнымъ врагомъ, но и въ готовности ихъ на всякія жертвы, чтобы только принять участіе въ великой борьбѣ. Теперь мнѣ было необходимо непосредственно познакомиться съ народнымъ войскомъ на сборныхъ ихъ пунктахъ, со средствами страны и съ характеромъ мѣстности предполагаемаго театра военныхъ дѣйствій на юго-восточной границѣ государства, чтобы имѣть подъ собою твердую почву для опредѣленія началъ сербскаго въ войнѣ участія. Но, какъ я ни торопился, сложившіяся обстоятельства заставляли меня откладывать отъѣздъ, помимо воли, со дня на день, и я могъ выѣхать изъ Бѣлграда только во второй половинѣ октября. На объѣздъ я употребилъ 12 дней, въ теченіе которыхъ успѣлъ осмотрѣть военно-техническія заведенія въ Крагуевцѣ, учебные сборы въ Крушовцѣ, Алексинацѣ, Княжевацѣ и Зайчарѣ, и мѣстности долины р. Болгарской Моравы, Княжевацкаго горнаго округа и окрестностей Зайчара.

Небольшое сербское государство занимает поверхность, одну изъ самыхъ прекраснѣйшихъ и живописнѣйшихъ въ Европѣ. Горные округа его выдѣляются въ особыя группы величественныхъ возвышенностей, покрытыхъ богатою растительностью и омываемыхъ стѣю рѣкъ и горныхъ потоковъ. Все остальное и большее пространство представляетъ всхолмленную мѣстность самыхъ прихотливыхъ очертаній. Сильно вырубленные лѣса все еще оставляютъ значительные дубовые перелѣски и рощи, подъ сѣнью которыхъ ютятся селенія и выселки. Плодородная земля щедро оплачиваетъ трудъ земледѣльца, который нигдѣ не прилагаетъ къ ея обработкѣ особаго старанія и предпочитаетъ поднимать свободную цѣлину тщательному уходу за нѣскольکو выпашанной нивой. Обширные луга и пастбища представляютъ средства къ содержанію въ изобиліи домашняго скота и разведенію коневодства. Богатая природа даетъ здѣсь человѣку крѣпкій, развитый организмъ и прочное здоровье, а красота мѣстности сообщаетъ ему склонность къ эстетическимъ развлеченіямъ. Какъ только семья обезпечена годовымъ запасомъ хлѣба, преимущественно кукурузой, а налоги уплачены деньгами, вырученными за продажу рогатаго скота и свиней, откармливаемыхъ въ ближайшихъ дубнякахъ, хозяинъ уже не заботится о дальнѣйшемъ накопленіи богатства, а вмѣстѣ съ сыновьями все время проводитъ въ деревенской кофейнѣ, заслушиваясь разсказами стариковъ о сербской старинѣ, занимаясь политикой, распѣвая или танцуя подъ звуки примитивнаго струннаго инструмента. Сербъ добродушенъ, безпеченъ, нѣсколько легкомысленъ, подвижнаго характера, съ рѣзкими переходами отъ страстнаго воодушевленія до полного упадка духа и обратно; къ своей семьѣ и дому очень привязанъ.

Чудные, теплые дни, стоявшіе во все время моего объѣзда, прекрасно устроенныя механы, или дома для ночлеговъ путешественниковъ на почтовыхъ трактахъ, и большею частью исправно шоссированныя дороги соединяли всѣ условія для пріятнаго путешествія. Только пароксизмы злой лихорадки, точнѣе всякаго хронометра указывавшіе мнѣ шесть часовъ по полудни каждого третьяго дня, отравляли мое существованіе.

На сборныхъ пунктахъ я засталъ начатки пѣхотнаго воинскаго образованія: одиночную выправку, ружейныя пріемы, попытки движенія шеренгой въ ногу. Артиллерійскія части, составленныя изъ старослуживыхъ, рѣзко отличались отъ пѣхотныхъ наружною выправкой, знаніемъ службы и лихими эволюціями въ составѣ батарей. Несмотря на превосходство турецкихъ орудій, артиллеристы выказывали самоувѣренность, обѣщаясь крѣпко за себя постоять, и только жаловались на неимѣніе шрапнели. На народныхъ конниковъ нельзя было смотрѣть безъ улыбки, до того рослый народъ на приземистыхъ лошадакахъ былъ комиченъ. Вообще сербы не рождены для конной службы, и много нужно труда и времени, чтобы выработать изъ нихъ не только стройный эскадронъ, но даже сколько нибудь способную къ развѣдывательной службѣ кавалерійскую часть. Но что здѣсь произвело на меня въ особенности пріятное впечатлѣніе, это корпусъ сербскихъ офицеровъ. По встрѣчавшимся мнѣ въ Бѣлградѣ лицамъ я боялся судить, предполагая въ нихъ видѣть счастливое исключеніе. Теперь, познакомившись съ неприкрашенною стороною военнаго быта, я былъ радъ сознать солидныя достоинства сербскихъ офицеровъ, дѣлящихся по образованію на двѣ части, но представляющихъ одинаково надежный для войскъ кадръ. Даже странно сопоставить низкій

уровень воинской въ странѣ организаціи съ выдающимися по своимъ способностямъ и военнымъ познаніямъ офицерами, которые могли бы сдѣлать честь арміи любой изъ великихъ державъ. Вторая, большая половина сербскихъ офицеровъ, произведенная изъ нижнихъ чиновъ, не владѣя научнымъ образованіемъ первой, составляетъ все-таки нравственные центры, вокругъ которыхъ группируется сербское народное войско. Къ сожалѣнію, вообще офицерскій и унтеръ-офицерскій кадры крайне не значителенъ, особенно по отношенію къ широкому развертыванію арміи въ военное время. Такъ, на каждый баталіонъ I класса, смѣшанный съ постоянною ротою, приходится по три офицера, по два унтеръ-офицера и по четыре капрала; каждый баталіонъ одного I класса имѣетъ по два унтеръ-офицера, а два такихъ баталіона вмѣстѣ имѣютъ трехъ офицеровъ; баталіонъ II класса имѣетъ одного офицера и двухъ унтеръ-офицеровъ только тогда, когда онъ принадлежитъ къ одному изъ пограничныхъ округовъ, въ противномъ случаѣ онъ остается весьма часто вовсе безъ кадра, ограничиваясь однимъ командиромъ.

Крагуевацкій арсеналь, литейную, патронную и другія мастерскія я засталъ въ полномъ ходу. Благодаря полученной субсидіи, матеріальная часть была куплена и нарядъ работъ установленъ на продолжительное время. Хотя размѣры всѣхъ производствъ крайне миниатюрны, тѣмъ не менѣе, во всемъ видно усердное отношеніе къ дѣлу. Развитіе военно-техническихъ заведеній здѣсь быстро подвинулось бы впередъ, еслибы правительство нашло возможнымъ удѣлять на нихъ большую долю изъ государственнаго бюджета. Кромѣ указанныхъ выше работъ по доведенію запаса ружейныхъ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ до необходимаго боеваго

комплекта, по исправленію испорченныхъ орудій и т. д., я засталъ еще сверленіе канала тѣла 24-хъ фунтоваго мѣднаго орудія, которое вмѣстѣ съ такимъ же, уже находившимся въ готовомъ видѣ, и шестью старыми гаубицами, унаслѣдованными отъ нашихъ войскъ, должны были въ предстоявшей войнѣ играть роль осаднаго парка.

Наконецъ объѣздъ округовъ Княжевацкаго и Алексинацкаго познакомилъ меня на столько съ условіями этой мѣстности, что далъ мнѣ возможность судить о характерѣ военныхъ здѣсь операцій. Первымъ округомъ княжество захватываетъ часть горныхъ цѣпей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Балканъ и раздѣляющихъ болгарскій театръ войны на двѣ части, придунайскую и южную или румелійскую; по второму лежитъ историческій путь вдоль рѣки Болгарской Моравы. Первый занимаетъ собою сильно гористую страну, образующую значительный выступъ государственной территоріи на востокъ; второй охватываетъ приморавскую долину съ границею, нѣсколько входящею внутрь страны. Отъ сербской границы удобные пути въ Турцію расходятся въ трехъ направленіяхъ, по рѣкамъ: Моравѣ, Нишавѣ и Топлицѣ, изъ которыхъ важнѣйшій слѣдуетъ вдоль рѣки Нишавы на Софію и Царьградъ. Изъ остальныхъ болѣе удобный пролегаетъ долиной Моравы на Вранью, Куманово и Скоплѣ; труднѣйшій же, но за то кратчайшій въ Старую Сербію, поднимается вверхъ по долинѣ Топлицы и, переваливъ горный хребетъ у Преполаци, выходитъ къ Приштинѣ и Митровицѣ. Внутри Сербіи, на сколько сообщеніе удобно къ Алексиначу, на столько же оно трудно къ Княжевацу. Уже отсюда видно, что значеніе Алексиначкаго округа громаднo въ оборонительной войнѣ, а Княжевацкаго вырастаетъ въ зависимости развитія наступательныхъ операцій.

Во всѣ войны Сербіи съ Турціею, при оборонительномъ способѣ дѣйствія первой, какъ неизмѣримо слабѣйшей, всегда играла роль долина Моравы съ Делиградскою позиціею и передовыми укрѣпленіями у Алексинаца. На случай войны съ болѣе сильнымъ противникомъ, Турція прикрыла важнѣйшій путь наступленія къ Сербіи возведеніемъ крѣпости Ниша на р. Нишавѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Мораву; остальные пути, какъ ведущіе къ менѣе важнымъ предметамъ дѣйствія, она оставила открытыми, оборонивъ Старую Сербію съ сѣвера укрѣпленіями Новобазара. Если важное значеніе Софійскаго пути признавалось во всѣ времена, то въ настоящее время условія коопераціи Сербіи съ нашею арміею сообщали ему безспорно первенствующую важность. Обезсиленные ударами нашей арміи въ придунайской Болгаріи, турки употребляли теперь чрезвычайныя усилія на образованіе новой арміи въ Софіи для освобожденія запертаго въ Плевнѣ Османа-паши. До сформированія новыхъ баталіоновъ изъ мусульманъ Босніи и Македоніи и сбора албанскаго ополченія, они, очевидно, не могли разсчитывать на наступательный образъ дѣйствія противъ Сербіи и ограничивались въ мѣрахъ противъ нея возведеніемъ укрѣпленнаго лагеря у Будимъ-дела подъ Пиротомъ, съ расположеніемъ въ немъ сильнаго отряда отъ Софійской арміи съ цѣлью обороны сообщенія съ Нишемъ. Ясно, что и турки сознавали выгоду выдающагося положенія Княжевацкаго округа для наступательныхъ операцій, противъ которыхъ заблаговременно готовили средства противодѣйствія.

Такимъ образомъ, все, что я видѣлъ внутри страны, съ чѣмъ успѣлъ познакомиться, во что удалось вникнуть, все подавало поводъ надѣяться въ успѣшное осуществленіе сербской коопераціи, все указывало на

своевременность перехода отъ словъ къ дѣлу. Шестидесятитысячное сербское народное войско при 178 орудіяхъ могло перейти восточную границу въ теченіи десяти, двѣнадцати дней. Опытъ прошлогодней войны, хотя и вселилъ въ нѣкоторую часть населенія княжества паническій страхъ къ туркамъ, для большинства послужилъ хорошею школою боеваго крещенія, практически ознакомивъ его съ военнымъ дѣломъ и умѣривъ излишнее самомнѣніе, которому сербы, по подвижности своего характера, такъ легко поддаются. Страстное желаніе возмездія большей части народонаселенія, чрезвычайная выносливость послѣдняго въ перенесеніи физическихъ трудовъ и испытаній военнаго времени, прекрасный составъ сербскихъ офицеровъ, многочисленная и надежная полевая артиллерія, подавляющее численное превосходство надъ противникомъ, представляли солидные данныя для рѣшенія вопроса объ участіи Сербіи въ войнѣ въ утвердительномъ смыслѣ.

Самая обстановка на болгарскомъ театрѣ войны была благопріятна вступленію въ дѣло сербскихъ войскъ, которыя еще могли принести существенную пользу отвлеченіемъ на себя части силъ софійской арміи Мегмета-паши при наступленіи-ли ея къ Плевнѣ, или при оборонѣ Балканскихъ проходовъ. Я сдѣлалъ рѣшительный шагъ, телеграфировавъ изъ Алексинацкой Бани, 2-го ноября, о предвареніи сербскаго правительства быть готовымъ къ объявленію войны. 7-го числа я вернулся въ Бѣлградъ, а 10-го ноября офиціальною депешою изъ главной квартиры черезъ Нелидова и Персіани было сдѣлано формальное приглашеніе князю, по исполненіи всѣхъ политическихъ формальностей, немедленно принять мѣры для перехода сербскими войсками границы въ возможно скорѣйшемъ времени.

Князя Милана я нашелъ въ большомъ волненіи. На сдѣланное нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ заявленіе онъ отвѣчалъ, 12-го ноября, что приказъ о мобилизаціи будетъ отданъ безъ замедленія, что два корпуса, Тимока и Моравы, будутъ на границѣ черезъ десять дней, а Шумадіи, послѣ сосредоточенія его на линіи Чупрія-Парачинъ въ Моравской долині, будетъ выдвинутъ къ границѣ не позднѣе 28-го числа, что затѣмъ онъ проситъ указать ему ближайшую стратегическую цѣль. Высказавшись такъ положительно, онъ однако не переставалъ надѣяться на возможность затянуть дѣло до выясненія положенія подъ Плевною, выгадывая время на встрѣтившихся затрудненіяхъ по продовольствію войскъ и на возникшемъ разногласіи между старшими войсковыми начальниками по поводу установленія общаго плана военныхъ операцій. Небольшіе продовольственные запасы попутныхъ магазиновъ уже были израсходованы при сосредоточеніи людей къ юго-восточной границѣ; теперь было необходимо сдѣлать распоряженіе о спѣшномъ ихъ пополненіи въ значительно большихъ размѣрахъ. Большинство сербскихъ начальниковъ настаивало на непосредственной оборонѣ въ первое время всей границы, а затѣмъ одни указывали на преимущества развитія военныхъ дѣйствій къ сторонѣ Черногоріи, а другіе предпочитали дѣйствовать въ Босніи, какъ искони сербской странѣ. Самимъ княземъ руководило едва-ли не то соображеніе, что чѣмъ позднѣе сербы выступятъ въ походъ, тѣмъ положеніе ихъ будетъ безопаснѣе и тѣмъ менѣе будетъ израсходовано денежныхъ средствъ.

Когда я ему заявилъ, что Сербія не располагаетъ арміею, а только слабо организованными и нестройными толпами поселянъ, во всѣхъ отношеніяхъ усту-

пающихъ своимъ противникамъ, въ особенности въ отно-
шеніи вооруженія и обезпеченія боевымъ снаряженіемъ,
что поэтому единственно возможный способъ дѣйствія
сербовъ долженъ заключаться въ направленіи ихъ массой,
численно подавляющей непріятеля, къ сторонѣ главной
оперирующей въ Болгаріи арміи; князь горячо возра-
зилъ, что такъ легко говорить русскому офицеру въ
интересахъ содѣйствія операціямъ русскихъ войскъ, но
что долѣ его, какъ главы государства, повелѣваетъ ему
заботиться, прежде всего, объ охранѣ собственныхъ
границъ. Эти слова подтвердили мое предположеніе о
нежеланіи князя Милана усвоить энергическій образъ
дѣйствія и придали особое значеніе его распоряженію
о расположеніи внутри страны Шумадійскаго корпуса,
который, такимъ образомъ, превращался въ главный
резервъ всѣхъ корпусовъ, разбросанныхъ по границѣ.
Напрасно я старался выяснитъ ему главныя начала
военнаго искусства въ примѣненіи къ настоящему по-
ложенію дѣлъ; напрасно я силился его убѣдить, что
выдвинутыя впередъ войска болѣе всего обезпечать не-
прикосновенность границъ, которымъ серьезная опас-
ность можетъ грозить только съ юго-востока, т. е. съ
той именно стороны, гдѣ слѣдуетъ концентрировать
наибольшее количество войскъ, что интересы сербовъ и
русскихъ неразрывно связаны между собою, а общая
цѣль заключается въ пораженіи турецкой арміи; князь
стоялъ на своемъ, заявляя, что въ военномъ дѣлѣ онъ
имѣетъ свои собственныя убѣжденія, не всегда соглас-
ныя съ началами военнаго искусства.

Я сильно встревожился. Всѣ мои планы были го-
товы лопнуть мыльнымъ пузыремъ, а соображенія раз-
биться въ пухъ предъ упорствомъ верховнаго вождя
сербскихъ вооруженныхъ силъ. Я обратился къ Пер-

сіани, объясняя все значеніе настоящей критической минуты, и убѣждалъ оказать мнѣ самое энергическое содѣйствіе воздѣйствіемъ на князя и въ особенности на Ристича. Между тѣмъ, день за днемъ проходили, а телеграммы изъ главной квартиры съ указаніемъ сербамъ стратегической цѣли ихъ военныхъ дѣйствій, которая такъ могла бы мнѣ помочь въ моемъ затруднительномъ положеніи, все еще не было.

Наконецъ, черезъ два дня, является Персіани.

„Теперь“, говоритъ онъ, „вы можете отправляться къ князю. Благодаря настоянію Ристича, почва такъ подготовлена, что вы можете сажать въ нее все, что угодно. Князь Миланъ далъ Ристичу категорическое обѣщаніе безусловно слѣдовать всѣмъ вашимъ совѣтамъ“.

Это было 18-го ноября. Я тотчасъ же отправился въ конакъ и дѣйствительно нашелъ князя въ самомъ предупредительномъ ко мнѣ расположеніи. Какъ потомъ оказалось, главнымъ доводомъ къ убѣжденію князя быть болѣе сговорчивымъ былъ вопросъ о денежной субсидіи.

Князь меня встрѣтилъ словами: „ставлю себя въ полное распоряженіе Великаго Князя главнокомандующаго, приказанія котораго буду выполнять какъ сержантъ—своего капитана. Надѣюсь, однако, что мнѣ будетъ предоставлено настолько самостоятельности, насколько это вызывается особыми условіями сербскихъ войскъ и особенностью топографіи“. Тутъ же было условлено, что наступленіе будетъ произведено, главнымъ образомъ, изъ Княжевацкаго округа двумя корпусами, Шумадіи и Тимока, съ цѣлью овладѣнія Бабиной-главой, проходомъ св. Николая и развитія дальнѣйшихъ операцій въ долину Нишавы къ Пироту, смотря по обстоятельствамъ. Такъ какъ Шумадійскій

корпусъ запоздаетъ, то переходъ границы можетъ состояться не ранѣе 30-го числа.

На слѣдующій день, 19-го ноября, наконецъ пришла депеша изъ Богота слѣдующаго содержанія: „Ближайшее участіе сербскихъ войскъ можетъ состоять въ овладѣніи путями изъ Старой Сербіи въ Западную Болгарію, чтобы не дозволить туркамъ двинуть по этимъ путямъ войска на выручку Плевны. Для сего ближайшею цѣлью операціоннаго корпуса должно быть наступленіе на Пиротъ съ занятіемъ позиціи у Бабиной Главы и прохода св. Николая на Бѣлградчикъ. Достигнувъ Пирота, угрожать Софіи. При невозможности выполнить это, послать летучіе отряды на проходъ изъ Софіи въ Берковацъ для порчи путей и для вступленія въ связь съ нашею кавалеріею. Для свѣдѣнія сообщается, что сильный отрядъ нашъ занялъ Правецъ и Этрополь и надо ожидать скорого занятія Орханіа и Орханійскаго прохода, откуда будемъ угрожать Софіи. Кавалерія наша занимаетъ Врацу и Бѣлобродъ на Огостѣ, а передовые отряды противъ Берковца и на рѣкѣ Цибрѣ. Можетъ быть румыны займутъ скоро Ломъ-Паланку на Дунаѣ“.

Вслѣдъ за телеграммою мною получено было предписаніе отъ 20-го ноября съ приложеніемъ особой записки. Въ первомъ было изложено: „18 ноября отъ имени Великаго Князя главнокомандующаго была послана телеграмма, въ которой указана была цѣль дѣйствій для сербскихъ войскъ, которыя примутъ участіе во внѣшнихъ операціяхъ. Въ прилагаемой при семъ запискѣ изложены всѣ соображенія главнокомандующаго, на основаніи которыхъ дана указанная цѣль. Подробностей исполненія Великій Князь не касается; онѣ должны вполнѣ вытекать изъ той ближайшей обста-

новки, которая будетъ существовать при началѣ отк-
крытія военныхъ дѣйствій со стороны Сербіи. Для
свѣдѣнія вашего сообщается, что ко дню отправленія
этого отзыва положеніе дѣлъ на западномъ театрѣ
войны слѣдующее: сильный отрядъ, составленный пре-
имущественно изъ гвардейскихъ войскъ и состоящій
изъ 43-хъ баталіоновъ, до 50 эскадроновъ и до 160
орудій, подъ общимъ начальствомъ генераль-адъютанта
Гурко, занялъ 17-го и 18-го ноября почти весь Орха-
нійскій проходъ; турки пока держатся въ Арабъ-ко-
накѣ; частями кавалеріи этого отряда занята Враца, а
разъѣзды подошли до Берковца и до верховій р. Огоста.
Особый отрядъ генераль-маіора Арнольди изъ 4-хъ пол-
ковъ кавалеріи, въ томъ числѣ бригада росшіоровъ, за-
нялъ 18 ноября Крившина-черкесы на дорогѣ изъ Бер-
ковца въ Ломъ-паланку и выслалъ разъѣзды по на-
правленію къ Бѣлградчику. Особый отрядъ изъ румын-
скихъ войскъ, въ составѣ 1-й румынской дивизіи (8—
10 бат.) и двухъ полковъ каларашей, продвинулся
вверхъ по Дунаю и занялъ Цибру-паланку и Ломъ-
паланку. Въ этомъ положеніи всѣ означенные отряды,
по всей вѣроятности, останутся до развязки дѣла у
Плевны“.

Приложенная записка заключала въ себѣ: „По мысли
Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго,
настоящая обстановка благопріятствуетъ выступленію
сербскихъ войскъ на театръ военныхъ дѣйствій. Усло-
віе совокупнаго дѣйствія съ русскими войсками нала-
гаетъ на сербскія задачу противодѣйствовать сбору ту-
рецкихъ войскъ изъ окрестностей Софіи и Старой Сербіи
въ отрядъ, достаточно сильный для движенія къ Плевнѣ,
на освобожденіе заключенной тамъ арміи Османа-паши.
Изъ русскихъ войскъ ту же цѣль преслѣдуютъ отряды

генераловъ Гурко и Арнольди. Направленіе дѣйствій сербскихъ войскъ, для достиженія возлагаемой на нихъ цѣли, опредѣляется соображеніями о наиболѣе вѣроятныхъ пунктахъ сосредоточенія турецкихъ войскъ и путяхъ, ведущихъ къ Плевнѣ отъ этихъ пунктовъ. Въ Западной Болгаріи турки располагаютъ не болѣе какъ 20 таборами, изъ которыхъ должны быть еще оставлены гарнизоны въ главнѣйшихъ пунктахъ разсматриваемаго участка: Виддинѣ, Берковцѣ, Вѣлградчикѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ на сербской границѣ. Такимъ образомъ преобладающее значеніе сборнаго пункта остается за Софіею. Оттуда, а отчасти отъ Ниша и Митровицы, конечныхъ пунктовъ, къ которымъ могутъ подходить войска изъ Старой Сербіи, Босніи и Албаніи, на выручку Османа-паши турки могутъ двинуться по тремъ путямъ: черезъ Орханію по шоссе на Плевну; черезъ проходъ Гинцы на Берковацъ и далѣе, частью на Врацу, частью по долинѣ Огоста на Алтимірь и Магалету; черезъ проходъ св. Николая на Вѣлградчикъ и потомъ также на Алтимірь и Магалету. Первое направленіе можетъ быть сочтено достаточно обезпеченнымъ въ настоящее время, а если турки принуждены будутъ бросить Орханію, то этотъ путь совершенно закроется для нихъ. Поэтому приходится обратить вниманіе только на направленіе черезъ Берковацъ и черезъ проходъ св. Николая на Вѣлградчикъ. Берковацъ или проходъ Гинцы, какъ кажется, нельзя занять нашими войсками; это направленіе можетъ быть только наблюдаемо со стороны Врацы и со стороны долины р. Огоста, что и исполняется нынѣ двумя кавалерійскими бригадами изъ отряда генерала Гурко и отрядомъ генерала Арнольди. Что же касается до прохода черезъ Николай, то не только онъ не можетъ быть занятъ нашими войсками, но и не мо-

жетъ быть ими наблюдаемъ. На этомъ основаніи, если рѣшено рассчитывать на содѣйствіе сербскихъ войскъ, то на нихъ и слѣдовало бы возложить занятіе прохода св. Николая съ тѣмъ, чтобы на сколько возможно оказать вліяніе и на путь черезъ Берковацъ. Занятіе и обезпеченіе означенныхъ проходовъ можно бы было исполнить двоякимъ путемъ: или направить часть сербскихъ войскъ, способныхъ къ внѣшнимъ операціямъ, съ сѣверной стороны Балканскихъ горъ отъ Княжевца и Зайчара черезъ Вѣлградчикъ; или съ южной стороны Балканъ по долиинѣ Нишавы въ долину Софіи. Разбирая эти два направленія, нельзя не замѣтить, что первое направленіе для сербовъ безопаснѣе и пожалуй облегчитъ имъ выполненіе возлагаемой на нихъ задачи. Но это направленіе невольно отвлечетъ ихъ къ сторонѣ Виддина, а главное, въ случаѣ развязки дѣла у Плевны, оно затянетъ сербовъ въ ограниченный кругъ, и дальнѣйшее содѣйствіе ихъ сдѣлается менѣе важнымъ. Съ другой стороны, наступленіе ихъ по этому направленію менѣе способствуетъ отвлеченію на нихъ турокъ, которые спокойно могутъ производить сосредоточеніе своихъ войскъ въ долиинѣ р. Нишавы и Софіи“.

VI.

Планъ кампаніи.

Между тѣмъ ожесточенно преслѣдовавшая меня лихорадка отнимала много времени. Первые сутки послѣ пароксизма я былъ до крайности слабъ; вторыя набирался силъ и работалъ, нагоняя потерянный день; въ третьи чувствовалъ себя вполне хорошо, но только до наступленія роковаго часа.

„Такъ нельзя“ горячился А. И. Персіани, „Вы оффиціальное лицо, отъ котораго во многомъ зависитъ успѣхъ исхода настоящихъ событій, наконецъ участь насъ всѣхъ, здѣсь остающихся; а вы изъ трехъ дней одинъ лежите пластомъ. При настоящемъ положеніи, вопросъ о вашемъ здоровьѣ пріобрѣтаетъ слишкомъ серьезное значеніе, чтобы я могъ оставить его безъ всякаго вниманія. Я до тѣхъ поръ не буду спокоенъ, пока не получу категорическаго заявленія отъ консилиума медиковъ, что жизни вашей не грозитъ никакая опасность“.

Откладывая серьезное леченіе со дня на день за недосугомъ, я успѣшилъ удовлетворить его желаніе и пригласилъ къ себѣ не только мѣстныхъ врачей, но даже изъ Землина. Усиленное леченіе хининомъ, по 20-ти гранъ въ четыре пріема раннимъ утромъ, въ три дня прервало лихорадку, въ предупрежденіе возвращенія которой мнѣ было предписано принимать по 5 гранъ въ

продолженіи всего зимняго времени. Александръ Ивановичъ былъ удовлетворенъ.

Оправившись въ здоровьѣ, мнѣ было необходимо нѣсколько глубже познакомиться съ озабочивавшимъ меня все время вопросомъ о продовольствіи мобилизованныхъ частей народнаго войска. Если довольствіе провіантомъ людей, въ періодъ малыхъ сборовъ въ пограничномъ пространствѣ, вызвало настолько серьезныя затрудненія, что пришлось задержать теперь движеніе частей внутреннихъ округовъ къ пунктамъ сосредоточенія, то являлось сильное сомнѣніе въ успѣшности заготовленія правительственныхъ запасовъ въ передовыхъ магазинахъ, а тѣмъ болѣе въ обезпеченномъ продовольствіи войскъ, выдвинутыхъ впередъ въ гористой, труднодоступной странѣ. Хотя сербское военное министерство, объясняя чрезмѣрный расходъ запаса тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстныя общины, вмѣсто 25-ти дневнаго продовольствія, по закону объ учебныхъ сборахъ, успѣли выставить только 10-ти дневное, заявляло о сдѣланныхъ уже закупкахъ хлѣба по расчету мѣсячнаго довольствія всѣхъ мобилизованныхъ частей и объ успѣшномъ изготовленіи сухарей въ той же пропорціи; тѣмъ не менѣе нужно было еще сообразить соотвѣтственность размѣщенія этихъ запасовъ и обезпечить своевременное питаніе войскъ правильнымъ подвозомъ изъ магазиновъ. Такъ какъ способъ передвиженія всѣхъ воинскихъ тяжестей заключался исключительно въ однихъ средствахъ страны, при чемъ условія гористой мѣстности главнаго пространства театра войны допускали движеніе только коннаго выюка, успѣшное разрѣшеніе вопроса, очевидно, представляло чрезвычайныя трудности. Отсюда слѣдовало предвидѣть наступленіе такой минуты, уже во время военныхъ операцій, когда

необходимость продовольствія войска заставить обратиться къ болѣе рѣшительному образу дѣйствія, чтобы только воспользоваться складомъ противника.

Самое суровое время года, въ которое приходилось сербамъ дѣйствовать, вызывало еще меньшую заботу объ исправной для нихъ одеждѣ. Затратою части денежной субсидіи пока удалось до конца полное обмундированіе постоянныхъ войскъ состава военного времени, а для людей пограничныхъ округовъ, пострадавшихъ отъ непріятельскаго вторженія въ прошломъ году и не имѣвшихъ ни казенной, ни своей одежды, спѣшно были высланы суконныя брюки, признанныя по климатическимъ условіямъ самою необходимою для сохранения здоровья частью одежды. За то въ постройкѣ новыхъ плащей встрѣтились такія затрудненія, что пришлось ее отложить, а для дополнительной раздачи людямъ округовъ, ближайшихъ къ театру войны, пришлось отбирать отъ внутреннихъ бригадъ, не предназначенныхъ къ мобилизаціи. Въ отношеніи обуви обезпеченъ комплектъ опанокъ и носковъ для всего состава всѣхъ пяти корпусовъ.

Состояніе военно-санитарной части было тоже не-удовлетворительно. Еще по матерьяльной части многое сохранилось отъ богатыхъ запасовъ прошлогодней войны, но въ отношеніи личнаго персонала врачей ощущался громадный недостатокъ. На внѣшнюю помощь рассчитывать было невозможно. Средства нашего „Краснаго креста“ были употреблены на собственномъ театрѣ войны, а наемъ докторовъ въ другихъ государствахъ встрѣчалъ сильную конкуренцію въ спросѣ отъ турецкаго правительства.

Вообще нужно замѣтить, что война 1876 года принесла Сербіи не малую пользу. Въ лицѣ большей части

добровольцевъ, явившихся въ княжество въ количествѣ до пятнадцати тысячъ человекъ, преимущественно сербовъ изъ бывшей Военной границы, Босніи и Черногоріи, и нашихъ въ числѣ около трехъ съ половиною тысячъ, сербское народное войско имѣло отважный боевой кадръ, подававшій собою примѣръ безавѣтной храбрости въ битвахъ съ непріателемъ. Добровольцами прибыло въ страну не мало, достойныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, лицъ съ солиднымъ военнымъ образованіемъ, ознакомившихъ сербскія войска съ военнымъ дѣломъ, практически, на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Само княжеское правительство должно было ближе узнать недостатки своего народного войска и неудовлетворенныя ихъ потребности и нужды, и убѣдиться въ крайней несостоятельности своего формальнаго къ нимъ отношенія въ мирное время. Въ матерьяльномъ отношеніи бывшая война была въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ въ страну стекались всякаго рода пожертвованія, деньгами, вещами и вполне организованными лазаретами, въ такомъ солидномъ размѣрѣ, который не могъ не имѣть серьезнаго значенія въ государственныхъ расходахъ.

Перебирая теперь съ лицами верховнаго командованія потребности вооруженія, снаряженія и вообще всѣхъ видовъ довольствія войскъ, неоднократно приходилось отъ нихъ слышать полупросьбы-полутребованія дать имъ осадную артиллерію, взятая у турокъ ружья для остающихся въ странѣ добровольцевъ, или выдать столько-то денегъ на покупку провіанта, лошадей, вещей и другой матерьяльной части, какъ будто выполненіе всѣхъ этихъ желаній, исходившихъ отъ верховнаго вождя сербскихъ войскъ, было такъ просто и легко, или существовало обязательство безусловнаго удовлетворенія

нами всѣхъ военныхъ ихъ нуждъ. Только избалованностью прошлой войной можетъ быть объяснено опредѣленіе княжескимъ правительствомъ размѣра текущей субсидіи за время военныхъ операцій Сербіи въ миллионъ рублей ежемѣсячно. Принятіе такого крупнаго размѣра приближало бы сербскую кооперацію къ найму, что отнюдь не отвѣчало бы ни истинному положенію вещей, ни достоинству сербской народности. Поэтому было опредѣлено выдавать сербскому правительству по полтора ста рублей въ день на каждую тысячу человекъ, дѣйствующихъ внѣ предѣловъ княжества, если только общее число перешедшихъ границу не будетъ менѣе двадцати пяти тысячъ, и уплату субсидіи начать черезъ двѣ недѣли по переходѣ границы.

Князь Миланъ, очевидно, рассчитывалъ совершить новую войну и исправить запущенное матерьяльное состояніе своихъ войскъ на нашъ счетъ. Не надѣясь на свои собственные средства для самостоятельныхъ военныхъ операцій, онъ поджидалъ еще большаго ослабленія силъ турокъ, чтобы явиться на театръ войны побѣдителемъ безъ выстрѣла и принять участіе въ предъявленіи мирныхъ условій побѣжденному врагу. Но всѣ его расчеты разлетѣлись дымомъ, когда онъ получилъ приглашеніе перейти къ активной роли, въ самой категорической формѣ, гораздо ранѣе, чѣмъ предполагалъ. Вынужденный дѣломъ закрѣпить правдивость своего слова, онъ громко выражалъ теперь предъ всѣми, что немедленнымъ выступленіемъ въ походъ выполняетъ настойчивое требованіе Россіи, какъ будто его собственной инициативы вовсе не существовало, и слагалъ съ себя отвѣтственность на случай бѣдственнаго исхода предпріятія. Отсюда заявленія о крупной субсидіи, отсюда почетная моя роль предъ сербскими войсками, къ ко-

торымъ князь всегда предлагалъ мнѣ подѣлжать рядомъ съ нимъ.

Подготавливая обстановку военныхъ дѣйствій, необходимо было еще выяснить положеніе турецкихъ вооруженныхъ силъ на мѣстности главнаго театра кооперации и ближайшихъ его окрестностей. Еще въ половинѣ сентября сообщалось съ границы, что 11-го числа доставлено въ Нишъ отъ Скоплэ двѣсти повозокъ боеваго снаряженія, пятьдесятъ повозокъ съ одеждою и 4 т. ружей системы Генри-Мартини. Все это было прислано изъ Константинополя въ Салоники водою и перевезено отсюда въ Скоплэ по желѣзной дорогѣ. Въ Нишѣ получено распоряженіе о водвореніи переселенцевъ изъ Западной Болгаріи и о сборѣ 500 коней, которыхъ предлагалось немедленно выслать въ Софію. Въ Новомъ-базарѣ отрядъ Гафиза-паши имѣлъ около 8 т. чело-
вѣкъ: 8-мъ таборовъ, расположенные въ укрѣпленіяхъ на Рогознѣ, состояли изъ редифовъ и мустахфиза, 5-тъ таборовъ низама находились на Сочаницѣ. Отъ 19-го сентября сообщалось, что 20 таборовъ, недавно прибывшіе изъ Константинополя съ сильною артиллерією, направлены изъ Софіи въ Орханіэ, гдѣ собирается отрядъ для слѣдованія къ Плевнѣ. Отъ 10-го октября,— что изъ восьми таборовъ, находящихся въ Софіи, выслано, 5 октября, два табора въ Пиротъ и одинъ въ Орханіэ, что 8 числа изъ Ниша отправленъ транспортъ на ста воловьихъ подводахъ въ Пиротъ, а къ 12-му числу собирается обозъ изъ восьмисотъ подводъ для слѣдованія въ Софію ¹⁾. Изъ Ново-Базара четыре табора направлены въ Софію и три табора передвинуты въ Ми-

¹⁾ Всѣ эти извѣстія были своевременно сообщены въ главную квартиру въ Болгаріи.

тровицу, изъ Ниша выслано на востокъ два табора. Часть запасовъ изъ Орханіе перевезена во Врацу. Вездѣ идетъ усиленный наборъ мустахфиза. Отъ половины ноября,—что проходы Берковца и св. Николая заняты и сильно укрѣплены, что посты съ сербской границы сняты и собраны въ Виддинѣ, куда приказано отойти и табору изъ Адліе, при первомъ движеніи сербовъ. Изъ Босніи къ Софіи прошло 700 всадниковъ. Въ Нишѣ 6-ть таборовъ, но ожидаютъ прибытіи Гафиза-паши еще съ восемью. Мегеметъ-паша имѣетъ 40 т. чело-вѣкъ хорошо вооруженныхъ и снаряженныхъ, въ 60-ти таборахъ занимающихъ укрѣпленія Орханійскаго перевала, Софію, Пиротъ съ укрѣпленнымъ лагеремъ у Будимъ-дела и перевалы Берковца и св. Николая; при чемъ у Пирота и послѣднихъ горныхъ проходовъ насчитывали до 12 таборовъ. Рифать-паша занятъ въ Приштинѣ организаціею таборовъ и арнаутскаго ополченія.

Соображеніе всѣхъ этихъ свѣдѣній до извѣстной степени выясняло намѣренія противника. На пространствѣ турецкой территоріи, прилежащемъ къ юго-восточной границѣ Сербіи, такимъ образомъ, были два отдѣльныхъ командованія, Мегмета-паши и Гафиза-паши, дѣйствовавшихъ, по всей вѣроятности, вполне самостоятельно, безъ какого-либо соотношенія власти. Мегметъ-паша формировалъ въ окрестностяхъ Софіи сильный отрядъ, съ которымъ долженъ былъ содѣйствовать освобожденію арміи Османа-паши изъ Плевны. Гафизъ-паша имѣлъ назначеніе охранять Ново-Базарскій санджакъ и наблюдать за сербскою границею. Нужно было предполагать, что первому подчиняются всѣ войска, расположенныя къ западу до Пирота и горныхъ проходовъ Берковца и св. Николая включительно, а вто-

рому всѣ отряды по границѣ и гарнизоны Ново-Базара, Сенницы и Ниша съ Акъ-паланкою. Найдя прямой путь къ Плевнѣ прегражденнымъ войсками генераль-адъютанта Гурко, Мегметъ-паша былъ принужденъ на Орханійскомъ перевалѣ ограничиться оборонительными дѣйствіями, но въ то же время онъ принималъ мѣры къ обезпеченію за собою восточныхъ проходовъ на случай, если-бы Осману-пашѣ удалось вырваться изъ Плевны въ Западную Болгарію. Извѣстіе изъ Ниша объ ожиданіи тамъ прибытія Гафиза-паши съ главною частью своихъ войскъ подавало поводъ думать о состоявшемся между двумя пашами соглашеніи, въ силу котораго усиливался лѣвый флангъ обороны Балканъ расположеніемъ за нишскими укрѣпленіями такого отряда, который былъ способенъ даже къ активнымъ противъ Сербіи операціямъ. Если къ нишскому командованію отходили, при такомъ положеніи, всѣ отряды до Пирота включительно, Гафизъ-паша соединялъ-бы въ своемъ распоряженіи до тридцати таборовъ, съ которыми бы имѣлъ полную возможность парализовать всѣ активныя предпріятія сербовъ. Но предположенію такого соглашения противорѣчили существующія въ турецкой арміи порядки, только въ исключительныхъ случаяхъ допускавшіе такіа рѣзкія измѣненія въ установленныхъ верховнымъ командованіемъ военныхъ комбинацій. Поэтому слѣдовало надѣяться, что, если даже соглашеніе и установлено, прочность его не могла быть солидною. Такъ какъ прибытіе Гафиза-паши въ Нишъ имѣло во всякомъ случаѣ громадное значеніе для развитія наступленія изъ Княжевацкаго округа, необходимо будетъ сразу занять долину р. Топлицы для затрудненія, если не воспрепятствованія, движенія Гафиза по кратчайшему пути вдоль этой рѣки. Съ другой стороны, не допуская

возможности измѣненія подчиненности частей, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Акъ-паланка, какъ пунктъ соприкосновенія двухъ командованій, едва-ли будетъ обороняться съ такимъ-же упорствомъ, какъ всѣ остальные.

Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ у турокъ только подтверждали правильность уже усвоеннаго плана дѣйствій и давали указанія къ дальнѣйшему его развитію. Такимъ образомъ изъ двухъ операціонныхъ путей, предложенныхъ главною квартирою, по сѣверную и по южную сторону Балканъ, избирался послѣдній, какъ болѣе соотвѣтствующій общей обстановкѣ. Наступленіе изъ Княжевадкаго округа, лишая крѣпость Нишъ ея значенія прикрывать софійское шоссе, сразу выводило сербовъ къ лѣвому флангу войскъ Мегемета-паши, связывая и ослабляя ихъ операціи противъ отряда генерала Гурко, приводило къ вѣроятному столкновенію у перевала св. Николая и въ окрестностяхъ Акъ-паланки, т. е. съ окраиннымъ расположеніемъ частей двухъ разныхъ командованій, и затѣмъ къ вѣроятному же овладѣнію послѣднимъ пунктомъ съ его продовольственными запасами, имѣющими столь важное значеніе для крайне дурно питаемыхъ собственными средствами сербскихъ войскъ. Было чрезвычайно важно, чтобы народное ополченіе не встрѣтило на первомъ же шагѣ серьезнаго сопротивленія и могло бы окрѣпнуть духомъ рядомъ успѣховъ хотя бы надъ слабымъ противникомъ.

Не схватывая сущности общаго плана, князь отвѣчалъ на мои разъясненія настойчивою просьбою воспользоваться движеніемъ нашего летучаго отряда къ Бѣлградчику, чтобы поднять духъ сербскихъ войскъ со-вмѣстною аттакою этого пункта, и только тогда успокоился когда изъ главной квартиры отвѣтили, что къ сторонѣ Бѣлградчика будутъ посланы одни разъѣзды.

Впрочемъ усвоенію княземъ Миланомъ общаго плана военныхъ дѣйствій еще мѣшало его увлеченіе соображеніями политическаго характера. Хорошо понимая, что на размѣръ территоріальнаго вознагражденія княжества при заключеніи мира будетъ вліять величина занятой сербскими войсками непріятельской страны, онъ упорно настаивалъ на развитіи активныхъ дѣйствій по всему пространству границы, несмотря на то, что это влекло къ разброскѣ силъ и невыгодно отражалось на успѣхѣ главнаго предпріятія.

Было рѣшено, за выдѣленіемъ двухъ корпусовъ численностью около 25 т. человекъ въ обоихъ, для самостоятельныхъ операцій на Яворѣ и Дринѣ, всѣ остальные войска, силою въ 56 т. человекъ, сосредоточить на восточной границѣ съ главною задачею наступленія изъ Княжевацкаго округа. Владѣтельный князь, сохраняя верховное командованіе надъ всѣми силами, принималъ на себя непосредственное руководство военными дѣйствіями на восточномъ театрѣ войны. Для нанесенія главнаго удара назначались корпуса Шумадійскій и Тимочскій, но съ отдѣленіемъ отъ нихъ значительнаго числа частей какъ для обороны Крайны, такъ и для усиленія наблюденія за крѣпостью Нишемъ; Моравскій же корпусъ назначался для стѣсненія Ниша и овладѣнія долиною р. Топлицы. Въ составъ Княжевацкаго отряда, поступавшаго подъ начальство командира Шумадійскаго корпуса, генерала Белимарковича, должны были войти: 2-я дивизія Шумадійскаго корпуса, полковника Любоміра Іовановича, полностью; 1-я дивизія того же корпуса, полковника Бучевича, за исключеніемъ двухъ баталіоновъ Вѣлградской бригады, оставленныхъ по-баталіонно въ Вѣлградѣ и Смедерово, и всей Смедеровской бригады, назначавшейся подъ

командою самого начальника дивизіи столько же въ резервъ Моравскаго корпуса, сколько и въ прикрытіе главной квартиры князя въ Алексинацѣ; и Тимочскій корпусъ, полковника Хорватовича, съ выдѣленіемъ изъ него 11 баталіоновъ съ двумя батареями, Зайчарскаго отряда полковника Здравковича, и 2 баталіоновъ съ народною артиллеріею для занятія Кладова и Неготина. При этомъ 2 баталіона I класса Крайнской бригады и 2 баталіона I-же класса Црноръченской бригады образовали комбинированную бригаду, а приданные корпусу добровольцы—летучій баталіонъ. Дунайская дивизія, подполковника Топаловича, получила особое назначеніе содѣйствовать стѣсненію крѣпости Ниша, за исключеніемъ Пожаревацкой бригады, дѣйствовавшей первое время въ непосредственной связи съ другими войсками генерала Белимарковича. Наступленіе Моравскаго корпуса, полковника Лѣшанина, предполагалось произвести по обѣимъ сторонамъ рѣки Моравы съ тѣмъ, чтобы Моравская дивизія, полковника Орѣшковича, войдя въ связь съ Дунайскою дивизіею, стѣснила Нишъ, а Ибарская дивизія, подполковника Беницкаго, съ корпуснымъ резервомъ овладѣла долиною р. Топлицы. Въ горахъ Копаоника, на крайнемъ правомъ флангѣ Моравскаго корпуса, долженъ былъ дѣйствовать летучій отрядъ изъ добровольцевъ капитана Милоевича.

Такимъ образомъ войска на восточной границѣ по назначенію разбивались на четыре группы:

	Баталіоновъ.	Орудій.	Человѣкъ.
Въ Краинѣ	13	16	7,500
Княжевацкій отрядъ .	30	90	25,000
Подъ Нишемъ. , . .	23	42	15,000
На р. Топлицѣ . . .	14	30	9,000
Итого. .	80	178	56,500

Въ числѣ 178 орудій 126 было полевыхъ, 24 горныхъ и 28 народныхъ, всегда дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ пѣхотными частями. Сильнѣйшею артиллеріею располагалъ Княжевацкій отрядъ, такъ какъ онъ главнымъ образомъ предназначался для активныхъ дѣйствій. При немъ же была оставлена и батарея 12 фунтовыхъ орудій, которыя хотя и представляли большія затрудненія для движенія, но могли принести существенную пользу при атакѣ укрѣпленнаго лагеря при Будимъ-делѣ.

Принимая въ соображеніе совокупность мѣстныхъ условій обстановки, распредѣленіе войскъ вообще можно было признать правильнымъ, за исключеніемъ, однако, Крайнскаго отряда, слишкомъ сильный составъ котораго значительно превосходилъ потребность обороны и легко могъ бы безъ ущерба дѣлу выдѣлить изъ себя значительную часть на усиленіе войскъ генерала Белимарковича. При общемъ положеніи дѣлъ на болгарскомъ театрѣ войны, трудно было предполагать активныя предпріятія со стороны турокъ противъ Крайны, тѣмъ болѣе, что не только распоряженіе о снятіи пограничнаго кордона, но и приказаніе объ очищеніи страны, при первомъ движеніи впередъ сербовъ, было уже извѣстно въ сербской главной квартирѣ.

Выдѣленіе изъ дѣйствующей арміи корпусовъ Дринскаго и Яворскаго, для отдѣльныхъ, самостоятельныхъ операцій, также не оправдывалось обстановкою. Сербіи со стороны Босніи не грозила серьезная опасность. Турецкихъ войскъ на западной границѣ княжества не было; они были или направлены въ Софію, или передвинуты въ Ново-Базарскій санджакъ, или введены въ составъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ Черногоріи. Слѣдовательно съ этой стороны могли пытаться прорваться въ страну только партіи боснійскихъ бековъ,

для прегражденія пути которымъ было достаточно, можетъ быть, только половины силъ Дринскаго корпуса. Какъ ни оцѣнивать высоко значеніе западнаго открытаго пространства съ посейнымъ путемъ, ведущимъ прямо къ столицѣ государства, во всякомъ случаѣ назначеніе двухъ корпусовъ для обороны не выдерживаетъ критики. Между тѣмъ у командира Дринскаго корпуса, генерала Ранко Алимпича было 21 баталіонъ съ 26-ю орудіями, численностью въ 12 т. человѣкъ; а у командира Яворскаго корпуса, полковника Николича—21 же баталіонъ при 28-ми орудіяхъ, численностью въ 13 т. человѣкъ. Самый составъ послѣдняго корпуса, превосходившій Дринскій, при назначеніи дѣйствовать въ сильно гористой и трудно доступной странѣ, указывалъ на желаніе придать операціямъ этого корпуса болѣе активный характеръ. Было бы цѣлесообразнѣе поэтому присоединить къ дѣйствующей арміи, наносившей главный ударъ противнику, по крайней мѣрѣ одну треть силъ обоихъ корпусовъ, которымъ затѣмъ, нѣсколько выждавъ развитія военныхъ дѣйствій на главномъ театрѣ войны, перейти въ наступленіе совокупными силами въ Новобазарскій санджакъ на Сенницу съ цѣлью захвата единственнаго проходящаго здѣсь пути и овладѣнія всѣмъ пространствомъ до черногорской границы. Мысль эта сознавалась сербами, но смутно. Чрезвычайныя усилія, употребленныя для склоненія князя Милана на дѣйствительно наступательное движеніе по важнѣйшему операціонному пути, и упорныя настоянія на сосредоточеніи для выполненія этой операціи Княжевацкаго отряда до такой степени исчерпали энергію сербскаго вождя, что для разъясненія другихъ мѣръ, несомнѣнно важныхъ, но меньшаго значенія, потребовалось слишкомъ много времени. Позднѣе главная квар-

тира непрестанно требовала отъ полковника Николича смѣлаго движенія впередъ, хотя бы съ цѣлью занятія непріятельской территоріи; но, какъ своевременно не подготовленная, дѣятельность Яворскаго корпуса не могла сразу развиться и оставалась все время въ высшей степени пассивною.

Между тѣмъ наступали послѣдніе дни предъ объявленіемъ войны. Чѣмъ ближе подвигались событія къ развязкѣ, тѣмъ болѣе сдержаннымъ становился князь, тѣмъ озабоченнѣе дѣлались правительственные лица, тѣмъ серьезнѣе относилось къ дѣлу само бѣлградское общество. Предшествовавшая война значительно отрезвила самосознаніе сербовъ, съ большою осмотрительностью готовившихся къ войнѣ теперь, несмотря на то, что современная обстановка была несравненно болѣе благоприятною, чѣмъ прежняя. Тѣмъ съ большимъ восторгомъ было встрѣчено здѣсь извѣстіе о паденіи Плевны и плѣненіи арміи Османа-паши.

VII.

Объявленіе войны. Стѣсненіе Ниша.

Наконецъ 1 декабря, появилась княжеская прокламація къ сербскому народу о войнѣ съ Турціею. Опуская нѣкоторыя подробности этого государственнаго акта, ниже приводятся наиболѣе важныя его мѣста.

„...Сербы! Если Порта намъ грозитъ въ минуту величайшей для себя опасности отъ арміи одной изъ могущественнѣйшихъ державъ, мы не можемъ упустить

этого случая, чтобы не обезпечить разъ навсегда нашу будущность. Нѣтъ! Борьба съ нашимъ исконнымъ врагомъ не завершилась послѣднею войною. Оставаться мирными зрителями, не проявить всей энергіи на защиту подавляемой сербской народности, не довершить нашу національную миссію не въ нашихъ интересахъ и не соотвѣтствуетъ нашему достоинству. Хотя доблестная русская армія можетъ и безъ нашего содѣйствія восторжествовать въ святомъ дѣлѣ, которое Императоръ Александръ принялъ подъ свое могущественное покровительство; тѣмъ не менѣе ничто въ свѣтѣ не можетъ насъ освободить отъ выполненія долга, падающаго на сербскую націю, какъ на члена христіанской семьи Востока. Сербскій народъ обязанъ принести эту новую жертву себѣ самому и своему племени...

„Если въ прошломъ году средства противника подавляли силы сербскихъ княжествъ, то въ настоящее время мы встрѣтимъ на бранномъ полѣ покрытую славою русскую армію, братьевъ-героевъ Черногоріи и нашихъ мужественныхъ сосѣдей, румынъ, перешедшихъ Дунай, чтобы сражаться за свою независимость и свободу угнетенныхъ христіанъ.

„Сербы! Нынѣ мы поднимаемъ вновь оружіе за національное и христіанское дѣло. По примѣру предка, я вновь становлюсь въ челѣ сербскаго вооруженнаго народа. Знамя, которое четвертый изъ Обреновичей развѣваетъ, есть знамя свободы и національной независимости. Подъ этимъ знаменемъ вы уже дали блистательное доказательство вашего патріотизма и самопожертвованія. Рѣшительный шагъ впередъ, и мы сожмемъ руку тѣхъ братьевъ, съ которыми разъединились со времени Косова. Теперь или никогда наступила минута выполнить

великое національное дѣло, съ такою славою начатое героями Такова и возобновленное въ прошломъ году.

„Впередъ же, солдаты, къ побѣднымъ орламъ Императора-Освободителя, съ упованіемъ на Бога, всемогущаго покровителя справедливости! Впередъ! во имя освобожденія нашихъ угнетенныхъ братьевъ, во имя независимости нашей дорогой родины Сербіи! Бѣлградъ. 1 декабря 1878. Миланъ М. Обреновичъ IV, князь Сербіи“.

Прокламація произвела на сербовъ самое лучшее впечатлѣніе. „Къ побѣднымъ орламъ Императора-Освободителя... который и безъ нашего содѣйствія восторжествуетъ въ святомъ дѣлѣ... мы не можемъ упустить этого случая... теперь или никогда наступила минута выполнить великое національное дѣло...“ выраженія, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали общественному настроенію. Въ частныхъ разговорахъ князь давалъ понимать, что таково непремѣнное требованіе главнокомандующаго русской арміи, волю котораго не можетъ не выполнить, хотя и не скрываетъ отъ себя сопряженныхъ съ тѣмъ серьезныхъ опасностей. Въ его словахъ слышалось желаніе заблаговременно сложить съ себя всякую отвѣтственность за катастрофу, которую какъ-будто предвидѣлъ. Съ тѣмъ же намѣреніемъ онъ придавалъ особую гласность моимъ мнѣніямъ, къ которымъ постоянно обращался въ сферѣ военныхъ операцій, и подбѣждалъ къ сербскимъ войскамъ, выдвигая меня впередъ.

Отъѣздъ къ арміи былъ назначенъ на разсвѣтъ 4-го декабря. Безцвѣтность проводовъ князя, въ особенности-же присутствіе на нихъ митрополита Михаила не пастыремъ церкви, по православному обычаю осѣняющимъ крестомъ и иконою воиновъ на брань, а лицомъ высшей администраціи, произвели на меня тяжелое впе-

чатлѣніе. Сѣрая мгла предразсвѣтнаго утра вполнѣ гармонировала съ оффиціальною натянутостью, царствовавшей въ княжескомъ конакѣ въ минуту отъѣзда верховнаго вождя сербской вооруженной силы на брань, отъ исхода которой зависѣла самобытность государства. На крыльцѣ князь Миланъ обратился ко мнѣ съ словами: „прошу васъ отнынѣ всегда и вездѣ быть рядомъ со мною, въ экипажѣ ли, верхомъ ли на конѣ — вотъ ваше мѣсто“. Рыдающая княгиня Наталія, сжимая мнѣ руку, просила беречь ея мужа, съ нимъ не разставаться и быть ему полезнымъ совѣтникомъ. Лошади тронули, я по привычкѣ снялъ фуражку и перекрестился, князь Миланъ закурилъ папирску. На дорогѣ мы ночевали, на слѣдующій день прибыли въ Алексинацъ.

Извѣстія съ передовыхъ боевыхъ позицій были благопріятны. Пограничные турецкіе посты, по мѣрѣ наступленія сербовъ, отходили къ Нишу. Моравскій корпусъ перешелъ границу, 3-го декабря, одновременно своими двумя дивизіями, по обѣимъ сторонамъ р. Болгарской Моравы. 4-го и 5-го числа Моравская дивизія, полковника Орѣшковича, развернулась по высотамъ Лютаго-врха и Вертишской выси, имѣя на лѣвомъ флангѣ Ягодинскую бригаду, на правомъ Алексинацкую, подполковника Прапорчевича, и въ резервѣ Чупрійскую, маіора Васильевича ¹⁾. Штабъ дивизіи и, до 6-го числа, кор-

¹⁾ Болгаро-моравскіе баталіоны, одинъ I класса и одинъ II-го, были переведены въ составъ Ибарской дивизіи, почему въ Алексинацкомъ войскѣ оставалось 4 баталіона, два I класса и два II-го. Въ ночь съ 4-го на 5 декабря Моравская дивизія была расположена въ слѣдующемъ порядкѣ: отъ Цернаго-врха до Вертиште Ягодинская бригада, съ 3 баталіонами Алексинацкаго войска, съ двумя легкими батареями и конною сотнею; отъ Вертиште до Моравы 1 баталіонъ алексичанъ и 1 чупрійцевъ съ полевою батареею и конною сотнею впереди; на Топольничкомъ врху 3 баталіона

пуса были расположены въ сел. Трнавѣ, вскорѣ соединенномъ телеграфною проволокою съ Алексинакомъ. Ибарская дивизія подполковника Беницкаго въ то же время перешла въ Суповацъ. Крушевацкая бригада маіора Остоича заняла Сечаницкія высоты. Два болгаро-моравскіе баталіона отъ Голешницы и Змѣиной главы спустились съ высотъ и заняли селенія Крайковцы и Брясницу. Чачакская бригада, маіора Яковлевича, выдвинулась къ Вуканѣ и перевалу Гребачъ. Къ 6-му декабря телеграфное соединеніе Суповаца было окончено, и штабъ корпуса переведенъ сюда. Браничевская бригада маіора Протича, перейдя 3-го числа границу въ Громмадѣ, выдвинулась къ сел. Гор. Матеевцамъ, откуда на слѣдующій день черезъ Каменицу вошла въ связь съ Моравскою дивизіею. Другая бригада дунайской дивизіи полковника Топаловича, Пожаревацкая, подошла къ Громмадѣ. Предназначенные для наступательныхъ дѣйствій, Тимочскій корпусъ и Шумадійскій стягивались къ пограничному караулу Пандирало, расположенному въ горной зонѣ, на дорогѣ къ проходу св. Николая, Акъ-паланкѣ и Пироту. Зайчарскій отрядъ велѣдъ за отступившимъ непріятелемъ, 4 декабря, занялъ Кулу-Адліе.

Такимъ образомъ, первый приступъ къ приведенію въ исполненіе распоряженій осуществлялся благополучно. Какъ выше было изложено, имѣлось въ виду, связавъ дѣйствія нишскаго гарнизона, первоначально произвести энергичное наступленіе къ сторонѣ театра военныхъ дѣйствій русской арміи, захватить проходъ св. Николая

Чупрійской бригады съ двумя полевыми батареями. По занятіи на слѣдующій день Чамурійской выси турки открыли огонь изъ крѣпостныхъ орудій и пытались съ 2-мя баталіонами при одной батарее сбить сербовъ съ позиціи, но съ урономъ принуждены были вернуться обратно.

и атакою лѣваго крыла турецкой арміи Мегемета-паши отвлечь на себя часть его силъ, чтобы тѣмъ самымъ облегчить отряду генерала Гурко наступленіе въ Софійскихъ балканахъ.

Но кромѣ главнаго объекта операцій, арміи Мегемета-паши, Сербія имѣла спеціальнаго для себя врага въ отрядѣ Газифа-паши, за выдѣленіемъ подкрѣплений къ Плевнѣ бывшаго еще въ періодѣ реорганизации. Необходимо было поэтому принять мѣры къ противодѣйствію его активнымъ предпріятіямъ со стороны занимаемой имъ линіи Приштина-Митровица и Новый-барзанъ-Сенница. Последніе два пункта составляли предметы дѣйствія Яворскаго корпуса полковника Николича, отъ искуснаго наступленія котораго отчасти зависѣла свобода дѣйствія Газифа. Связь съ главными силами составлялъ добровольческій отрядъ капитана Милоевича, въ 850 пѣшихъ и 100 конныхъ людей, дѣйствовавшій въ гористой, труднодоступной мѣстности Копаоника. Такимъ образомъ для обезпеченія расположенія подъ Нишемъ отъ покушеній Газифа-паши слѣдовало создать на вѣроятнѣйшемъ пути его наступленія, отъ Приштинны на Куршумлэ и далѣе долиною р. Топлицы, такія препятствія, которыя затруднили бы его движеніе и помѣшали проходу въ Нишъ. Съ этою цѣлью было предположено овладѣть всею долиною Топлицы, затѣмъ Преполацкимъ переваломъ, укрѣпить позицію у Туларе. Для облегченія занятія Куршумлэ былъ назначенъ отрядъ маіора Живковича, изъ Крушевацкой бригады II класса при 4-хъ орудіяхъ, 4-го числа перешедшій границу въ Янковой клисурѣ. Въ Алексинацѣ стояла Смедеревская бригада маіора Сречковича, какъ главный резервъ; въ Крушевацѣ была направлена вновь мобилизованная Рудничская бригада II класса. Всѣ исчисленныя

войска, отъ отряда капитана Милоевича до Браничевской бригады включительно, были подчинены полковнику Лѣшанину. Командованіе всѣми частями, входившими въ составъ наступательной арміи, ввѣрялось генералу Белимарковичу. Ранко Алимпичъ на Дринѣ, Николичъ на Яворѣ и полковникъ Здравковичъ въ Крайнѣ пока дѣйствовали самостоятельно ¹⁾.

Такъ какъ на слѣдующій день послѣ нашего пріѣзда, т. е. на 6-е декабря, предполагалось болѣе рѣшительное наступленіе Ибарскою дивизіею съ цѣлью овладѣнія путями изъ Ниша на Прокоплэ и, если возможно, на Лесковацъ, чтобы одновременно стѣснить Нишъ съ юго-западной стороны, то князь изъявилъ желаніе посѣтить передовыя сербскія позиціи по лѣвому берегу р. Болгарской Моравы. Обходя въ день пріѣзда расположеніе Смедеревской бригады по землянкамъ у Алексинаца, я могъ убѣдиться въ неудовлетворительномъ состояніи обмундированія людей, изъ которыхъ у многихъ, кромѣ холщевой рубахи и суконнаго плаща, не было другой верхней одежды. Было 6^о мороза по Реомюру безъ вѣтра; что же будетъ съ этими не привыкшими къ суровой погодѣ людьми, когда на открытомъ бивакѣ ихъ застанетъ сильный морозъ съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ. Не позднѣе, какъ черезъ два дня, мое недоумѣніе рѣзрѣшилось вполнѣ.

¹⁾ Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что нерѣшительному Здравковичу было оставлено самостоятельное командованіе въ то время, какъ командиръ всего Тимочскаго корпуса, въ нормальный составъ котораго входило и Крайнское войско, рѣшительный Хорватовичъ былъ подчиненъ Белимарковичу. Предназначая Зайчарскій отрядъ для территориальнаго захвата, князь, очевидно, рассчитывалъ, что Здравковичъ будетъ въ его рукахъ болѣе послушнымъ орудіемъ.

6-го декабря князя на позицію сопровождали: я вмѣстѣ съ нимъ въ первой коляскѣ; начальникъ штаба, генераль Коста Протичъ, вмѣстѣ съ начальникомъ оперативнаго отдѣла штаба, подполковникомъ Анжелковичемъ, въ другомъ тоже княжескомъ экипажѣ; наконецъ, съ нами же были дежурный адъютантъ князя и начальникъ санитарной части, въ чинѣ подполковника, докторъ Владанъ Георгиевичъ. Пока мы ѣхали изъ Алексинаца и останавливались въ Суповцѣ, отрядъ капитана Якова Максича изъ 2-хъ баталіоновъ Крушевацкаго войска I класса и 2-хъ болгаро-моравскихъ баталіоновъ Алексинацкаго войска обоихъ классовъ, успѣлъ безъ боя отѣснить турокъ и занять въ 9^{1/2} часовъ утра укрѣпленія у Мрамора и мостъ на рѣкѣ. Двѣ арки послѣдняго турки успѣли разрушить при отступленіи. Посланная къ сторонѣ Прокоплѣ, развѣдка вскорѣ сообщила о занятіи этого города отрядомъ маіора Яковлевича, успѣвшаго спуститься съ перевала Гребачъ и занять городъ послѣ нѣсколькихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ по удаляющемуся оттуда непріятелю.

Князь подъѣхалъ къ фронту Крушевацкихъ и Болгаро-моравскихъ баталіоновъ, благодарилъ людей за службу, въ особенности за стойкость въ перенесеніи лишеній въ суровое время года, и выражалъ увѣренность въ успѣхѣ войны, при могущественномъ содѣйствіи Царя-Освободителя; затѣмъ приказалъ моравскимъ баталіонамъ перейти рѣку по льду и возвести предмостное укрѣпленіе, а сильную развѣдку отъ крушевчанъ направить вверхъ по р. Моравѣ для овладѣнія мостомъ у Чечины и прерванія такимъ образомъ прямого сообщенія между Нишемъ и Лесковцемъ. Особому вниманію полковника Лѣшанина рекомендовалось систематическое стѣсненіе Ниша съ установленіемъ тѣсной связи между

всѣми облагающими крѣпость отрядами съ такимъ расчетомъ, чтобы каждая часть, атакующая гарнизонъ въ своемъ расположеніи, получала немедленную помощь переходомъ всѣхъ остальныхъ частей въ энергическое наступленіе.

6-го и 7-го декабря бригады Моравской дивизіи выдвинулись еще ближе къ Нишу и заняли позиціи на высотахъ Хума и Чамурлу, приблизясь правымъ флангомъ къ р. Нишавѣ, чтобы войти въ болѣе непосредственную связь съ войсками Ибарской дивизіи, расположенными у Мрамора. Браничевская бригада Дунайской дивизіи перемѣнила позиціи на болѣе близкія къ укрѣпленіямъ Виника, а Пожаревацкая бригада расположилась влѣво отъ Браничевской до р. Нишавы, наблюдая за дорогою въ Акъ-паланку.

Въ ночь на 8-е число, назначенное княземъ для посѣщенія позицій Моравской дивизіи, морозъ достигъ 10° при порывистомъ сѣверномъ вѣтрѣ. Когда мы выѣхали раннимъ утромъ въ прежнемъ порядкѣ, горные скаты застигались снѣжною пылью, срываемою вѣтромъ съ вершинъ. На дорогахъ была невозможная гололедица. Лошади поминутно скользили и временами останавливались, чтобы выдержать напоръ встрѣчнаго вѣтра. Экипажъ бросало то въ одну сторону, то въ другую, то немилосердно подбрасывало на замерзшихъ колесахъ. Болѣе двухъ часовъ мы тащились до Катунскаго пограничнаго строенія, когда-то бывшаго карантина, въ которомъ съ удовольствіемъ укрылись отъ свирѣпствовавшей вьюги и наскоро подкрѣпились холодною закускою.

Еще при отѣздѣ мое вниманіе обращали на себя одиночные люди, въ полномъ снаряженіи шедшіе по бокамъ дороги то вереницей, то небольшими группами.

Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ больше встрѣчали этихъ вооруженныхъ людей, мѣстами двигавшихся по сторонамъ сплошною массою. По ихъ бодрой походкѣ и многочисленности, мнѣ не трудно было догадаться, припоминая рассказы, что то были люди строевыхъ частей, оставлявшіе свои боевыя позиціи, чтобы въ родной *кучѣ* (избѣ) отдохнуть, обогрѣться и захватить съ собой новый запасъ провіанта.

Князь близко принялъ къ сердцу этотъ, по его словамъ, безпорядокъ въ санитарной части, вслѣдствіе котораго слабые и больные принуждены пѣшкомъ идти въ ближайшіе военные лазареты, и тутъ же на дорогѣ жестоко распекъ доктора Владана Георгіевича за то, что больные не перевозятся въ повозкахъ, какъ это ему было строго предписано. Я ожидалъ, что онъ обратится къ самимъ людямъ, но почему то отъ этого онъ воздержался.

„Допущенный безпорядокъ“, обратился онъ ко мнѣ „уже потому не долженъ быть терпимъ, что легко можетъ служить первымъ шагомъ къ дезертирству“.

Я замѣтилъ, что невозможно считать этихъ людей за дезертировъ. Уже изъ одного того, какъ они смѣло намъ смотрятъ въ глаза, несомнѣнно, что имъ и въ голову не приходитъ, чтобы они дѣлали что-либо позорное, несовмѣстное съ своимъ долгомъ, что черезъ день или два они вновь будутъ на своихъ мѣстахъ. Этотъ обычай, о которомъ меня предупреждали, не только меня не печалить, но напротивъ радуетъ, такъ какъ въ немъ я вижу благополучный исходъ изъ легко возможнаго критическаго положенія. Что могло бы съ ними случиться, еслибы они въ плащахъ, подбитыхъ вѣтромъ, оставались голодными въ теченіе нѣсколькихъ дней на своихъ изрытыхъ бивакахъ, гдѣ разведенный изъ сухой

лозы костеръ ихъ обжигаетъ, но не согрѣваетъ. Обычай приучилъ думать людей о самихъ себѣ, и несомнѣнно выручаетъ ихъ нерѣдко изъ весьма трудныхъ обстоятельствъ“.

„Быть можетъ въ этомъ есть много справедливаго“, упрямо замѣтилъ князь, „но Владанъ все-таки виноватъ, такъ какъ въ числѣ этихъ людей конечно есть слабые, которыхъ слѣдовало бы отправить на подводахъ.“

Не доѣзжая Чамурлійской высоты, мы вышли изъ экипажей и довольно крутымъ подъемомъ достигли ея гребня. Вѣтеръ значительно стихъ, но сумракъ зимняго дня, несмотря на то, что былъ второй часъ пополудни, скрывалъ мѣстные предметы въ неясныхъ очертаніяхъ долины. Какъ ни напрягалъ я зрѣнія, какъ ни силился разсмотрѣть правильныя линіи укрѣпленій, я ничего не видѣлъ и оставался бы въ полномъ невѣдѣніи относительно мѣсторасположенія крѣпости, еслибы не мелькнувшая вдали молнія выстрѣла. Вмѣстѣ съ Анжелковичемъ, мы спустились отлогимъ скатомъ къ сторонѣ Ниша до расположенія передовыхъ сторожевыхъ постовъ и осмотрѣли мѣстность, удобную для стрѣлковой цѣпи, въ случаѣ занятія Чамурлу батареями. Вправо, на низинѣ къ р. Нишавѣ, маневрировали двѣ сотни сербской конницы, по случаю пріѣзда князя изъ предосторожности выдвинутыя впередъ для наблюденія за нишскимъ гарнизономъ. Со стороны крѣпости доносились рѣдкіе пушечные выстрѣлы.

На обратномъ пути мы нашли князя и его свиту уже возлѣ экипажей. Было сдѣлано распоряженіе о занятіи высоты батареями изъ позиціонныхъ орудій, весьма полезныхъ для усиленія позицій обложенія, но едва-ли имѣвшихъ серьезное значеніе для обстрѣливанія крѣпостныхъ верковъ вслѣдствіе слишкомъ большой дистанціи.

Аттаковать Нишъ предполагалось не съ сѣвера, а съ юга. Доступы къ крѣпости со стороны сербской границы были гораздо труднѣе южныхъ. Въ то время какъ отъ пограничныхъ горныхъ массивовъ отходили волнообразныя, прерывистыя возвышенности, весьма выгодныя для расположенія на нихъ оборонительныхъ сооруженій, нагорное плато къ югу отъ крѣпости спускалось къ ней вплотную постепенными террасами. Уже однѣ эти природныя свойства мѣстности имѣли свое существенное значеніе при выборѣ фронта атаки; но турки еще чрезвычайно удачно воспользовались отдѣльною возвышенностью Виника для возведенія на ней фортификаціонныхъ работъ. Оборона укрѣпленій къ югу отъ Ниша, форта Горицы, на оборотъ была несравненно слабѣе. Усиливая въ свое время крѣпостныя верки противъ фронта наступленія со стороны Сербіи, турки конечно не могли предусмотрѣвать такой обстановки, которая давала бы возможность аттаковать крѣпость съ юга. Очевидно, что этимъ слѣдовало пользоваться.

Найденное расположеніе войскъ подъ Нишемъ было удовлетворительно. Четыре бригады уже занимали ближайшія къ крѣпости позиціи и теперь усиливали важнѣйшіе пункты своего обложенія возведеніемъ батарей и устройствомъ стрѣлковыхъ окоповъ. Среднее разстояніе обложенія отъ укрѣпленій было около 5-ти верстъ; почти сколько же приходилось по фронту на каждую изъ трехъ бригадъ Моравскаго корпуса; только Браничевская бригада занимала нѣсколько болѣе растянутую позицію. Если четырехъ бригадъ оказалось достаточнымъ, при слабомъ сопротивленіи гарнизона для того, чтобы благополучно сомкнуть линію обложенія съ сѣвера, то являлось вполне возможнымъ выдѣлить отсюда не менѣе бригады для усиленія такого же стѣсненія Ниша съ

юго-западной стороны. Эта послѣдняя операція, стоявшая теперь на очереди, имѣла, однако, гораздо болѣе серьезное значеніе, такъ какъ должна была прервать сообщеніе Ниша съ тѣмъ единственнымъ отрядомъ Гафиза-паши, отъ котораго крѣпость могла ожидать прибытія помощи.

VIII.

Занятіе перевала св. Николая.—Бой у Куршумлэ.

Въ Алексинацѣ княжеская главная квартира занимала отдѣльный каменный двухъэтажный домъ, стоявшій на выѣздѣ, выше города, такъ что съ балкона и оконъ втораго этажа открывался обширный видъ на долину Моравы. Съ этого балкона, въ день прибытія, князь принималъ народную овацію алексичанъ, привѣтствовавшихъ его и кричавшихъ *живео* въ честь Царя-Освободителя.

Наше общество при князѣ состояло, кромѣ его начальника штаба и насъ двоихъ русскихъ, изъ министра народнаго просвѣщенія Васильевича, какъ делегата отъ министерства, двухъ подполковниковъ генеральнаго штаба, Мишковича и Анжелковича, доктора Владана, личныхъ адъютантовъ и ординарцевъ князя и двухъ-трехъ лицъ, приглашавшихся къ столу. Въ дни выѣзда на позиціи мы поднимались въ 5-ть часовъ утра, въ другіе дни — въ 7—8 часовъ; утренній кофе пили у себя въ комнатахъ; часовъ въ десять или одиннадцатомъ князь

обыкновенно заходилъ ко мнѣ передать о вновь полученныхъ извѣстіяхъ и побесѣдовать о военныхъ операціяхъ; за столъ садились два раза, днемъ во второмъ часу и вечеромъ въ девятомъ, расходились на покой весьма рано. Застольныя рѣчи вращались, преимущественно, на злобѣ дня или касались предметовъ бѣлградской жизни, причемъ больше всѣхъ говорилъ, разумеется, самъ князь, стереотипно оканчивавшій каждый разъ свою рѣчь фразою „такъ ли, Коста“. Начиная свой отвѣтъ съ „такъ, ваша свѣтлость“, Коста Протичъ весьма часто, однако, выражалъ затѣмъ свои сомнѣнія и оканчивалъ полнѣйшимъ противорѣчіемъ. Общій смыслъ разговора на сербскомъ языкѣ я еще схватывалъ, но при скоромъ говорѣ большая половина рѣчи для меня пропадала. Въ Протичѣ я всегда удивлялся его необыкновенному трудолюбію и невозмутимому спокойствію духа. Я не помню его иначе, какъ сидящимъ за большимъ столомъ, заваленнымъ донесеніями и телеграммами, пишущимъ или отмѣчающимъ въ большихъ книгахъ. Васильевичъ прекрасно говорилъ по-русски. Отчасти по этому, отчасти по его всегдашнему благодущію, онъ мнѣ былъ очень симпатиченъ. Souffre-douleur-омъ князя былъ докторъ Владанъ, пользовавшійся видимымъ его расположеніемъ, весьма подвижный и распорядительный начальникъ санитарной части арміи. По военнымъ предметамъ мнѣ приходилось очень часто имѣть дѣло, кромѣ князя, еще съ подполковникомъ Анжелковичемъ, хорошо владѣвшимъ французскимъ языкомъ, знанія котораго и солидныя достоинства я имѣлъ неоднократные случаи оцѣнить. Не могу не вспомнить добрымъ словомъ еще о прекрасной личности генерала Заха, этого ветерана и военного педагога сербской военной науки, съумѣвшаго посѣять въ своихъ ученикахъ трезвыя начала военного

искусства и честныя возрѣнія солдатскаго долга. Отличный составъ современнаго корпуса сербскихъ офицеровъ ему долженъ быть многимъ обязанъ и, конечно, сохраняетъ къ нему лучшее чувство сердечной привязанности. Впрочемъ, генераль Захъ въ главной квартирѣ оставался весьма недолго.

Скуки въ главной квартирѣ не знали, такъ какъ, при маломъ личномъ составѣ, каждый былъ при дѣлѣ. Сѣть военнаго телеграфа съ необыкновенною быстротою покрывала вновь занятое пространство непріятельской территоріи, непосредственно связывая всѣ отдѣльно расположенныя отряды съ главною квартирою. Поминутно получавшіяся телеграммы отмѣчались на картѣ, докладывались князю, заносились въ журналъ, сводились въ записки. Съ другой стороны, ежедневно приходившая почта доставляла массу всевозможныхъ газетъ, изъ которыхъ также тщательно извлекалось все то, что могло имѣть военное значеніе. Кромѣ того, не проходило дня, чтобы не являлось два, три ординарца, привозившіе письменныя донесенія отъ начальниковъ отрядовъ съ боевыхъ позицій.

На каждомъ шагу приходилось сознавать недочеты въ сербской арміи; но объ ихъ пополненіи и коренномъ измѣненіи не могло быть и рѣчи. Приходилось достигать результатовъ съ тѣми средствами, какія имѣлись подъ рукой, пользуясь рѣдко счастливой обстановкой, выпавшей теперь на долю Сербіи. Приходилось сосредоточивать вниманіе на обезпеченіи успѣха въ главнѣйшихъ задачахъ, на важнѣйшихъ отдѣлахъ театра военныхъ дѣйствій. Было необходимо оберечь съ такимъ трудомъ уже намѣченныя цѣли отъ посягательства на ихъ измѣненіе требованій, выросавшихъ изъ условій второстепенныхъ событій.

Въ то время, какъ части Моравскаго корпуса и Дунайская дивизія Тимочскаго маневрировали вокругъ крѣпости Ниша, отрядъ полковника Хорватовича, сосредоточившись 4-го декабря на границѣ у Пандирало, ожидалъ обложенія Ниша и прибытія генерала Белимарковича съ Шумадійскимъ корпусомъ, чтобы вмѣстѣ перейти въ рѣшительное наступленіе по софійской дорогѣ. Вѣсть объ оставленіи турками позиціи на Бабиной главѣ заставила его, однако, нѣсколько измѣнить это намѣреніе и побудила перейти границу уже 5-го декабря, причемъ Княжевацкая бригада I класса съ горною батареею безпрепятственно достигла Бабиной главы, которую и заняла; комбинированная бригада съ полевыми батареями, прикрывая лѣвый флангъ первой колонны, выдвинулась по дорогѣ въ Пиротъ; наконецъ Княжевацкая бригада II класса съ одною горною батареею расположилась у Добриславицы, отдѣливъ отъ себя баталіонъ съ 2-мя орудіями для занятія с. Балта-Берилловцы. Опомнившіеся турки, уже на слѣдующій день, вернулись въ числѣ трехъ таборовъ и батарей, но, найдя позицію укрѣпленною и сильно занятою, повернули назадъ. Въ тотъ же день полковникъ Хорватовичъ отдалъ приказаніе командиру Княжевацкой бригады II класса капитану Франичу, съ двумя баталіонами, полусотнею конниковъ и горною батареею, на слѣдующее же утро овладѣть укрѣпленіями на перевалѣ св. Николая, что и было блистательно выполнено на разсвѣтѣ 7-го декабря ¹⁾.

¹⁾ Отрядъ выступилъ въ 4 часа утра тремя колоннами. Налѣво и направо отдѣлились по двѣ роты, подъ командою поручика Покорнаго и подпоручика Аврамовича, чтобы горами подняться съ обѣихъ сторонъ ущелья на командующія надъ непріятельскою позиціею высоты.

Между тѣмъ охватъ Ниша съ юго-западной стороны продолжался безъ серьезныхъ препятствій. 8-го декабря Іоханичскій баталіонъ при двухъ полевыхъ орудіяхъ и съ полусотнею конниковъ, подъ начальствомъ поручика Чирича, двинулся отъ Мрамора для захвата моста у Чечины. Прикрывавшій мостъ турецкій таборъ съ однимъ горнымъ орудіемъ сопротивлялся не долго. Какъ только сербы заняли позицію на Кочанской высотѣ и открывъ артиллерійскій огонь, двинулись впередъ стрѣлковыми цѣпами, турки отошли частью къ сторонѣ Лесковаца, частью въ направленіи Ниша. Результатомъ дальнѣйшаго наступленія къ Лесковцу и Власотинцамъ было бѣгство турецкихъ административныхъ властей, возстаніе въ этой мѣстности жителей и образованіе ими добровольческихъ частей. 10-го декабря отрядъ нишскаго гарнизона приблизился къ Курвинграду съ цѣлью возстановленія переправы на Моравѣ, но, послѣ незначительной перестрѣлки, возвратился обратно въ крѣпость. Соединеніе Ниша съ этой стороны, если не было совершенно прервано, то весьма сильно затруднено.

На 11-е число была назначена атака Куршумлѣ, этого послѣдняго опорнаго пункта турокъ въ долинѣ р. Топлицы. Главную позицію турецкихъ войскъ составляли Микулянскія высоты, расположенныя къ сѣверу

Остальная часть отряда, разсыпавъ по сторонамъ дороги двѣ роты въ стрѣлковые цѣпы и имѣя артиллерію на самой дорогѣ, медленно двигалась впередъ, выжидая перваго выстрѣла изъ правой колонны, на долю которой выпалъ болѣе трудный путь. Густой туманъ благопріятствовалъ наступленію, такъ что, когда обходящія колонны въ 7¹/₂ часовъ открыли огонь, стрѣлки поручика Поповича очутились въ 70—80 шагахъ отъ укрѣпленія. Орудія заняли позицію и открыли огонь. Въ 8¹/₂ часовъ ущелье уже было занято. Успѣху дѣла во многомъ помогли расторопные проводники изъ сел. Равно-Буче.

отъ рѣки, на которыхъ были возведены два редута, батарея и нѣсколько стрѣлковыхъ окоповъ, а болѣе къ востоку на дорогѣ изъ Прокоплэ еще нѣсколько флешей; къ югу отъ рѣки и къ западу отъ города и рѣчки Банской, на которой онъ находится, на вершинѣ Батиглавы былъ выстроенъ люнетъ; такой же люнетъ былъ возведенъ и на Самаковскихъ высотахъ, расположенныхъ къ югу отъ рѣки Топлицы и къ востоку отъ Куршумлэ, и командовавшихъ какъ всею позиціею и городомъ, такъ и обѣими дорогами, соединявшими Куршумлэ съ Приштиною. По свѣдѣніямъ мѣстныхъ жителей, турокъ было не болѣе табора низама съ двумя горными орудіями, но за то вооруженнаго арнаутскаго ополченія насчитывали болѣе двухъ тысячъ. Въ виду важнаго значенія Куршумлэ для сербовъ и значительныхъ оборонительныхъ сооруженій турокъ, для атаки было назначено 6 баталіоновъ при 10-ти орудіяхъ, которые были двинуты въ трехъ колоннахъ, одновременно съ трехъ разныхъ сторонъ. Лѣвая колонна капитана Стояновича изъ 2-хъ баталіоновъ Чачакской бригады I класса, одной горной батареи и взвода полевой, наступала отъ Прокоплэ вверхъ по лѣвому берегу р. Топлицы и имѣла назначеніемъ, оставя три роты и полевые орудія на позиціи у Туларе и войдя въ связь съ среднею колонною, вмѣстѣ съ послѣднею атаковать Микулянскія высоты. Средняя колонна маіора Живковича, силою въ 2½ баталіона Крушевацкой бригады II класса при 2-хъ горныхъ орудіяхъ, должна была спуститься отъ Янковой-клиссуры, с. Чичуле, къ с. Невадѣ и наступать внизъ по лѣвому берегу р. Топлицы на Микулянскія высоты. Наконецъ правой колоннѣ капитана Павловича было предписано двигаться отъ с. Ватова также къ Невадѣ, слѣдовать далѣе вмѣстѣ съ среднею колон-

ною, у Яковича перейти Топлицу на правый берегъ и атаковать Батиглаву. Предположенное движеніе было, однако, слишкомъ сложно, чтобы сдѣланный расчетъ могъ оказаться вѣрнымъ. Выпавшій наканунѣ снѣгъ завалилъ узкія тропы въ горахъ и настолько затруднилъ движеніе средней и правой колоннъ, что тѣ прибыли къ Невадѣ только въ 5 часовъ по полудни. Тѣмъ временемъ на лѣвую колонну сильно наседали арнауты. Она остановилась въ ожиданіи разъясненія обстановки. Соединившись утромъ 12 декабря, средняя и лѣвая колонны повели атаку Микулянскихъ высотъ. Обстрѣлявъ непріятельскія позиціи артиллерійскимъ огнемъ въ продолженіи полутора часа, сербы густыми стрѣлковыми цѣпами двинулись впередъ, но въ 30 шагахъ отъ непріятеля остановились и повернули назадъ, стремительно преслѣдуемые турками. Появленіе въ критическую минуту свѣжаго Студеницкаго баталіона, поручика Петровича, атаковавшаго противника во флангъ, дало возможность разстроеннымъ частямъ оправиться и задержаться на выгодной позиціи. Опасность миновала. Выдвинутая артиллерія отражала густыя массы непріятеля, который, наконецъ, не выдержалъ и отступилъ.

Съ овладѣніемъ Куршумлэ и съ занятіемъ въ скоромъ времени послѣ этого Лесковца заканчивались активныя предпріятія съ цѣлью внѣшняго охраненія обложенія Ниша. Занятые пространства долины р. Моравы дали богатые продовольственные и фуражные средства и свыше 6-ти-тысячъ мѣстнаго народнаго ополченія, вооруженнаго запасными ружьями и партіями выдвинутого въ горныя ущелья. Около половины декабря телеграфная сѣть достигла съ одной стороны Лесковца, а съ другой—Куршумлэ. Обложеніе крѣпости съ каждымъ днемъ становилось прочнѣе. Работы предмостнаго укрѣп-

ленія у Мрамора были окончены; понтонный мостъ на рѣкѣ Нишавѣ у села Трупала былъ наведенъ; строился мостъ на р. Моравѣ у Чаплинцы для облегченія наблюденія за горными дорогами, единственными путями, оставшимися въ распоряженіи нишскаго гарнизона; войска комплектовались маршевыми резервными частями; рекогносцировки крѣпостныхъ доступовъ становились все смѣлѣе. Части Ибарской дивизіи расположились отъ Куршумлэ до Мрамора, имѣя въ Прокопцѣ оба баталіона болгаро-моравскіе, Іоханичскій въ Лесковцѣ и Кожинскій у Кочана. Рудничская бригада II класса подходила къ Суповцу.

Дунайская дивизія, за отправленіемъ, 9-го числа, Пожаревачской бригады черезъ Громмаду на Бабинуглаву, состояла только изъ одной Враничевской бригады. Примыкая къ Ягодинской бригадѣ, она занимала чрезвычайно растянутое положеніе по горамъ, имѣя въ то же время назначеніе охранять шоссе на Акъ-паланку отъ агрессивныхъ предпріятій нишскаго гарнизона. Съ этою цѣлью на берегу р. Нишавы, въ одной верстѣ отъ дороги, былъ возведенъ редутъ на одинъ баталіонъ и одну бригадную батарею. Кавалерія содержала постоянные разъѣзды по главнымъ направленіямъ. Неблагопріятныя условія расположенія бригады, тяжесть службы и отсутствіе мѣстныхъ средствъ крайне озабочивали Топаловича, одного изъ лучшихъ войсковыхъ начальниковъ.

Не проходило дня, чтобы въ той или другой части сербскаго обложенія не происходило тревоги, не раздавались пушечные и ружейные выстрѣлы. Изъ крѣпости и передовыхъ укрѣпленій Виника поминутно выходили отряды не столько съ серьезными покушеніями противъ сербскихъ позицій, сколько для опредѣленія силы сер-

бовъ и ихъ расположенія. Свѣдѣнія о величинѣ гарнизона, получавшіяся съ разныхъ сторонъ въ главной квартирѣ, сходились на цифрѣ 6—7 тысячъ, въ томъ числѣ около половины въ организованныхъ частяхъ. Кромѣ старыхъ орудій прежнихъ образцовъ, однихъ круповскихъ орудій насчитывали до 50-ти. О духѣ нишскаго гарнизона можно было судить по перехваченному, 11 декабря, донесенію коменданта Халиля-паши, въ которомъ состояніе крѣпости и войскъ представлялось въ мрачныхъ краскахъ.

Несмотря на принятіе всѣхъ мѣръ предосторожности къ изолированію Ниша съ юго-западной стороны, опасенія пагубныхъ послѣдствій отъ возможнаго наступленія Гафиза-паши были тѣмъ не менѣе значительны и основательны, давая поводъ не разъ сожалѣть объ оставленіи слишкомъ большихъ силъ на р. Дринѣ и бездѣятельности Яворскаго корпуса.

На р. Дринѣ, корпусъ генерала Алимпича, около половины декабря, имѣлъ слѣдующее расположеніе. Правое крыло полковника Узуна-Мирковича, изъ 5 баталіоновъ Шабацкой бригады II класса, съ одной легкой батареею ¹⁾ и одною конною сотнею, наблюдало нижнее теченіе рѣки, отъ Янъя до устья. Противъ Зворника и Сребрянницы находилось лѣвое крыло подполковника Джуржича, состоявшее изъ 6 баталіоновъ Подринской бригады, 3 баталіона Вальевской II класса, легкой батареи, 4 горныхъ и 2 двѣнадцати-фунтовыхъ орудій, и конной сотни. Главный резервъ генерала Алимпича, изъ 5 баталіоновъ Шабацкой бригады I класса, 2-хъ Вальевской II класса, при 2-хъ полевыхъ

¹⁾ Смедеревской бригады.

батареяхъ, 4-хъ орудій 12-ти фунтовыхъ, 4-хъ горныхъ, и двухъ конныхъ сотенъ, былъ эшелонированъ отъ Лешницы.

Постоянныя передвиженія боснійскаго ополченія и упорно державшійся слухъ о намѣреніи турокъ переправиться на низовья Дрины и идти прямо на Бѣлградъ приняли въ донесеніи генерала Алимпича реальную форму угрозы, готовящейся къ осуществленію. Перепуганный совѣтъ министровъ въ Бѣлградѣ въ экстренномъ засѣданіи постановилъ: обязать командировъ корпусовъ Яворскаго и Дринскаго взаимно другъ другу помогать, немедленно направить изъ Смедерева на Дрину Колубарскій баталіонъ ¹⁾ Бѣлградской бригады, и военному министру приступить къ мобилизаціи Бѣлградской и Смедеревской резервныхъ бригадъ. Постановленіе это было княземъ отмѣнено. Генералу Алимпичу было сдѣлано серьезное внушеніе, а предсѣдателю совѣта министровъ сообщено о призрачной для Бѣлграда опасности со стороны Дрины. Тѣмъ не менѣе этотъ случай рельефно обрисовалъ возможность безпричинной паники и вредныхъ ея послѣдствій, почему совѣту министровъ въ то же время было предоставлено право, въ случаѣ крайней нужды, мобилизовать резервную дивизію.

Вслѣдъ затѣмъ на Дринѣ наступило такое затишье, что даже Любибратичъ съ добровольцами, усиливавшіе ранѣе Дринскій корпусъ, перешли теперь на высоты Явора.

¹⁾ Колубарскій баталіонъ Бѣлградской бригады былъ направленъ на присоединеніе къ своему корпусу еще 12-го числа. Въ Смедеревѣ оставался другой баталіонъ той же бригады, Врачарскій, получившій теперь также приказаніе войти въ составъ своей бригады.

Яворскій корпусъ дѣйствовалъ двумя отрядами, въ двухъ направленіяхъ: черезъ Яворскій горный хребетъ на Сенницу и долиною р. Рашки на Новый-базаръ. Первый отрядъ занялъ Янковъ-верхъ и Огоріевацъ еще 3-го декабря, а 7-го числа двумя ротами произвелъ удачную рекогносцировку, при чемъ съ боя занялъ арнаутское селеніе Кладницу. Второй отрядъ успѣлъ занять, съ 3-го по 7-е декабря, турецкія позиціи по линіи Кути-Голица-Зминіакъ. Двигаясь затѣмъ впередъ къ долиנѣ рѣчки Джевы, онъ имѣлъ послѣдовательныя стычки 8-го, 12-го, 13-го и 25-го декабря, изъ которыхъ особенно серьезны были дѣла 12-го и 13-го. Въ эти дни рекогносцировку со стороны турокъ производилъ самъ Гафизъ-паша съ 4-мя таборами пѣхоты при двухъ горныхъ орудіяхъ. Затѣмъ и здѣсь наступилъ перерывъ военныхъ дѣйствій, чему не мало способствовала выпавшая въ горахъ масса снѣга.

На лѣвомъ флангѣ Рашкаго отряда, въ горахъ Капоаника и ущельѣ р. Ибара, дѣйствовали добровольцы капитана Милоевича. Смѣлыми нападеніями на турецкіе передовые посты капитанъ Милоевичъ успѣлъ захватить страну до линіи Яринье-Баре и зорко слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что совершалось въ Новомъ-базарѣ и Митровицѣ. Не имѣя орудій, онъ не могъ, однако, развивать съ успѣхомъ свои операціи.

По послѣднимъ полученнымъ свѣдѣніямъ, въ укрѣпленіяхъ боснійскаго тракта оставалось еще не мало организованныхъ частей, хотя и составленныхъ изъ людей редифа и мустахфиза. Въ Сенницѣ было 3 табора, въ Ново-базарѣ и на позиціяхъ Рогозны до 7-ми, въ Митровицѣ и Приштинѣ организовались подходившія ежедневно партіи арнаутскаго ополченія. Самъ Гафизъ-паша 12-го числа былъ въ Ново-базарѣ, оттуда пріѣ-

халь въ Сенницу, гдѣ встрѣтилъ притянутый имъ сюда отрядъ изъ Ново-вароша, 15-го осматриваль позицію Рогозны, а 16-го черезъ Сочаницу вернулся въ Митровицу. Послѣдствіями объѣзда линіи командующаго войсками были передвиженія лучшихъ частей изъ этихъ пунктовъ къ Приштинѣ съ замѣною ихъ на мѣстѣ, преимущественно, ополченіемъ изъ Дибры и Старой Сербіи. Такимъ образомъ все подавало поводъ думать, что въ Приштинѣ формируется отрядъ силою до 10 т. человекъ съ цѣлью освобожденія Ниша отъ обложенія. Хотя, сосредоточенныя въ окрестностяхъ Куршумлэ, сербскія войска, состоявшія изъ 4 баталіоновъ Чачакской бригады I класса, свыше 4 баталіоновъ Крушевацкой бригады II класса, при 2 горныхъ батареяхъ и 4-хъ полевыхъ орудіяхъ, изъ 2 конныхъ сотенъ и роты піонеровъ, имѣли почти ту же численную силу, тѣмъ не менѣе было мало основаній разсчитывать, чтобы они оказались въ состояніи съ успѣхомъ выдержать натискъ турецкихъ войскъ. Къ тому же, лежащая къ югу отъ Куршумлэ, мѣстность представляла много затрудненій къ усиленію ихъ позицій искусственными сооруженіями. Только въ отношеніи артиллеріи сербы несомнѣнно имѣли положительное превосходство, а это обстоятельство, въ особенности при оборонительномъ способѣ дѣйствія, могло имѣть серьезное значеніе.

Отвлечь часть силъ Гафиза-паши могло только энергическое наступленіе Яворскаго корпуса; но, раздѣленные на отряды, силы этого корпуса оказывались недостаточными, чтобы вызвать у турокъ гдѣ-либо серьезное замѣшательство. Глубокій снѣгъ въ горахъ представлялъ по тому же неимовѣрныя препятствія. Приходилось мириться съ предоставленіемъ куршумлійскаго отряда собственной участи и спѣшить съ активными операціями

къ сторонѣ Софіи, чтобы какъ можно скорѣе привлечь лучшія сербскія войска къ крѣпости Нишу. Съ другой стороны можно было разсчитывать на характеръ противника, при которомъ смѣлыя и продолжительныя предпріятія никогда не вязались съ его образомъ дѣйствія. Стремительный съ его стороны ударъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ былъ вполне возможенъ; но понять обстановку и воспользоваться ею безъ потери времени никогда не было его удѣломъ. Вѣрнѣе было предполагать, что даже послѣ одержаннаго успѣха онъ остановится и предпочтетъ составленіе блестящей реляціи, чѣмъ будетъ продолжать смѣлое движеніе впередъ. Все однако зависѣло отъ личныхъ качествъ Гафиза-паши, а онъ пользовался репутаціею способнаго и энергичнаго военначальника.

IX.

Бои у Акъ-паланки и подъ Пиротомъ.

Занятіе Бабиной-главы и перевала св. Николая давало сербской арміи активнаго назначенія важныя внѣшніе опорные пункты для развитія наступательныхъ операцій въ гористой зонѣ къ сторонѣ Софіи. Послѣднія части ея состава должны были подойти къ району его расположенія 11-го декабря, Пожаревацкая бригада на Бабину-главу, Бѣлградская—къ Пандирало, почему на 12-е число было назначено общее наступленіе, какъ для производства главной атаки Акъ-паланки, такъ и демонстративныхъ на Будимъ-дѣль и Нишъ.

Во исполненіе распоряженій главной квартиры, командующій соединенными корпусами, Шумадіи и Тимока, генераль Белимарковичь отдалъ по своему отряду на 12-е число приказъ, въ которомъ, указывая на общую цѣль, по занятіи Акъ-паланки овладѣть Пиротомъ, предписывалъ: 1) колоннѣ изъ Княжевацкаго войска, комбинированной бригады и батальона добровольцевъ, подъ начальствомъ полковника Хорватовича, 12-го декабря, взять съ боя Акъ-паланку и, оставя тамъ Пожаревацкую бригаду, продолжать наступленіе по софійскому шоссе къ Пироту; 2) одновременно съ атакою Акъ-паланки, 2-й Шумадійской дивизіи, подъ начальствомъ полковника Любоміра Іовановича, наступать къ с. Нишору, овладѣть имъ и затѣмъ демонстрировать противъ Будимъ-дела, съ цѣлью задержать турокъ на позиціи и не дать имъ возможности идти на помощь гарнизону Акъ-паланки; 3) дунайской дивизіи наблюдать дорогу изъ Ниша, чтобы не допустить помощи съ этой стороны; 4) переваль св. Николая укрѣпить, обративъ особое вниманіе на путь отъ Бѣлградчика; 5) главному резерву, изъ Бѣлградской бригады ¹⁾, артиллерійскаго полка и коннаго 1-й Шумадійской дивизіи, расположиться на Бабиной-главѣ; 6) всѣмъ начальникамъ наблюдать фланги и высылать патрули, чтобы неожиданное появленіе непріятеля за флангомъ или въ тылу не отразилось вредно на войскахъ въ нравственномъ отношеніи; 7) если предписанное не удастся выполнить въ назначенный день, то исполнить въ слѣдующій; вездѣ окапываться и подавать другъ другу немедленную помощь; 8) Шумадійскому санитарному отдѣленію расположиться у Церкви, а больницы устроить въ Пандирало и Изворѣ; 9) при вступ-

¹⁾ Только 3 баталіона, Колуборскаго и Врачарскаго не было.

леніи войскъ въ Акъ-паланку, соблюдать строй и порядокъ, и охранять казенное имущество; 10) если наступать къ Пироту не придется 12-го числа, то, по соглашенію полковниковъ Хорватовича и Іовановича, наступленіе отложить на 14-е; 11) я буду на Бабиной-главѣ, куда и присылать донесенія.

Удачная рекогносцировка начальника Княжевацкой дивизіи, подполковника Ефрема Марковича, раскрыла силы и расположеніе турокъ и выяснила фортификаціонныя работы, которыми они успѣли усилить свою позицію. Оказалось, что мостъ черезъ р. Нишаву, на дорогѣ съ Бабиной-главы въ Акъ-паланку, прикрытъ предмостнымъ укрѣпленіемъ, вмѣстимостью на баталіонъ; что хотя высоты съ сѣвера подходятъ сюда на разстояніе до 400 сажень и командуютъ противоположнымъ берегомъ рѣки, но онѣ оканчиваются обрывисто, и ближайшіе доступы гладки и совершенно открыты; что на пространствѣ 700—800 сажень, между мостомъ и городомъ, находится еще сплошной окопъ для стрѣлковъ, усиленный воднымъ рукавомъ рѣки; что оборона Акъ-паланки съ этой стороны баталіономъ, расположеннымъ въ предмостномъ укрѣпленіи, такимъ образомъ пріобрѣтаетъ такую силу, сломить которую будетъ весьма затруднительно. Въ то же время рекогносцировка раскрыла, что другой турецкій баталіонъ занималъ позицію на горныхъ скатахъ, при соединеніи дороги изъ Любатовца съ шоссе въ Пиротъ, усиленную двумя открытыми укрѣпленіями и ложементомъ для орудій у кладбища; но что эта позиція легко можетъ быть обойдена движеніемъ по горамъ, нѣсколько выше турецкаго расположенія; что выходъ изъ ущелья со стороны Ниша оборонялся редутомъ на роту и на три орудія; что наконецъ гарнизонъ Акъ-паланки состоялъ изъ 1500—2000 человекъ ана-

толійскаго редиѣа и мустахѣиза при двухъ крупповскихъ орудіяхъ.

На основаніи данныхъ рекогносцировки, полковникъ Хорватовичъ остановился на рѣшеніи нанести главный ударъ со стороны Пирота, съ переходомъ р. Нишавы значительно выше города и съ обходомъ праваго фланга турокъ, и съ этою цѣлью раздѣлилъ свой отрядъ на слѣдующія колонны:

Лѣвая колонна, 4 баталіона Княжевацкой бригады I класса, одинъ баталіонъ комбинированной бригады, одна горная батарея, два орудія полевой и двѣ конныя сотни, подъ начальствомъ маіора Динича, должна была перейти р. Нишаву у с. Любатовца и двигаться по направлению с. Креницы, оставивъ одну роту на переправѣ и выдвинувъ два баталіона на Пиротское шоссе къ с. Тиловцу.

Средняя колонна, 3 баталіона комбинированной бригады при 10-ти полевыхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ капитана Баяловича, должна была демонстрировать противъ предмостнаго укрѣпленія.

Правая колонна, 2 баталіона Княжевацкой бригады II класса и баталіонъ добровольцевъ, подъ начальствомъ капитана Франича, должна была перейти Нишаву у с. Вергудинцы и атаковать лѣвый флангъ турецкаго расположенія, стараясь войти въ связь съ обходною лѣвою колонною ¹⁾.

Самъ Хорватовичъ оставался на высотахъ при средней колоннѣ, а подполковникъ Марковичъ слѣдовалъ при лѣвой. Войска были приближены къ позиціи еще нака-

¹⁾ Сбившись съ пути и наткнувшись на непріятельскіе окопы, эта колонна не успѣла даже переправиться черезъ Нишаву и содѣйствовала весьма слабо достиженію успѣха дня.

нунѣ, ночь провели на открытыхъ бивакахъ безъ огней, и въ 6 часовъ утра 12 декабря двинулись по назначенію. Рѣка мѣстами была покрыта тонкою ледяною корою, мѣстами несла сало. Благодаря энергіи и распорядительности Марковича, часть пѣхоты, съ помощью заблаговременно приготовленныхъ досокъ и фашинъ, вскорѣ была на противоположномъ берегу; остальная часть отряда перешла уже по мосту, весьма искусно устроенному изъ скрѣпленныхъ одна съ другою повозокъ.

Въ восемь часовъ раздались первые выстрѣлы орудій средней колонны.

Поднявшись нѣсколько на отлогіе склоны, стрѣлковая цѣпи лѣвой колонны уже подходили къ расположенію праваго фланга турокъ, когда тѣ, убѣдившись наконецъ въ намѣреніи сербовъ нанести имъ ударъ съ этой стороны, перешли въ наступленіе. Но порывъ, сообщенный войскамъ ихъ доблестнымъ командиромъ, былъ слишкомъ стремителенъ, и потому не могъ быть парализованъ въ нѣсколько разъ слабѣйшимъ противникомъ, хотя и перешедшимъ въ смѣлое наступленіе. Баталіоны Сверлика, Тимока и Черной рѣки, съ двумя конными сотнями, имѣя за собою два другіе баталіона въ резервѣ, быстро двигались впередъ и все болѣе и болѣе охватывали правый флангъ непріятеля. Въ 11 часовъ турецкая позиція у кладбища была ими занята вслѣдъ за отступившимъ противникомъ.

Между тѣмъ полковникъ Хорватовичъ, не довольствуясь результатами артиллерійскаго огня батареи, поставленной близъ с. Букуровца, почти въ двухъ верстахъ отъ предмостнаго укрѣпленія, выдвинулъ одинъ баталіонъ въ долину, другой придвинулъ къ краю обрыва и третій направилъ на мостъ. Поражаемые грана-

тами съ батареи и осыпаемые свинцовымъ дождемъ съ верху, упорные защитники предмостнаго укрѣпленія наконецъ не выдержали и въ исходѣ втораго часа быстро отступили, угрожаемые обходомъ съ тыла.

Преслѣдуемые по пятамъ, обстрѣливаемые артиллеріею и ружейнымъ огнемъ Сверлинскаго баталіона, уже успѣвшаго взобраться на командующія надъ городомъ высоты, турки смѣшались въ общую толпу и, не пытаясь болѣе сопротивляться, бѣжали горными тропами, частью въ Пиротъ, частью во Вранью.

Въ 2^{1/2} часа Хорватовичъ уже пропускалъ мимо себя войска церемоніальнымъ маршемъ на улицахъ Акъ-паланки. Два крѣпостныхъ орудія и два полевыхъ крупновскихъ, 8-мъ зарядныхъ ящиковъ, масса боеваго матеріала и громадныя склады продовольствія и фуража достались побѣдителямъ.

Эта побѣда, хотя и одержанная подавляющимъ численнымъ превосходствомъ, имѣла громадное значеніе для сербскаго народнаго войска. Она не только на дѣлѣ показала возможность бить турокъ, но и предоставила въ распоряженіе сербовъ опорный и продовольственный пунктъ на главномъ пути въ Пиротъ, разобшивъ послѣдній отъ Ниша. Слѣдуя самоотверженному примѣру мужественнаго начальника Княжевацкой дивизіи, люди лѣвой колонны оправились отъ нравственнаго гнета ужаса предъ турками и смѣло шли впередъ, взлѣзая на рукахъ по обледенѣлымъ покатостямъ горъ и легко преодолевая встрѣчавшіяся на пути препятствія. Честь дня принадлежала подполковнику Ефрему Марковичу и баталіону Сверлика I класса. Изъ полутораста чловѣкъ, выбывшихъ у сербовъ изъ строя, 7-мъ были убиты, 44 — ранены и болѣе 90 отморозили себѣ конечности.

Когда я спрашивалъ простыхъ солдатъ, хваля ихъ мужество, какъ они разгромили турокъ, просто-душные сельчане наивно отвѣчали: „Боже мой, какъ же могло быть иначе, когда вездѣ были сербы, направо, налево, всюду сербы; пушки стрѣляютъ сербскія, съ горъ стрѣляютъ сербы, въ долины тоже свои; какъ же не идти впередъ, когда вездѣ такъ много сербовъ“. Нужно было сдѣлать первый шагъ твердо, и дѣло совершенно чисто. Теперь можно было рассчитывать, что слѣдующій успѣхъ достанется съ меньшимъ напряженіемъ силъ.

Общія соображенія условій обстановки на сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій требовали самаго настойчиваго наступленія безъ потери времени ¹⁾, съ одной стороны, чтобы не дать туркамъ опомниться и организовать средства противодѣйствія, а съ другой — чтобы какъ можно скорѣе сосредоточить массу сербскихъ войскъ подъ Нишемъ съ цѣлью успѣшнаго отраженія неминуемаго нападенія корпуса Гафиза-паши. При крайней впечатлительности народнаго войска, все еще сознавалось, что какіе бы успѣхи ни одержали активно дѣйствующіе корпуса, разгромъ остальной части серб-

¹⁾ Въ телеграммѣ нашей главной квартиры, отъ 14 декабря, между прочимъ, значилось: „со стороны Тимока сербскимъ войскамъ далѣе Адліе не подвигаться. Румынамъ приказано немедленно двинуться впередъ и обложить Вѣлградчикъ и Виддинъ. Войскамъ, подошедшимъ къ Акъ-паланкѣ и Пироту, не останавливаться для осадъ, а ограничившись наблюдениемъ, направить войска на Софію. Генералу Арнольди, кавалерія котораго со стороны Чипровца вошла въ связь съ сербами, приказано гусарскій полкъ направить къ Пироту и идти впереди сербовъ къ Софіи, а если проходъ Гинцы будетъ брошенъ, то отъ Берковца направить и другой полкъ кавалеріи прямо на Софію. Если операція къ Софіи удастся, то этимъ дѣйствіямъ сербовъ на востокъ должны ограничиться“.

ской арміи подѣ Нишемъ будетъ для княжества началомъ ряда бѣдствій. На настойчивыя предписанія не терять времени, Белимарковичъ ссылался сначала на усталость войскъ, а потомъ на нежеланіе завязывать боя 13-го числа, какъ несчастнаго по народному суевѣрію. Между тѣмъ шоссе отъ Акъ-паланки къ Пироту проходило такимъ ущельемъ, занятіе котораго даже малыми силами легко могло остановить наступленіе сильнѣйшаго отряда.

Пока войска полковника Хорватовича отдыхали, а съ Бабиной-главы притягивалась въ Акъ-паланку Пожаревацкая бригада съ полевою батареей, въ турецкомъ лагерѣ подѣ Пиротомъ производились передвиженія войскъ. Турки, очевидно, догадывались объ истинномъ положеніи дѣлъ и уже принимали мѣры къ противодействию. Такое положеніе дѣлъ побудило начальника 2-й Шумадійской дивизіи, полковника Іовановича, немедленно атаковать укрѣпленную позицію Будимъ-дела. Его изолированное нападеніе, въ полдень 13-го числа, объясняется исключительно однимъ желаніемъ, приковавъ къ себѣ силы турокъ, обезпечить за отрядомъ полковника Хорватовича свободный доступъ къ Пироту по главному шоссе. Хотя атака полковника Іовановича была сопряжена съ немалою для него опасностью и была съ урономъ отбита, тѣмъ не менѣе она достигла цѣли, содѣйствовавъ Тимочской колоннѣ занять, 14-го числа, расположеніе на одной высотѣ съ Шумадійскою дивизіею.

Но предѣ тѣмъ, чтобы перейти къ изложенію боевыхъ столкновеній подѣ Пиротомъ, необходимо коснуться нѣсколькими штрихами свойствъ мѣстности и расположенія турецкихъ укрѣпленій, какъ къ сѣверу, такъ и западу отъ Пирота.

Оцѣнивая важное значеніе Пирота, какъ соединительнаго узла горныхъ проходовъ съ софійскимъ шоссе, турки занимали этотъ пунктъ 12-ю или 13-ю баталіонами, преимущественно, анатолійскаго редифа и мустафиза, прибывшаго сюда изъ Софіи только за нѣсколько дней до боя, съ 6-ю или 8-ю полевыми орудіями. Главное свое вниманіе они обратили на оборону доступовъ съ сѣвера, такъ какъ предполагали наступленіе сербовъ въ прямомъ направленіи на Пиротъ, и остановились на искусномъ выборѣ мѣстности подъ укрѣпленную позицію по высотамъ Сарлака и Будимъ-дела, на лѣвомъ бѣрегу рѣки Нишавы, и возвышенностямъ Сопота и Нишора — на правомъ. Шоссе на Нишъ они считали достаточно обезпеченнымъ отрядомъ у Акъ-паланки, почему и оставили доступы къ Пироту съ этой стороны безъ всякой обороны, даже не занявъ ущелья, находившагося почти на половинѣ пути къ Акъ-паланкѣ.

Раскрытіе значительныхъ сербскихъ силъ рекогносцировкой, произведенною 6 декабря, къ Бабиной главѣ, нападеніе сербовъ на переваль Св. Николая 7-го числа и появленіе въ тотъ же день ихъ авангарда у с. Темска, нужно думать, еще болѣе утвердили турокъ въ составленномъ предположеніи и подали имъ поводъ главную массу своихъ войскъ расположить на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Тугіе къ быстрому воспріятію указаній обстановки и упорные въ разъ составленномъ мнѣніи, турки были готовы и бой у Акъ-паланки считать отдѣльнымъ эпизодомъ, не вліяющимъ на измѣненіе сербскаго операціоннаго пути, и только тогда рѣшились, съ обычною имъ мѣшковатостью, на передвиженіе части силъ на нишское шоссе, когда бѣглецы изъ Акъ-паланки принесли вѣсть о готовящемся наступленіи по этому пути значительнаго сербскаго отряда. Атака

полковника Іовановича, однако, еще на цѣлыя сутки задержала ихъ на сѣверныхъ позиціяхъ. Только 14-го числа части турецкихъ войскъ передвигаются на нишское шоссе; но они достигаютъ позиціи Суходоль-Блато въ то время, когда ущелье сербами уже было пройдено. Двинутый для занятія командующихъ надъ всею мѣстностью высотъ у с. Кардашницы, таборъ находитъ ихъ занятыми двумя баталіонами подполковника Марковича и принужденъ вернуться обратно.

Генераль Белимарковичъ, прибывъ къ Шумадійской колоннѣ и ознакомившись съ условіями мѣстности и расположенія противника на укрѣпленной позиціи, убѣдился въ бесплодности усилій сломить турокъ фронтальною атаккою и приказалъ на правомъ флангѣ сильно занять Кумановскую высоту, находящуюся напротивъ Будимъ-дела, на противоположномъ берегу Нишавы, а на лѣвомъ—приготовить отрядъ охотниковъ отъ всѣхъ частей, для обхода праваго фланга непріятельской позиціи по горамъ. Озабочиваясь установленіемъ связи между колоннами, разъединенными р. Нишавою и Вѣлавскими возвышенностями, онъ рѣшился главныя усилія Шумадійской дивизіи направить на лѣвый флангъ непріятельской позиціи, для чего назначилъ особый отрядъ изъ 2-хъ баталіоновъ Вѣлградской бригады и полторы сотни конницы, при полевой батарее, подъ начальствомъ, подполковника Магдаленича, который долженъ былъ, перейдя Нишаву выше с. Станичаны, отбросить съ пути противника и войти въ связь съ лѣвымъ флангомъ войскъ полковника Хорватовича. На Кумановской высотѣ Белимарковичъ сосредоточилъ большую часть орудій для обстрѣливанія Будимъ-дела, и расположилъ главный резервъ, всѣмъ же остальнымъ войскамъ приказалъ быть въ готовности къ переходу въ наступленіе,

какъ только обходная колонна достигнетъ успѣха въ своемъ предпріятіи.

Къ вечеру 14-го декабря, корпусъ Хорватовича расположился противъ позиціи турокъ, имѣя на лѣвомъ флангѣ противъ Суходола, 4 баталіона Княжевацкой бригады I класса, горную батарею и два полевыхъ орудія; въ центрѣ, поперекъ шоссе, 2 крайнскіе баталіона комбинированной бригады, баталіонъ добровольцевъ и шесть легкихъ орудій; на правомъ флангѣ, противъ Блато, 2 баталіона Черной рѣки комбинированной бригады, два полевыхъ орудія и двѣ сотни; и въ резервъ—2 баталіона Княжевацкой бригады II класса, на которыхъ одновременно лежало наблюденіе за дорогою изъ Лесковца. Бой 15-го числа начался новою попыткою турокъ овладѣть Бѣлавскими высотами; но выдвинутый съ этою цѣлью таборъ былъ встрѣченъ баталіономъ Сверлика, поддержаннымъ крайнскимъ, Ключа, и опрокинутъ обратно на турецкую позицію, еще съ вечера усиленную стрѣлковыми окопами. Подходившія съ обѣихъ сторонъ подкрѣпленія входили въ боевыя линіи и вскорѣ на всемъ протяженіи фронта завязалась перестрѣлка, сопровождаемая гуломъ орудійныхъ выстрѣловъ. Былъ девятый часъ утра. Находившійся при своихъ княжевацкихъ баталіонахъ, подполковникъ Марковичъ, успѣвшій наканунѣ предупредить турокъ на высотахъ, теперь втащилъ туда артиллерію и, наступая съ позиціи на позицію, уже обстрѣливалъ вдоль расположеніе противника. Баталіонъ добровольцевъ въ центрѣ и правое крыло сербовъ, приблизившись къ неприятелю на нѣсколько сотъ шаговъ, остановились, перестрѣливались, но далѣе впередъ не подвигались.

Въ исходѣ десятаго часа усилилась канонада на сѣверѣ, гдѣ батарея Кумановской высоты покровитель-

ствовала въ это время переправѣ и наступленію колонны Магдаленича. Безъ особыхъ затрудненій перейдя рѣку по быстро наложеннымъ на разставленные телѣги кладнямъ, эта послѣдняя выбила двѣ турецкія роты изъ с. Станичаны и съ боемъ начала взбираться на Бѣлавскія высоты. Въ полдень крайняя правая рота уже вошла въ связь съ лѣвымъ флангомъ Княжевацкихъ баталіоновъ, а за тѣмъ и оба баталіона расположились слѣва на общей позиціи. Уже болѣе двухъ часовъ длился огонь всѣхъ сербскихъ орудій по непріятельскому расположенію, внизу по мосту двигались подкрѣпленія, направленные Белимарковичемъ, минута атаки назрѣвала. Въ третьемъ часу полковникъ Хорватовичъ отдалъ приказъ къ всеобщему наступленію. Послѣ упорнаго сопротивления турки стали отходить въ центрѣ, хотя на флангахъ еще держались въ занятыхъ позиціяхъ. Стало темнѣть.

Подавляющее численное превосходство сербовъ и занятіе ими высотъ, командующихъ надъ самымъ Пиротомъ, принудили турокъ къ отступленію. Пользуясь ночью темнотою, они безъ шума очистили свои позиціи, не возбудивъ ни малѣйшаго подозрѣнія, и потянулись по софійскому шоссе. Только взрывъ цитадели, произведенный въ 8 часовъ утра ихъ арріергардомъ, привлечь къ себѣ вниманіе и заставилъ убѣдиться въ оставленіи города непріателемъ безъ боя.

Въ 11-ть часовъ утра 16-го декабря, сербскіе корпуса, вступивъ въ городъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, встрѣтились другъ съ другомъ на центральной площади Пирота, привѣтствуемые восторженными криками народонаселенія.

Трофеями побѣды были: 28 орудій, въ томъ числѣ два крупновскихъ и два стальныхъ, около тысячи пяти-

сотъ ружей различныхъ системъ, свыше тысячи ящичковъ патроновъ, триста ящичковъ съ крупновскими гранатами, до ста тысячъ пудовъ всякаго рода продовольствія, около 200 человекъ плѣнныхъ и госпиталь на двѣсти кроватей. Подъ Пиротомъ сербы потеряли: 110 убитыми и 583 ранеными.

Бои у Акъ-паланки и подъ Пиротомъ оказали несомнѣнное и немаловажное содѣйствіе отряду генерала Гурко. Оттянувъ на себя значительную часть арміи Мегемета-паши, сербскія войска, продолжая наступать, связали еще софійскій турецкій резервъ и тѣмъ облегчили корпусу Гурко перейти Балканы. 16-го декабря былъ занятъ Пиротъ, а 17-го числа главные наши отряды спустились съ Балканъ. *Долгъ справедливости требуетъ признать за сербами ту заслугу, что они не выжидали перехода Балканъ нашими войсками, но напротивъ добровольно шли сами впередъ безъ задней мысли, стараясь быть полезными союзниками, насколько могли. Если принять въ соображеніе ихъ слабую военную организацію и крайнюю измѣнчивость настроенія духа, то нельзя не оценить по достоинству ихъ смѣлаго наступленія съ оставленіемъ въ тылу большой крѣпости.* Во всякомъ случаѣ все, что было имъ поставлено задачею, было выполнено ими полностью и во-время. Августѣйшій Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ, поздравляя князя Милана со взятіемъ Пирота, выразилъ ему благодарность за точное исполненіе его предначертаній. Въ то же время Его Императорскимъ Высочествомъ былъ посланъ ординарецъ, поручикъ Хвощинскій, съ 150-ю крестами Св. Георгія для раздачи по усмотрѣнію князя достойнѣйшимъ нижнимъ чинамъ, и было предложено представить списокъ наиболѣе отличившихся сербскихъ офицеровъ.

Развитіе одержаннаго успѣха на главномъ операціонномъ пути вызывало дальнѣйшее наступленіе къ сторонѣ Софіи; въ то же время благоразумная осторожность не позволяла забывать надвигавшейся угрозы для войскъ, облежавшихъ Нишъ, наступающаго отъ Приштины Гафиза-паши. Казалось, такое положеніе дѣлъ должно было вызвать распоряженіе о немедленномъ присоединеніи отряда полковника Здравковича къ войскамъ ли у Ниша, или къ корпусамъ генерала Белимарковича, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшія операціи въ западной части Придунайской Болгаріи, занятіе страны, обложеніе Виддина и овладѣніе Бѣлградчикомъ возлагались на обязанность румынскихъ войскъ. Но князь Миланъ съ необыкновеннымъ упорствомъ держался своего первоначальнаго намѣренія — захватить возможно большее пространство территоріи и воспользоваться ея средствами, почему приказалъ, 18-го декабря, Здравковичу съ 9-ю баталіонами, 2-мя батареями, конною сотнею и двумя піонерными ротами, вопреки требованіямъ обстановки и указаніямъ нашей главной квартиры, двигаться къ Бѣлградчику и стараться имъ овладѣть.

При такомъ положеніи дѣлъ, грозившемъ неблагоприятными послѣдствіями, было необходимо безотлагательно распорядиться возвращеніемъ къ Нишу войскъ генерала Белимарковича, подчиненіемъ Здравковича своему корпусному командиру полковнику Хорватовичу и принятіемъ соотвѣтственныхъ мѣръ подъ Нишемъ.

19 декабря приказано: Полковнику Хорватовичу въ Пиротѣ принять командованіе всѣми войсками, расположенными отъ Акъ-паланки, Бабиной-главы и перевала св. Николая до передовыхъ позицій по Софійскому шоссе, Берковацкому перевалу и дорогѣ на Трнъ. Ему подчиняется отрядъ полковника Здравковича, въ 11 баталіо-

новъ, 2 полевыхъ батареи, одну легкую, двѣ сотни и три піонерныя роты ¹⁾, отъ котораго предоставляется право притягивать къ себѣ столько войскъ, сколько потребуется обстоятельствами. Генералу Белимарковичу идти на Нишъ. Отъ Кушинской рѣки слѣдовать черезъ Денска и Барбатову на Кучевице, выдвигая Бѣлградскую бригаду на соединеніе съ полковникомъ Бучевичемъ. На рѣкѣ Нишавѣ у с. Бани строить мостъ для установленія и обезпеченія связи съ полковникомъ Топаловичемъ. Полковнику Бучевичу съ Смедеровскою бригадою и однимъ баталіономъ Бѣлградской перейти р. Мораву по Чечинскому мосту и наступать черезъ с. Чаплинцы на укрѣпленія Горицы. Полковнику Лѣшанину выдвинуться отъ Мрамора на Чокоть и Дол. Меджурово, не теряя связи на флангахъ.

Х.

Бои у Куршумлэ и вокругъ Ниша.

Извѣстія, получавшіяся въ главной квартирѣ о передвиженіяхъ турецкихъ войскъ въ Ново-Базарскомъ санджакѣ, все болѣе и болѣе обнаруживали намѣреніе Гафиза-паши идти на освобожденіе Ниша. 17-го декабря Николичъ донесъ о выступленіи двухъ таборовъ изъ Сеницы на Митровицу. Отъ Милоевича было получено нѣсколько донесеній о послѣдовательномъ направленіи частей Ново-Базарскаго гарнизона къ Приштинѣ. 18-го

¹⁾ Прежній составъ отряда при его растяженіи въ Адліе и Зайчарѣ.

числа, телеграфировалъ онъ, ушелъ послѣдній таборъ мустахфиза, 20-го вслѣдъ за нимъ двинулись еще 6 ротъ баши-бузуковъ съ 4-мя орудіями, а на слѣдующій день болѣе тысячи человѣкъ арнаутскаго ополченія съ 8-ю орудіями. Въ то же время на столбпахъ „Politische Correspondentz“ появилось извѣстіе, что на Коссовскомъ полѣ сосредоточено 24 табора мустахфиза, по 600 человѣкъ въ каждомъ, 6 эскадроновъ, 850 коней транспорта и до 12-ти тысячъ баши-бузуковъ. По свѣдѣніямъ Милоевича, у Гафиза-паши было около 8-ми тысячъ человѣкъ, въ Ново-Базарѣ же волненіе, общающее, при движеніи сербовъ впередъ, занятіе крѣпости безъ боя.

Князь волновался и требовалъ отъ войскъ, расположенныхъ на Яворѣ и Рашкѣ, энергическаго наступленія. „Какъ позволяете вы уходить туркамъ“, писалъ онъ, 17-го числа, въ своей депешѣ полковнику Николичу. „Дѣйствуйте, вы ничего не дѣлаете, когда турокъ предъ вами нѣтъ“. Собиравшаяся гроза не помѣшала ему, однако, какъ выше было приведено, не только приказать Здравковичу, 18-го числа, идти къ Бѣлградчику съ цѣлью овладѣнія имъ, но и повторить отданное приказаніе въ самой настойчивой формѣ. „Оставьте сколько нужно въ Кулѣ для обороны края и идите къ Бѣлградчику“, телеграфировалъ князь, 21-го декабря, прямо полковнику Здравковичу. „Менѣе переписки, болѣе энергіи. Въ послѣдней залогъ успѣха“.

Хотя приказаніями, данными 19-го числа, и принимались мѣры къ обезпеченію обложенія возвращеніемъ Белимарковича; но нападеніе Гафиза-паши могло легко случиться ранѣе его прибытія. Было необходимо поэтому организовать противодѣйствіе на мѣстѣ, имѣвшимися подъ руками средствами. Съ этою цѣлью командиръ Моравскаго корпуса предлагалъ усилить юго-западный фронтъ

обложёнія переводомъ сюда части войскъ съ сѣвера, гдѣ оставить временно противъ Виника двѣ бригады, Браничевскую и Ягодинскую, съ двумя полевыми батареями и позиціонными орудіями; но князь отвергъ это предложеніе, опасаясь за безопасность предѣловъ княжества. На предложеніе просить князя Николая Черногорскаго произвести диверсію въ Ново-Базарскій санджакъ, князь отвѣчалъ, что хотя онъ и не имѣетъ повода быть недовольнымъ цетинскимъ правительствомъ, тѣмъ не менѣе никогда не обратится къ князю Николаю съ просьбою, не желая ему обязываться.

Между тѣмъ ни отъ Белимарковича, ни отъ Здравковича не было никакихъ извѣстій о выполненіи данныхъ имъ приказаній. 21-го декабря, повторяя свое распоряженіе Белимарковичу, князь добавлялъ: „который день отъ васъ нѣтъ извѣстій о выполненіи движенія къ Нишу. Укрѣпленіе Горицы теперь взять легко, но съ каждымъ потеряннымъ днемъ становится все труднѣе“. Здравковичъ сообщалъ о сильномъ возбужденіи населенія, при одномъ слухѣ о выступленіи войскъ изъ Краины. Приходилось терять время въ объясненіяхъ, что наступленіе есть лучший способъ защиты страны. Тѣмъ не менѣе онъ не рѣшался оставить Адліе, гдѣ въ своемъ распоряженіи удерживалъ 5 баталіоновъ, при 12 орудіяхъ и 2-хъ піонерныхъ ротахъ, а къ Бѣлградчику направилъ, на 24-е декабря, только 7 баталіоновъ при 10 орудіяхъ и 2-хъ ротахъ піонеровъ.

22-го декабря получается донесеніе отъ Белимарковича о приказаніи Цожаревацкой бригадѣ занять позицію у Кутины и о прибытіи частей Шумадійскаго корпуса къ Нишу вечеромъ 23-го числа. Вслѣдствіе сего, немедленно дѣлается распоряженіе о наступленіи полковника Бучевича съ Смедеревскою бригадою и Колубарскимъ бата-

ліономъ, 23-го числа къ Суповцу, а на слѣдующій день на Чаплинскій мостъ.

На утро получено извѣстіе отъ Милоевича о выступленіи 21-го числа Гафиза изъ Приштины на Нишъ.

Учащенные вылазки въ послѣднее время изъ крѣпости, въ особеннности же двѣ, одновременно произведенныя 22-го числа, на возвышенности Хума и въ направленіи къ Лесковцу, давали поводъ также предполагать о полученномъ въ Нишѣ извѣстіи о наступленіи Гафиза-паши.

23-го декабря получается рапортъ генеральнаго штаба подполковника Велимировича, посланнаго для рекогносцировки Топлицкой долины и доступовъ къ Куршумлѣ, о исполнѣ удобныхъ для движенія артиллеріи двухъ путяхъ черезъ Преполцкій перевалъ, о пресѣченіи всякаго сообщенія черезъ Копанникъ, объ окончаніи укрѣпленій у Туларе и о слишкомъ большой разбросанности отряда, въ 10½ баталіоновъ при 14-ти орудіяхъ, на громадномъ пространствѣ отъ Куршумлійскихъ позицій до Прокоплѣ включительно, обусловленной впрочемъ внезапными нападеными съ горъ партій арнаутовъ. Эти важныя свѣдѣнія, указывавшія на слабость отряда у Куршумлѣ и отсутствіе препятствій для наступленія турокъ отъ Подуева, казалось, должны были вызвать спѣшное сосредоточеніе у Куршумлѣ болѣе значительныхъ силъ; но полученное на слѣдующій день извѣстіе о занятіи генераль-адъютантомъ Турко Софіи отвлекло мысли сербскаго вожда отъ назрѣвшей опасности и дало имъ другое направленіе.

Пораженіе арміи Мегемета-паши и овладѣніе союзными войсками Пирота и Софіи, сомкнувъ фланги, взаимно упрочило ихъ положеніе въ этой части театра военныхъ дѣйствій и давала возможность къ развитію опе-

рацій въ новомъ направленіи, для окончательнаго истребленія остатковъ турецкихъ войскъ, отброшенныхъ отъ Софіи частью на Татаръ-Базарджикъ, частью на Кюстендиль и Джумаю. 25-го декабря князь Миланъ писалъ генералу Гурко ¹⁾: „Въ предположеніи отступленія вытѣсненныхъ изъ Софіи турокъ на Скопле для соединенія съ Гафизомъ-пашей, силы котораго сосредоточены на линіи Подуево-Приштина, съ цѣлью прикрытія желѣзно-дорожной линіи, предлагаю Вашему Превосходительству, дѣйствуя въ связи, уничтожить турокъ. Я сосредоточиваю главную массу сербовъ въ долинахъ Топлицы и Моравы, чтобы направить ее въ тылъ Гафиза при его движеніи противъ васъ, и прошу сдѣлать то же самое при нападеніи турокъ на мои войска. Хорватовичу приказано двигаться отъ Трна на Вранью на одной высотѣ съ колонною войскъ Вашего Превосходительства, въ случаѣ направленія таковой черезъ Радоміръ и Кюстендиль на Куманово“. Сдѣланное предложеніе оказалось въ полной гармоніи съ желаніемъ нашей главной квартиры, изложеннымъ въ полученной въ тотъ же день телеграммѣ отъ 24-го декабря ²⁾.

¹⁾ «A son Excellence le général Gourko.

En supposant que les Turcs chassés de Sophia se retireront sur Skoplé, pour s'unir avec Hafiz, dont les forces sont concentrées à Podouewo-Pristina et couvrir le chemin de fer, je propose à V. E. en agissant d'accort, d'exterminer l'ennemi. Je concentre la masse principale de mes troupes dans les vallées de la Toplitza et de la Morava, afin de les diriger sur les derrières de Hafis, dans le cas s'il entreprend un mouvement contre vous. De mon côté je vous prie d'agir de même s'il y a attaque contre mes troupes. Horvatovitsch a reçu l'ordre de marcher de Trn sur Vranja à la même hauteur avec la colonne des troupes à V. E. en cas qu'elle avancera par Radomir et Kestendil sur Koumanova»,

²⁾ «Великій князь желаетъ, чтобы сербскія войска, по вступленіи въ связь съ Гурко и оставивъ по соглашенію съ нимъ отрядъ для за-

Подъ вліяніемъ быстро достигнутого и неожиданнаго полнаго успѣха на главномъ операціонномъ пути, князь считалъ, повидимому, всякую опасность со стороны Приштины теперь совершенно устраненною, быть можетъ, съ одной стороны, никогда и не сознавая ее въ достаточной степени, а съ другой---вслѣдствіе продолжительнаго бездѣйствія Гафиза-паши и однообразнаго повторенія донесеній о его готовности къ наступленію.

Вечеромъ 23-го декабря Милоевичъ донесъ, что турки свернули на Лесковацъ и что при отрядѣ имѣется 8-мь крупновскихъ орудій и 8-мь старой конструкціи. Спѣшно предписано Беницкому съ 2—3 баталіонами произвести усиленную рекогносцировку къ сторонѣ Подуева съ цѣлью раскрытія силъ и расположенія турецкихъ войскъ, или направленія ихъ движенія.

25-го числа, въ 11-ть часовъ утра, Беницкій выступаетъ съ 4-мя баталіонами Чачакской бригады I класса и 3-мя горными орудіями, по тремъ дорогамъ, вдоль Банской и Косанической рѣчкамъ и горной тропой между ними, имѣя въ каждой колоннѣ и резервъ по баталіону. Наткнувшись на непріятеля во второмъ часу дня среднею колонной, сербы, въ теченіе почти трехъ часовъ, усиливаются сбить противника съ позиціи двоекратнымъ переходомъ въ наступленіе; но, не поддержанные во-время своимъ резервомъ, принуждаются каждый разъ отходить назадъ. Тѣмъ временемъ турки

нтія Софіи, преслѣдовали турокъ, отступившихъ на Кюстендилъ. Цѣль дальнѣйшихъ движеній сербовъ должна быть: очистить всю занятую Болгарію и стараться перерѣзать желѣзную дорогу въ Ускюбъ и Митровицѣ. Затѣмъ они перейдутъ къ исполненію своего плана въ Старой Сербіи, но должно избѣгать дѣйствовать въ Босніи и Герцеговинѣ, о чемъ князь уже предупрежденъ канцлеромъ».

успѣваютъ придвинуть къ мѣсту боя значительныя силы, съ которыми наконецъ разомъ переходятъ въ наступленіе и съ большимъ урономъ отбрасываютъ сербовъ къ Куршумлѣ. Недовольный дѣйствіями Беницкаго, князь замѣщаетъ его Прапорчевичемъ, который вступилъ въ командованіе отрядомъ утромъ 26-го числа, т. е. предъ самую аттакою противника.

Между тѣмъ подъ Нишемъ совершалось полное обложеніе. Шумадійскія дивизіи вошли между собою въ связь. Къ 2-му декабря сербскія войска, облежавшія Нишъ, были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ.

Баталіонъ Крушевацкой бригады I класса занималъ предмостное укрѣпленіе у Мрамора, другой — с. Чокоть и Меджурово, для содѣйствія I-й Шумадійской дивизіи, третій въ самомъ Мраморѣ; Рудничская бригада II-го класса была расположена въ окрестностяхъ послѣдняго.

Чупрійская бригада занимала Лалинцы, Трупало и Вертиште съ аванпостами у Поповца; Алексинацкая и Ягодинская бригада съ 3-мя полевыми батареями и 1-ю горною, занимали позиціи по высотамъ Чамурлу и Хума противъ Виника.

Браничевская бригада находилась на позиціи противъ Виника отъ Бресницы черезъ Каменицу и Матвѣевцы до рѣки Нишавы.

Пожаревацкая и Крагуевацкія бригады находились, преимущественно, на позиціи Вуче-дела, отъ Барботавца до Врзи-брода. Рудничская I класса въ общемъ резервѣ у Бани.

Вѣлградская ¹⁾ и Смедеровская бригады развертывались отъ Вѣлотинцы на Княжину къ Барботовцу.

¹⁾ 6 ротъ Вѣлградской бригады, баталіонъ Пожаревацкой, съ одною горною батареею, были направлены, 22 числа, отъ Пироа на Власотинцы и потому не могли принять участія въ бояхъ подъ Нишемъ.

Произведенныя начальниками отрядовъ, рекогносцировки непріятельскихъ позицій выяснили, что укрѣпленія наибольшей силы прикрываютъ крѣпость Нишъ съ сѣвера и съ запада. Форты возвышенности Виника, въ особенности же фортъ „Митхадъ-паша“, и по своему расположенію, и по силѣ гарнизоновъ и артиллеріи, представляли такія затрудненія для атаки, побороть которыя можно было бы только съ осадными орудіями. Самый городъ находился на лѣвомъ берегу Нишавы, на правомъ же расположена сильная цитадель. Укрѣпленіе „Абди-паша“, командуемое дорогами отъ Мрамора и Лесковца, расположено весьма выгодно на холмѣ Бубанѣ и имѣло сильную поддержку съ фронтовъ Ниша и цитадели. Доступы-же къ крѣпости съ юга и востока облегчались условіями горной мѣстности, не допускавшей взаимной обороны и оканчивавшейся къ сторонѣ города крутыми обрывами. Мѣстность здѣсь обороняется наскоро возведенными укрѣпленіями на высотахъ Горицы и Габровца. Связью между укрѣпленіями Горицы и фортомъ „Абди-паша“ служило укрѣпленіе Маркова-кала.

25-го декабря, почти на всѣхъ пунктахъ обложенія было произведено наступленіе, частью для занятія болѣе выгоднаго расположенія, частью для прикрытія и облегченія развертыванія Шумадійскихъ отрядовъ. Такъ было занято с. Поповацъ для устройства близъ него батареи, и приближено обложеніе къ Бубани для насыпки ложемента противъ Абди-паши. Всѣ остальные бригады также маневрировали если не съ цѣлью занятія болѣе удобныхъ позицій, то чтобы развлечь вниманіе противника. Еще наканунѣ полковникъ Лѣшанинъ сдѣлалъ попытку къ склоненію коменданта Ниша къ сдачѣ крѣпости безъ боя, поручивъ плѣнному агѣ передать о полномъ обложеніи сербскими войсками и о безвыходномъ

такимъ образомъ положеніи нишскаго гарнизона. Отвѣта не было. Между тѣмъ канонада, доносившаяся со стороны Куршумлэ, возбуждала тревогу и заставляла спѣшить съ развязкою дѣла у Ниша.

26-е число было назначено для занятія частями Шумадійскаго корпуса ближайшихъ къ крѣпости позицій и для присоединенія къ 1-й дивизіи ея артиллеріи, до сихъ поръ дѣйствовавшей со 2-ю дивизіею. Еще въ 4 часа утра Бучевичъ выдвинулъ Ясеницкій баталіонъ, направивъ двѣ его роты въ направленіи на Маркову-калу, и двѣ роты лѣвѣе, на сел. Дюрлинъ и виноградники, занятые передовыми постами турокъ. Наступленіе было произведено такъ быстро и неожиданно для непріятеля, что онъ не только очистилъ виноградники, но и удалился изъ Маркова-калы безъ сопротивленія. Пользуясь первымъ успѣхомъ, Бучевичъ, въ 9-ть часовъ, направилъ въ боевую линію сразу три баталіона, Колубарскій на Маркову-калу, Орашья на лѣвый флангъ и Дунайскій между ними. Хотя атака на Горицу и не удалась, но за то всѣ усилія турокъ къ отнятію своихъ передовыхъ позицій оказались тщетными. Къ вечеру на позиціи Бучевича уже была расположена батарея изъ 10-ти орудій, а правый флангъ усиленъ направленнымъ сюда Белимарковичемъ Гродzkимъ баталіономъ. Габровацъ громила батарея въ 10-ть орудій.

Чтобы не дать возможности нишскому гарнизону сосредоточиться на южныхъ фронтахъ, слѣдовало держать подъ ударомъ укрѣпленіе Виника. Съ этою цѣлью сѣверныя батареи уже съ 8-ми часовъ утра открыли огонь по непріятельскимъ фронтамъ; а въ полдень подозрительное затишье на позиціи противника побудило Топаловича перейти въ наступленіе. Предупредивъ командира Ягодинской бригады объ атакѣ, Топаловичъ

направиль 1½ баталіона своей Браничевской бригады на „Митхадъ-пашу“, 2 роты оставиль въ резервѣ, 2 баталіона двинуль на ретраншементъ съ кулой (блок-гаузомъ) и 1 баталіонъ противъ верхняго укрѣпленія. Наибольшаго успѣха достигла штурмовая колонна Митхада, занявъ ближайшіе къ укрѣпленію стрѣлковые рвы; но за то на ея долю выпали и самыя чувствительныя потери. Въ короткое время свыше ста человекъ были выбиты изъ строя. Топаловичъ отказывается отъ дальнѣйшаго наступленія, убѣдившись въ присутствіи не менѣе 500 человекъ гарнизона на Митхадъ и около тысячи человекъ на другихъ укрѣпленіяхъ Виника.

Успѣхъ дня былъ несомнѣнный. На южныхъ высотахъ сербамъ оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы, занявъ Горицу и Габровацъ, встать на позицію по обрывистой окраинѣ террасы, командовавшей надъ городомъ. Ночью 1-я Шумадійская дивизія успѣваетъ получить всю свою артиллерію; батарея у Маркова-калы достигаетъ силы 28-ми орудій; сюда же на утро подходятъ три баталіона Крагуевацкой бригады. Средства для окончательнаго пораженія готовы: артиллерія чтобы сломить сопротивленіе противника, пѣхота чтобы счистить его съ позиціи. Въ эту рѣшительную минуту получается извѣстіе о полномъ пораженіи Куршумлійскаго отряда и о безпрепятственномъ, такимъ образомъ, наступленіи Гафиза-паши.

Отброшенные съ урономъ на Куршумлѣ, части Ибарской дивизіи, входившія въ составъ Куршумлійскаго отряда, провели ночь на 26-е декабря подъ гнетомъ испытаннаго наканунѣ пораженія. Вступившій на утро въ командованіе отрядомъ, подполковникъ Прапорчевичъ старался отдать себѣ отчетъ въ своемъ трудномъ положеніи, объѣзжая расположеніе войскъ, когда, около по-

лудня, турки быстрымъ натискомъ сбросили съ высотъ Самакова и Бѣлой-главы сербскіе аванпосты. Не давая опомниться, турецкія волнующіяся линіи стрѣлковыхъ цѣпей поползли съ высотъ, имѣя за собою густыя массы резервовъ. Представившаяся сербамъ картина наступленія непріятеля произвела на нихъ такое ошеломляющее дѣйствіе, что они не выдержали и до удара стали поспѣшно отходить. Довольно было перваго проявленія паники, чтобы въ короткое время всѣ сербскія войска были уже объаты безотчетнымъ ужасомъ. Все побѣжало. Напрасно, приблизившіяся на близкую дистанцію, турецкія массы представляли удобный случай ихъ разстрѣлать многочисленнымъ сербскимъ орудіямъ. Артиллерія спасалась безъ выстрѣла, опережая пѣхоту. Два турецкихъ эскадрона безпощадно сѣкли бѣглецовъ, пока было свѣтло. Съ величайшимъ трудомъ сербскимъ офицерамъ удалось собрать большую часть разсыпавшихся людей за Дорчаномъ и Барловымъ. Другая часть спасалась горами, бросая по дорогѣ ружья, патроны, палатки и другое снаряженіе. Были люди, бѣжавшіе на Янкову клиссуру и вернувшіеся къ своимъ частямъ на 5-й и на 6-й день.

Какъ ни была сербская главная квартира подготовлена къ возможности пораженія куршумлійскаго отряда, тѣмъ не менѣе печальная вѣсть произвела удручающее впечатлѣніе. Было рѣшено направить въ долину Топлицы противъ Гафиза-паши весь Шумадійскій корпусъ, съ замѣною его на позиціяхъ подъ Нишемъ Тимочскимъ. Вслѣдствіе этого, 27-го числа, было приказано Велимарковичу направлять безъ задержки части его корпуса на Прокоплѣ, немедленно по смѣнѣ ихъ эшелонами войскъ Хорватовича, которому вмѣстѣ съ тѣмъ предписано двигаться къ Нишу форсированнымъ маршемъ, оставивъ въ Трнѣ, Пиротѣ и Акъ-паланкѣ соотвѣт-

ственной силы гарнизона. Здравковичъ долженъ былъ спѣшить съ свободными силами къ Акъ-паланкѣ, гдѣ войти въ составъ Тимочскаго корпуса. Отъ Власотинцевъ вызваны части Бѣлградской бригады. Сдѣлано распоряженіе о мобилизаціи Ягодинской и Чупрійской бригадъ II-го класса. Изъ Яворскаго корпуса 3 баталіона Вальевской бригады передвинуты въ Крушевацъ.

Все эти мѣры свидѣтельствовали только о крайней впечатлительности князя и мало соотвѣтствовали обстановкѣ, такъ какъ осуществленіе ихъ могло произойти позднѣе наступленія Гафиза. По примѣрамъ, уже бывшимъ въ настоящую кампанію подъ Акъ-паланкою и Пиротомъ, слѣдовало и въ долинѣ Топлицы сосредоточить въ свое время отрядъ для противодѣйствія Гафизу-пашѣ значительно большей силы. Многочисленный отрядъ Здравковича бездѣйствовалъ, а между тѣмъ отъ него легко можно было бы взять не менѣе десяти баталіоновъ, которые дали бы возможность выдвинуть къ сторонѣ Куршумлѣ Шумадійскую дивизію въ полномъ составѣ, или, принявъ предложеніе Лѣшанина, сосредоточить тамъ почти весь Моравскій корпусъ. Затѣмъ преградить наступленіе Гафиза слѣдовало не въ Куршумлѣ на позиціяхъ, мало удобныхъ для упорнаго сопротивленія, а на болѣе выгодной и уже укрѣпленной позиціи у Туларе.

Немедленно и потому дѣйствительною помощью подполковнику Пропорчевичу служили исключительно четыре баталіона, два Крушевацкой бригады и два Алексинацкой, съ одною полевою батареею, направленные къ нему Лѣшанинымъ тотчасъ по полученіи извѣстія о пораженіи. Впрочемъ слѣдовало ожидать, что побѣдитель займется составленіемъ побѣдныхъ реляцій и не будетъ торопиться извлечь изъ своей побѣды вы-

годы; почему много данныхъ было расчитывать успѣть овладѣть крѣпостью Нишемъ до появленія Гафиза. Уже второй ординарецъ возвращался отъ Прапорчевича съ извѣстіемъ, что Гафизъ стоитъ болѣе сутокъ на мѣстѣ и не замѣчается въ его отрядѣ признаковъ приготовленій къ наступленію. Это обстоятельство значительно успокоило князя и дало возможность вновь привлечь его вниманіе къ Нишу, тѣмъ съ болѣею легкостью, что Лѣшанинъ въ то же время доносилъ о прибытіи къ нему изъ крѣпости парламентаревъ.

Успѣшный бой подъ Нишемъ 26-го числа на столько повліялъ на духъ нишскаго гарнизона, что комендантъ рѣшился на переговоры и предложилъ перемиріе, хотя бы на 24-е часа. Полковникъ Лѣшанинъ, справедливо допуская у турокъ желаніе подъ благовиднымъ предлогомъ только выиграть время, отвергъ предложеніе и съ своей стороны предъявилъ главныя условія капитуляціи, на основаніи которыхъ турецкимъ войскамъ, по сдачѣ оружія, предоставлялся свободный выходъ изъ крѣпости, а населенію гарантировалась безопасность и сохраненіе частнаго имущества съ правомъ свободного выселенія. Къ вечеру 27-го числа проектъ капитуляціи былъ готовъ и ночью отосланъ въ Нишъ, съ предвареніемъ, что, если на утро не появится на укрѣпленіяхъ бѣлаго флага въ знакъ сдачи, будетъ приступлено къ бомбардированію города и крѣпости. Въ боевомъ отношеніи день былъ потерянъ, но прибывшій вечеромъ ординарецъ вновь привезъ извѣстіе о бездѣйствіи Гафиза-паши.

Наступившее утро 28-го числа освѣтило непріятельскія укрѣпленія безъ бѣлаго флага. Одумавшіеся за ночь паши вскорѣ прислали съ новымъ предложеніемъ о сдачѣ крѣпости съ непремѣннымъ условіемъ свободного

выступленія гарнизона съ оружіемъ. Такого предложенія принять было нельзя. Оставалось принудить турокъ къ безусловной сдачѣ силою оружія. Но, пока шли переговоры, время проходило, и только около 3-хъ часовъ пополудни былъ открытъ огонь со всѣхъ батарей обложенья. Въ 5-ть часовъ колонна изъ 4-хъ баталіоновъ, 3-хъ Крагуевацкой бригады и 1-го—Смедеровской, двинулась съ музыкой и развернутыми знаменами отъ Марковой-калы на штурмъ главнаго Горицкаго укрѣпленія; въ связи съ той колонной отъ дюрлинскихъ виноградниковъ наступала другая изъ 3-хъ баталіоновъ, 2-хъ Смедеровской бригады и 1-го Вѣлградской ¹⁾ съ цѣлю отвлеченія силъ противника отъ главной атаки. Одновременно съ тѣмъ Рудничская бригада I класса, имѣя за собою Пожаревацкую, была направлена противъ укрѣпленія на Грабовцѣ. Стихшій было огонь съ Горицкаго укрѣпленія, при приближеніи штурмовой колонны, вновь достигаетъ такой силы и мѣткости, что атакующіе принуждены остановиться, а за тѣмъ и отойти назадъ. Вновь и вновь повторенныя атаки имѣютъ тотъ же результатъ, когда быстро наступившія сумерки все болѣе и болѣе застилаютъ поле сраженія ночьюю мглою. Расположеніе стрѣлковыхъ цѣпей уже обозначается огненными змѣйками не прерывающейся перестрѣлки. Прибывшій изъ резерва, свѣжій баталіонъ Груи вводится въ боевыя линіи; еще разъ раздается по фронту сигналъ наступленія; наносится новый ударъ, и укрѣпленія въ рукахъ сербовъ. Почти въ то же время усилія Рудничской и Пожаревацкой бригадъ увѣнчиваются успѣхомъ. Послѣднія и главнѣйшія турецкія укрѣпленія,

¹⁾ Почти два баталіона этой бригады, бывшіе у Власстинцевъ, на позицію еще не прибыли.

обороняющія доступы къ Нишу, взяты; внизу рисуются неясныя очертанія городскихъ строеній.

Вечеромъ новый ординарецъ привезъ извѣстіе о все еще продолжающемся бездѣйствіи Гафиза. Но теперь онъ не былъ страшенъ. Опасность миновала. Завтра, такъ или иначе, крѣпость будетъ въ рукахъ сербовъ.

XI.

Капитуляція Ниша.

29-го декабря въ 7-мъ часовъ утра, турецкій парламентаръ доставилъ полковнику Лѣшанину капитуляцію о сдачѣ Ниша, составленную еще 7-го числа, но подписанную только ночью съ 28-го на 29-е, нижеслѣдующаго содержанія:

„Между уполномоченнымъ его свѣтлости князя Сербіи, Милана Обреновича IV, командиромъ Моравскаго корпуса, генеральнаго штаба полковникомъ Милойко Лѣшанинымъ, съ одной стороны, и комендантомъ крѣпости Ниша Халиль-пашей и мутессарифомъ Решидъ-пашей съ другой, заключена нижеслѣдующая конвенція о сдачѣ крѣпости и города Ниша:

1) Халиль и Решидъ паши сдаютъ князю Сербіи крѣпость и городъ Нишъ со всѣми орудіями, снарядами, сооруженіями и другого всякаго рода матеріальною частью, принадлежащею правительству, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ все это находится въ минуту подписанія настоящей конвенціи.

2) Всѣ войска обязаны положить оружіе, но военноплѣнными почитаемы не будутъ. Они будутъ проведены

черезъ раіонъ военныхъ операцій сербской арміи и затѣмъ отпущены на свободу.

3) Ради спокойствія и безопасности города, его населеніе, христіанское и мусульманское, выдаетъ свое оружіе, которое, какъ ихъ собственность, будетъ ему возвращено по установленіи въ городѣ нормальнаго порядка.

4) Князь Сербіи обезпечиваетъ: а) каждому неприкосновенность собственной жизни и чести и б) тѣмъ гражданамъ, которые пожелали бы переселиться, полную свободу и содѣйствіе.

Въ знакъ уваженія къ храбрости войскъ, его свѣтлость князь Сербіи оставляетъ офицерамъ и лицамъ гражданскаго вѣдомства оружіе, присвоенное имъ по положенію.

По подписаніи настоящей конвенціи, немедленно будетъ приступлено къ сдачѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: оттоманскія войска очищаютъ укрѣпленія, которыя занимаются сербскими войсками; затѣмъ по-баталіонно они кладутъ оружіе и подъ командою своихъ офицеровъ выстраиваются на указанныхъ имъ мѣстахъ“...

Въ минуту сдачи крѣпости, гарнизонъ ея состоялъ изъ 6-ти таборовъ низама и редифа, 2-хъ полевыхъ батарей Круппа, эскадрона регулярной кавалеріи, 400 артиллеристовъ, саперъ и людей другаго назначенія, и свыше тысячи человекъ башибузуковъ, итого около 5-ти тысячъ человекъ. Въ Нишѣ сербы нашли 267 орудій, изъ коихъ 26 крупновскихъ, болѣе 13-ти тысячъ ружей разныхъ системъ, 780 револьверовъ и пистолетовъ, 150 т. окъ пороху, до 8-ми м. патроновъ, свыше 20-ти т. гранатъ, болѣе 2-хъ т. картечи, 1054 прапнели и прочій боевой матеріалъ въ такомъ же размѣрѣ, госпитальную матеріальную часть на 16-ть т. рублей, лазаретъ съ

384 ранеными и больными и громадныя запасы продовольствія и фуража.

Овладѣніе Нишемъ имѣло громадное значеніе въ ходѣ сербскихъ военныхъ операцій. Оно закрѣпляло весь добытый ранѣе успѣхъ, и утверждало положеніе сербской арміи на занятомъ пространствѣ территоріи.

Взятые въ крѣпости боевые трофеи повліяли весьма благопріятно на возстановленіе нравственной стороны сербовъ, духъ которыхъ страдалъ отъ превосходства турокъ въ военномъ дѣлѣ и не мало угнетался тѣмъ же-стокосердіемъ, съ которымъ оттоманскія войска обращались съ ихъ плѣнными. Теперь сербы грудью взяли и батареи крупновскихъ орудій, и тысячи ружей Генри-Мартини, и массу турецкихъ солдатъ низама, редифа и мустахфиза. Превосходное оружіе ихъ, поражавшее на разстояніи, съ котораго можно было только различить противника, они добыли собственнымъ мужествомъ. Въ то же время они имѣли нравственное удовлетвореніе конвоировать и отпустить на свободу нишскій гарнизонъ, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда.

Пока Нишъ оставался въ рукахъ турокъ, для предпріимчиваго и энергичнаго начальника оттоманскихъ войскъ всегда оставалась возможность парализовать всѣ предшествовавшіе успѣхи сербскаго оружія. Запирая удобнѣйшій выходъ изъ княжества, укрѣпленія Ниша были не только отлично примѣнены къ свойствамъ мѣстности, но и вооружены большими крѣпостными орудіями, совершеннѣйшей конструкціи, изготовленія Круппа, на металлическихъ платформахъ, съ механическими приспособленіями ихъ заряжанія и наводки. По сосредоточеннымъ въ крѣпости всякаго рода средствамъ, она легко могла вмѣщать въ себѣ значительный корпусъ войскъ и служить для его активныхъ операцій надежною базою.

Нишъ и соотвѣтственный ему гарнизонъ, числительностью въ 20 или 25-ть тысячъ человѣкъ, былъ бы вполне достаточенъ, чтобы остановить наступленіе сербовъ; но только въ томъ случаѣ, если бы войска, въ крѣпости расположенныя, были дѣйствительно регулярныя, а не турецкія. Чего нельзя предпринять противъ европейской арміи, то безнаказанно можно себѣ позволить съ турецкою. Дѣйствительно главная масса сербской милиціи наступаетъ по софійской дорогѣ, оставляя въ своемъ тылу Нишъ только подъ наблюденіемъ. При этомъ часть, выдвинутая на встрѣчу корпуса, идущаго на помощь крѣпости, даже не можетъ считаться заслономъ, а служить простою завѣсою. И при всемъ томъ достигается полный успѣхъ. Почему же Гафизъ-паша, распоряжавшійся всѣми турецкими войсками на юго-восточной границѣ княжества, не сосредоточилъ своевременно въ Нишѣ достаточныхъ силъ, на что имѣлъ несомнѣнную возможность и что собирался сдѣлать, а ограничился однимъ намѣреніемъ. О послѣднемъ неоднократно доносилось еще въ Бѣлградъ. Почему же онъ, разгромивъ позднѣе сербскій отрядъ у Куршумлѣ, остановился, а не продолжалъ энергичнаго наступленія, которое вѣроятно его привело бы къ громаднымъ результатамъ. Отвѣтъ нужно искать въ свойствахъ турецкой арміи, именно, въ неспособности ея къ маневрированію, въ особыхъ условіяхъ командованія отдѣльными отрядами, при управленіи операціями изъ Константинополя и пр. Вникая глубже въ суть дѣла, оказывается, что многія операціи противъ турокъ, на первый взглядъ казущіяся рискованными, въ дѣйствительности не только не представляютъ никакой опасности, но наиболѣе вѣрнымъ путемъ ведутъ къ благопріятному исходу кампаніи.

Съ переходомъ Ниша въ руки сербовъ, всѣ выгоды

положенія на ближайшемъ театрѣ военныхъ дѣйствій оказались на сторонѣ сербской арміи, въ распоряженіи которой явился новый базисъ, выгодно расположенный, укрѣпленный и хорошо всѣмъ снабженный. Время опасеній за благополучный исходъ дѣла безвозвратно миновало, такъ какъ капитуляція Ниша не только устранила заботу о безопасности предѣловъ княжества, но и твердо упрочила всѣ ранѣ достигнутые боевые результаты. На сцену выдвигался радостный вопросъ, какъ лучше воспользоваться плодами побѣды.

3-го января состоялся торжественный въѣздъ князя и сербской главной квартиры въ завоеванную крѣпость. Разсчитывали найти въ ней весьма много, но то, что въ дѣйствительности было найдено, превзошло всякое ожиданіе. Думали воспользоваться непріятельскими запасами и добыть нѣсколько десятковъ пушекъ; на дѣлѣ оказались сотни орудій и десятки тысячъ ружей. Восторгу побѣдителей, казалось, не было предѣловъ. Какъ недавно озабоченнымъ лицамъ людей гармонировали суровыя мятели непривѣтливой погоды, такъ теперь радостному настроенію отвѣчали солнечные, тихіе дни наступившей оттепели. Мѣстное населеніе, сначала не увѣренное въ успѣхъ сербскаго оружія и потому встрѣчавшее первыя извѣстія объ успѣхахъ крайне сдержанно, теперь сплошь взялось за оружіе и рвалось въ бой. Прежде можно было сомнѣваться въ успѣшномъ исходѣ столкновенія при отношеніи трехъ, четырехъ сербскихъ милиціонеровъ противъ одного регулярнаго турка, теперь наступило время единоборства.

Первые дни по занятіи Ниша прошли въ сосредоточеніи въ долину Моравы, Топлицы и Нишавы всѣхъ трехъ корпусовъ сербской арміи. Тимочскій корпусъ въ его прежнемъ расположеніи замѣнили войска Здравко-

вича, а въ самой крѣпости была сформирована вновь резервная дивизія изъ 3-хъ баталіоновъ Вальевской бригады I класса, 3-хъ баталіоновъ Рудничской бригады II класса, и Ягодинской и Чупрійской бригады II класса, имѣвшихъ по 4-е баталіона каждая. Такимъ образомъ Шумадійскій, Моравскій и Тимочскій корпуса становились совершенно свободными для дальнѣйшихъ активныхъ операцій.

Полученныя изъ нашей главной квартиры, указанія ¹⁾ опредѣляли главную цѣль дѣйствій сербовъ въ обезпеченіи русской арміи съ запада, южнѣ горъ, при чемъ было выражено желаніе, чтобы для обезпеченія Софіи былъ оставленъ отрядъ, въ составъ котораго должны были входить и сербскія войска. Такъ какъ обложеніе Бѣлградчика было возложено на румынъ, то сербамъ предложено было только наблюдать его съ 2—3 бата-

¹⁾ Телеграмма отъ 26 декабря: „Великій князь желаетъ, чтобы общая главная цѣль дѣйствій сербовъ состояла въ обезпеченіи русской арміи съ запада, южнѣ горъ, такъ какъ обезпеченіе арміи съ запада же, сѣвернѣ горъ, возложено на румынъ. Дабы возможно менѣе ослаблять нашъ отрядъ, занявшій Софію и направляющійся на Филиппополь, желательно, чтобы часть силъ сербовъ вмѣстѣ съ частью нашихъ войскъ обезпечивала Софію. Остальныя ихъ силы могутъ быть направлены противъ Гафиза. Бѣлградчикъ будетъ обложенъ румынами, а потому сербамъ только наблюдать его 2—3 баталіонами, а остальные направить на усиленіе Хорватовича или противъ Ниша, не упуская изъ виду, что турки, оставившіе Софію, отступили по дорогѣ на Кюстендиль“.

Телеграмма на 29 декабря изъ Ловчи: „Отъ главнокомандующаго: чтобы никакъ не ослаблять главныхъ силъ нашихъ, имѣющихъ цѣлю дѣйствія на востокъ отъ Софіи, не предполагается направлять нашихъ войскъ на Кюстендиль и вообще западнѣ Софіи. Если сербы очень боятся Гафиза, и Хорватовичъ даже малой части войска для совмѣстнаго съ нами занятія Софіи оставить не можетъ, то пусть идутъ всѣми силами въ тылъ Гафиза, и вообще дѣйствуютъ по усмотрѣнію князя на нашемъ западномъ флангѣ“.

ліонами, остальные же направить на присоединеніе съ армією. Затѣмъ предоставлялась сербамъ полная свобода дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію.

Вопросъ о занятіи Софіи и дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ сообщая служилъ предметомъ переговоровъ и даже посылки въ Софію сербскаго генеральнаго штаба подполковника Мишковича. Телеграммой отъ 1-го января отъ имени князя испрашивалось даже опредѣленіе размѣра отряда для отправленія въ Софію и было сдѣлано предложеніе о пользованіи софійскимъ гарнизономъ продовольственными запасами Пирота, на что было получено въ отвѣтъ, что для обезпеченія Софіи признается достаточнымъ, если сербскими войсками будетъ занятъ Кюстендиль или Радоміръ, что въ Софіи запасовъ довольно, и Великій Князь искренно благодарить за предложеніе. Наконецъ отъ генерала Гурко пришла телеграмма, отъ 29-го декабря, окончательно установившая взаимныя отношенія и предоставлявшая сербамъ полную свободу дѣйствія.

Вотъ эта телеграмма:

„Его свѣтлости князю Милану ¹⁾. Вслѣдствіе перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ расположеніи войскъ Вашей

¹⁾ «A son Altesse le prince Milan.

Vu les changements qui se sont produits dans la disposition des troupes serbes de Votre Altesse, j'ai laissé à Sophia huit bataillons d'infanterie, huit escadrons de cavalerie et 14 canons. J'informe Votre Altesse, que suivant les rapports de ma cavalerie, les troupes de Sophia se sont retirées par Doubnitza et Djouma au sud brulant sur leur passage les villages et les villes. Les habitants informent que les Turcs disaient qu'ils allaient à Salonique d'où on les transportera par mer à Constantinople. Mais on ne peut encore ajouter grande valeur à ces informations. Dans ce moment je pars pour Ichtiman pour opérer contre Tatar-Bazardjik. Je souhaite de tout mon coeur succès et gloire aux troupes serbes de Votre Altesse. Aide de Camp général Gourko».

Свѣтлости, я оставилъ въ Софіи восемь баталіоновъ пѣхоты, восемь эскадроновъ кавалеріи и 14-ть пушекъ. Сообщаю Вашей Свѣтлости, что по донесеніямъ моей кавалеріи турки отступили отъ Софіи черезъ Дубницу и Джумаю къ югу, сжигая по дорогѣ города и селенія. Жители передають, будто турки рассказывали, что направляются въ Салоники, откуда ихъ перевезутъ въ Константинополь. Но большаго довѣрія эти свѣдѣнія еще не заслуживають. Сейчасъ я ѣду въ Ихтиманъ, чтобы дѣйствовать противъ Татаръ-Базарджика. Отъ всего сердца желаю сербскимъ войскамъ Вашей Свѣтлости успѣха и славы. Генераль-адъютантъ Гурко“.

Около этого же времени я получилъ письмо отъ князя Черкаскаго съ предложеніемъ или оставить сербскія войска и занять постъ Филиппопольскаго губернатора, или, оставаясь при князѣ Миланѣ, соединить въ своемъ лицѣ званіе представителя императорской арміи съ обязанностями нишскаго губернатора ¹⁾). Я откля-

¹⁾ Боготъ. 22 декабря 1877 г. „Милостивый Государь Георгій Ивановичъ. Въ нынѣшнемъ іюлѣ мѣсяцѣ, какъ Вы вѣроятно помните, Вы были великимъ княземъ главнокомандующимъ назначены на должность Филиппопольскаго губернатора. Съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились, и Вы были командированы Его Высочествомъ въ Сербію. Нынѣ имѣется въ виду двоякаго рода новое занятіе Болгарской области: съ одной стороны—занятіе Нишскаго санджака, а затѣмъ Призрѣнскаго и Приштинскаго, при чемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сербскія войска будутъ передвинуты на лѣвый берегъ рѣки Моравы, послѣ предварительнаго ихъ участія въ обложеніи Софіи; съ другой стороны, какъ скоро завершится наше движеніе черезъ Балканы, войска наши легко могутъ скорѣе занять и санджакъ Филиппопольскій. Вслѣдствіе сего рождается вопросъ о томъ окончательномъ назначеніи, которое Вамъ можетъ предстоять и на счетъ котораго Его Императорскому Высочеству не угодно окончательно рѣшиться, не выслушавъ предварительно Вашего собственнаго голоса. Вы или можете, немедленно по занятіи Филиппополя или даже части Филиппополь-

нилъ предложеніе, ссылаясь на большую пользу, которую могу принести, оставаясь въ прежнихъ условіяхъ. Что касается до личнаго моего положенія, то я ни минуты не колебался предпочесть завершеніе порученнаго мнѣ дѣла скаканью съ мѣста на мѣсто и легкомысленному принятію должности, къ которой я былъ мало подготовленъ. Но что меня удивило въ сдѣланномъ пред-

скаго санджака, быть назначены губернаторомъ Филиппопольскимъ, и въ такомъ случаѣ Вы должны будете, по полученіи о томъ распоряженія Его Высочества, немедленно ѣхать туда, покинувъ сербское войско. Или Вы можете оставаться при сербской арміи въ томъ званіи, какъ и теперь, соединяя съ симъ вмѣстѣ и должность губернатора Нишскаго. Быть можетъ даже, въ видахъ расширенія района Вашихъ административныхъ дѣйствій и предоставленія Вашему губернаторскому вѣдѣнію приблизительно всей той мѣстности, которая будетъ занята сербскими войсками и будетъ до извѣстной степени питать ихъ, оказалось бы возможнымъ отдать одновременно въ ваше вѣдѣніе и санджакъ Приштинскій и Призрѣвскій. Эта послѣдняя комбинація представила бы не мало удобствъ. Она сохранила бы сербскому военному начальству возможность пользоваться Вашими военными познаніями и совѣтами, и вмѣстѣ съ тѣмъ установила бы прочное единство военнаго и гражданскаго управленія въ краѣ, занятомъ не русскими, но союзными войсками, требующими особаго за собою надзора. Затѣмъ рождается рядъ вопросовъ: 1) Полагаете ли Вы возможнымъ совмѣстить въ своемъ лицѣ обоюдо рода обязанности губернатора и состоящаго при сербскомъ князѣ и сербской арміи; 2) Если надѣетесь, то полагаете ли возможнымъ возложеніе на Васъ, въ случаѣ нужды, завѣдываніе не только Нишскимъ, но еще и Призрѣвскимъ и Приштинскимъ санджакомъ; 3) Согласны ли Вы будете затѣмъ предпочесть вышеуказанное назначеніе первоначально обѣщанному Филиппопольскому. Сообщая Вамъ, по повелѣнію великаго князя главнокомандующаго о всемъ вышеизложенномъ, я прошу Васъ, Милостивый Государь, благоволить сообщить мнѣ возможно скорѣйшій и совершенно категорическій отвѣтъ на всѣ эти вопросы для доклада Его Высочеству, такъ какъ необходимо сдѣлать немедленно приготовительныя къ той или другой изъ предположенныхъ мѣръ распоряженія. Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и преданности. Князь В. Черкасскій“.

ложеніи, это ложное пониманіе совершавшихся политическихъ событій. Въ письмѣ признавалась вся вновь занятая сербскими войсками территорія Болгарскою областью. Объ этомъ говорилось, какъ о фактѣ, который даже не можетъ вызывать никакого сомнѣнія. Но гдѣ же данныя къ такому признанію. Сербія примкнула союзомъ во имя освобожденія христіанской расы отъ гнета турецкаго произвола и никакою конвенціею не обязывалась ограничивать свои территоріальныя пріобрѣтенія опредѣленными этнографическими предѣлами. Высшіе политическіе интересы требовали справедливаго земельного разграниченія между Сербіею и Болгаріею, дабы обезпечивалось въ будущемъ равномѣрное развитіе ихъ союзной силы; но ни этнографическія, ни топографическія, ни стратегическія условія не указывали на необходимость сохраненія въ неприкосновенности прежней границы княжества. Напротивъ исправленіе сербской границы было во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ необходимо. Только однимъ крайнимъ увлеченіемъ идеальною Болгаріею можно было объяснить возможность, на примѣръ, включенія Ниша въ составъ новаго болгарскаго государства. До какой же степени господствовала въ нашей главной квартирѣ болгарская идея, если ее высказывалъ, какъ непреложную истину, высокодаровитый князь Черкасскій, далеко не бывшій слѣпымъ поклонникомъ болгарь.

Мысли, изложенныя въ письмѣ, до такой степени шли въ разрѣзъ съ направленіемъ общественнаго мнѣнія въ Сербіи, что я счелъ за лучшее о нихъ ни съ кѣмъ не говорить. Осуществленіе на дѣлѣ сдѣланнаго предположенія было практически невозможно. Сербы организовали срезъ за срезомъ, округъ за округомъ, занимаемую страну, уже примѣряли новые доходы къ го-

сударственному бюджету. учитывали размѣръ своихъ будущихъ вооруженныхъ силъ, мысленно поглотили всю Старую Сербію, и вдругъ предложеніе считать все это болгарскимъ достояніемъ. Если бы сербское правительство какимъ-нибудь чудомъ усвоило предлагаемый взглядъ, то не могло быть сомнѣнія въ томъ, что оно сдѣлалось бы самымъ непопулярнымъ и, конечно, просуществовало бы не долго.

Между тѣмъ съ главнаго театра военныхъ дѣйствій, центральнаго раіона Великихъ Балканъ, радостно донеслись побѣдные клики нашихъ войскъ, мужественно и самоотверженно сѣумѣвшихъ не только перейти въ глухую зиму первостепенный горный хребетъ, но и взять въ плѣнъ оборонявшую его непріятельскую армію. Смѣло и увѣренно направленная своимъ доблестнымъ Августѣйшимъ Вождемъ, русская армія поборола такія препятствія и преграды, которыя талантливѣйшими стратегами Западной Европы признавались безусловно недоступными. Исполинскій подвигъ этотъ, начертанный въ вѣчныхъ аналахъ военного искусства, свидѣтельствуешь объ идеальномъ подъемѣ нравственной силы, присущемъ едва-ли ни однимъ русскимъ богатырямъ. Поставленный въ несвойственную ему обстановку подъ Плевною, русскій геній, казалось. расправилъ свои смятыя крылья, чтобы мощнымъ взмахомъ довершить въ Царьградѣ дѣло Олегово.

Совпаденіе двухъ событій такой чрезвычайной важности, какъ плѣненіе непріятельской арміи у с. Шипки на главномъ театрѣ войны и паденіе крѣпости Ниша на сербскомъ раіонѣ, полагая конецъ трудному періоду борьбы, открывало собою новую эпоху подведенія итоговъ одержаннымъ союзными войсками успѣхамъ. Наступало для насъ время осуществленія на дѣлѣ тѣхъ

территориальныхъ требованій, на которыхъ мы твердо остановились во время Константинопольской конференціи. Надлежало, довершая главный ударъ въ направленіи Стамбула, въ то же время овладѣть безъ промедленія всею тою мѣстностью, которая входила въ нашъ расчетъ, какъ для образованія болгарскаго государства, такъ и для усиленія сербскихъ княжествъ. Въ особенности было важно урегулировать земельныя пріобрѣтенія въ Старой Сербіи и Македоніи между сопредѣльными здѣсь православными государствами, дабы съ одной стороны упрочить между ними полюбовное соглашеніе, а съ другой положить тѣмъ самымъ твердое начало федеративному устройству государствъ Балканскаго полуострова. Если привлеченіе Греціи къ участию въ общемъ дѣлѣ въ свое время встрѣчало почему-либо препятствія, то переходъ ея къ болѣе активной дѣятельности въ настоящую минуту былъ не только крайне полезенъ, но и положительно необходимъ.

Между тѣмъ сдѣланныя изъ главной квартиры сербской арміи предложенія о совмѣстномъ дѣйствіи войскъ къ сторонѣ Старой Сербіи остались безъ прямого отвѣта. Истинное значеніе предложенія ускользнуло отъ вниманія нашей главной квартиры, объяснявшей себѣ его страхомъ сербовъ предъ Гафизомъ-пашей и настойчиво повторявшей о назначеніи сербскихъ войскъ прикрывать нашу армію съ запада. Но какое же значеніе имѣлъ оставленный въ Софіи нашъ отрядъ изъ 8-ми баталіоновъ, 8-ми эскадроновъ и 14-ти орудій? Почему онъ былъ прикованъ къ мѣсту, и ему не была предоставлена свобода дѣйствій, въ связи съ наступленіемъ сербскихъ войскъ. Прикрывать Софію не къ чему было съ сѣвера, ибо тамъ были румынскія войска, ни съ запада, ибо тамъ дѣйствовали сербы. Софія была открыта

только съ юга, т. е. со стороны Старой Сербіи и Македоніи, куда и предлагалось направить совмѣстные удары. Сокрушенные на всѣхъ пунктахъ, силы турокъ, въ особенности при упадкѣ ихъ духа, не могли оказать серьезнаго сопротивленія, почему оставленнаго отряда было совершенно достаточно, чтобы вмѣстѣ съ сербскими войсками занять важнѣйшіе пункты страны.

Всѣ эти соображенія были настолько просты, что объяснить распоряженія нашей главной квартиры можно исключительно только однимъ недостаточно яснымъ представленіемъ себѣ важности политическаго положенія минуты и слишкомъ сконцентрированнымъ ея вниманіемъ на однѣхъ военныхъ операціяхъ нашихъ войскъ на востокѣ. Распутыванію узла государственныхъ предѣловъ, такимъ образомъ, не только не было оказано никакого содѣйствія, но даже частный вопросъ объ общей границѣ Сербіи и Черногоріи въ Ново-базарскомъ санджакѣ постоянно тормозился напоминаніемъ „тщательно избѣгать дѣйствовать въ Босніи и Герцеговинѣ“. Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній вопросъ не былъ уясненъ и самими непосредственно заинтересованными въ немъ сторонами, изъ которыхъ одна была слишкомъ слаба, чтобы вводить въ свой расчетъ такой смѣлый шагъ, а другая, по всему вѣроятію, никогда не пошла бы на соглашеніе изъ за личной боязни князя Милана того обаянія, какимъ пользуется имя князя Николая во всѣхъ сербскихъ земляхъ.

Крупная ошибка, допущенная еще при распредѣленіи сербскихъ войскъ по отрядамъ, именно образованіе самостоятельныхъ корпусовъ на Дринѣ и Яворѣ, безъ всякой внѣшней связи и общаго резерва, и затѣмъ чувствительное ослабленіе Яворскаго корпуса, сдѣланное княземъ Миланомъ въ минуту опасенія наступленія

Гафиза-паши, повели въ общемъ результатъ къ тому, что о наступательныхъ дѣйствіяхъ Яворскаго корпуса нельзя было и думать въ самую благопріятную къ тому минуту. Какъ всегда бываетъ съ новичками въ военномъ дѣлѣ, излишняя впечатлительность сербскаго главнокомандующаго отняла отъ него способность простаго разсчета, по которому не трудно было предвидѣть одно безцѣльное шатаніе передвигаемыхъ частей. Отнимаемая отъ Яворскаго корпуса части физически не могли поспѣть во-время на назначенное имъ мѣсто для противо-дѣйствія наступленію турокъ, между тѣмъ они на столько ослабили Яворскій корпусъ, что онъ уже болѣе не могъ съ успѣхомъ выполнить свою главную задачу.

Безпрекословно и въ точности выполняя всѣ даваемые ему указанія, князь Миланъ не признавалъ за нѣкоторыми изъ нихъ военнаго характера и, почитая ихъ противорѣчащими его частнымъ интересамъ, во вредъ дѣлу упорствовалъ въ сдѣланныхъ распоряженіяхъ. Къ числу послѣднихъ, главнымъ образомъ, относились всѣ мѣры, имъ принятыя для занятія приграничной непріятельской территоріи. Изъ такого взгляда на вещи человека, даровитаго отъ природы, но далеко не талантливаго полководца, произошли тѣ крупныя упущенія, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ уже было упомянуто, и, благодаря коимъ, не были достигнуты блестящіе результаты, вполне возможные по созданной успѣхами союзнаго оружія обстановкѣ. То что легко могло быть довершено, при слѣдованіи указаніямъ логически развивавшихся событій, при иныхъ условіяхъ несомнѣнно потребуетъ неимоверныхъ усилій, такъ какъ первостепенной важности цѣль осталась недостигнутою, а на повтореніе вновь существовавшей благопріятной обстановки едва-ли когда-нибудь можно рассчитывать.

ХІІ.

Наступленіе къ Коссово-полю.

Воспользоваться плодами побѣды сербская главная квартира рѣшилась одновременнымъ наступленіемъ трехъ корпусовъ по тремъ направленіямъ: Шумадійскаго—долиною р. Моравы на Вранью, Моравскаго черезъ Куршумлэ и Преполадкій переваль на Подуево, и Тимочскій въ промежутокъ между ними, долинами Пуста-рѣки и Медвѣджи. Всѣ три корпуса должны были, по возможности въ одно и тоже время, дебушировать на Коссово-поле, чтобы на этой исторической мѣстности разгромить турками сербовъ возстановить честь сербскаго оружія и сдѣлать ее вновь достояніемъ сербскаго государства. Но этотъ первый шагъ къ возстановленію царства Стефана-Душана, черезъ пятьсотъ лѣтъ послѣ его распада, къ сожалѣнію, было не суждено совершить войскамъ князя Милана. Идея прежняго царства, выражавшаяся въ преобладаніи сербской народности надъ славянскими племенами Балканскаго полуострова, безвозвратно отжила свой вѣкъ; на созданіи-же новой политики, основанной на взаимной помощи силъ разрозненныхъ славянскихъ племенъ, у князя Милана не оказалось государственной прозорливости. Въ свое время онъ

не предусмотрѣлъ возможности развитія военныхъ операцій въ Ново-базарскомъ санджакѣ къ сторонѣ Черногоріи; теперь онъ не хотѣлъ принять въ расчетъ значенія нашего отряда, оставленнаго въ Софіи. Мелкіе интересы дня застилали предъ его глазами открывавшійся широкій политическій горизонтъ, и онъ въ началѣ, какъ въ концѣ, руководствовался непосредственными соображеніями эгоистическихъ побужденій. Въ началѣ онъ ослаблялъ силу удара разбрасываніемъ войскъ съ цѣлью скорѣйшаго захвата прилежащей границы территоріи; затѣмъ въ смятеніи передвигалъ ихъ по театру военныхъ дѣйствій; наконецъ въ концѣ, когда уже могъ пожинать тѣ плоды, о которыхъ страстно все время мечталъ, группируетъ ихъ въ горныхъ дебряхъ, чтобы принудить Гафиза-пашу къ отступленію, что тому только и оставалось сдѣлать безъ всякой угрозы.

Считая Приштину предметомъ дѣйствія, сербская главная квартира воспользовалась для наступленія своихъ корпусовъ всѣми тремя путями сообщенія, ведущими отъ Ниша на Косово-поле, вѣроятно желая скорѣе достигнуть поставленной цѣли, съ попутнымъ занятіемъ окрестной страны. Она, очевидно, имѣла въ виду обходными движеніями колоннъ принуждать противника къ отступленію безъ упорнаго сопротивленія съ выгодныхъ позицій трудной горной страны, и одновременно счищать занимаемую территорію отъ арнаутской народности, всегда непримиримо враждебной сербской. Но создаваемое представленіе объ успѣшномъ ходѣ операцій было крайне обманчиво и совершенно не отвѣчало обстановкѣ, такъ какъ стратегическіе обходы по козьимъ тропамъ Арнаутлука, въ самое суровое къ тому-же время года, если даже фактически и были возможны, то во всякомъ случаѣ не могли учитываться

никакимъ расчетомъ времени, а самый способъ наступленія, съ очищеніемъ мѣстности отъ враждебнаго элемента, вольно или принужденно бросавшаго свои семейные очаги, только усиливаль число враговъ и безмѣрно увеличиваль значеніе препятствій.

Изъ трехъ путей кратчайшимъ былъ средній, удобнѣйшимъ—долиною Моравы; но на сколько первый изъ нихъ былъ труднопроходимъ, на столько-же послѣдній представлялъ всѣ удобства движенія по хорошему шоссе. Сѣверный путь, имѣя преимущество надъ среднимъ въ отношеніи болѣе разработанной дороги, проходилъ черезъ рядъ горныхъ позицій, выгодныхъ для обороняющагося, тщательно имъ укрѣпленныхъ и сильно занятыхъ. Если къ указаннымъ свойствамъ путей прибавить еще то соображеніе, что наступленіе по южному направленію приводило на почти ровное пространство Кумановскаго водораздѣла, съ котораго дѣйствовать можно было и къ сторонѣ Приштины, и даже прямо на Скопле, что операціи въ этомъ направленіи могли быть болѣе смѣлыми, такъ какъ въ случаѣ нужды всегда можно было рассчитывать на содѣйствіе нашего софійскаго отряда, станетъ яснымъ, что для полученія болѣе полныхъ результатовъ слѣдовало направить главную массу войскъ долиною Моравы на Вранью и далѣе по обстоятельствамъ. Въ такомъ именно смыслѣ было выражено мною мнѣніе князю Милану, который, однако, не счелъ для себя выгоднымъ ему послѣдовать и все свое вниманіе сосредоточилъ на сѣверный путь, гдѣ отрядъ Гафизаши все еще занималъ укрѣпленную Самаковскую позицію. Было рѣшено: Моравскій корпусъ направить противъ Гафиза, Шумадійскій—долиною Моравы, Тимочскій между ними; но и это рѣшеніе было вскорѣ измѣнено направленіемъ Тимочскаго корпуса въ непо-

средственную связь съ Моравскимъ, съ подчиненіемъ обоихъ этихъ корпусовъ полковнику Лѣшанину.

Пока части корпусовъ, предназначенныхъ къ дальнѣйшему наступленію, укомплектовывали свои порѣдѣвшіе ряды, пополняли и исправляли свое боевое снаряженіе и запасались продовольствіемъ, князь Миланъ принималъ депутаціи, объѣзжалъ войска и выслушивалъ доклады совѣта министровъ. По утрамъ любимѣйшимъ его занятіемъ было лично осматривать доставшуюся сербамъ въ Нишѣ военную добычу, обходить валы, чтобы знакомиться съ механизмами крупновскихъ крѣпостныхъ пушекъ, разсматривать древнее оружіе, изучать системы доставшихся ружей. Около этого времени общество наше пополнилось поручикомъ Хвощинскимъ, прибывшимъ отъ Великаго Князя главнокомандующаго съ георгіевскими крестами и сдѣлавшимся постояннымъ партнеромъ князя Милана въ шахматную игру. Раздача знаковъ Военнаго ордена нижнимъ чинамъ сербскихъ войскъ была произведена лично княземъ при торжественной обстановкѣ. По вечерамъ у князя съ Хвощинскимъ тянулись безконечныя партіи, а мы съ Налетовымъ спрашивали о подробностяхъ военныхъ событій у старшихъ войсковыхъ начальниковъ, приглашавшихся къ княжескому столу.

Интересна сцена моего разговора съ княземъ по поводу представленія наиболѣе отличившихся сербскихъ офицеровъ къ георгіевскому кресту. Дѣло было въ томъ, что выказавшимъ наибольшую боевую доблесть и оказавшимъ существеннѣйшую заслугу былъ несомнѣнно командиръ Княжевацкаго войска, подполковникъ Ефремъ Марковичъ, своею находчивостью, энергіею и мужествомъ проложившій дорогу къ побѣдѣ какъ въ первомъ дѣлѣ подъ Акъ-паланкою, такъ и въ бою у Пирота.

Между тѣмъ князь Миланъ его ненавидѣлъ и считалъ личнымъ врагомъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что не могъ не признавать въ немъ личныхъ достоинствъ. Даровитый по природѣ, идеальныхъ стремленій, высшаго военного образованія, Ефремъ Марковичъ вернулся на родину съ лучшими намѣреніями честно служить обожавшей родинѣ. Злоупотребленія и недобросовѣстность тогдашняго административнаго строя произвели на его неиспорченную натуру тѣмъ большее впечатлѣніе, что оппозиція не преминула воспользоваться его неопытностью, чтобы заставить его дѣйствовать слѣпымъ орудіемъ своихъ интересовъ. Когда люди вчерашней оппозиціи добились власти и не могли болѣе скрывать предъ Марковичемъ своихъ эгоистическихъ побужденій, этотъ послѣдній съ горечью убѣдился въ существованіи своекорыстныхъ цѣлей у большинства политическихъ дѣятелей. Извѣрившись въ людяхъ и разочаровавшись въ своихъ лучшихъ вѣрованіяхъ, Ефремъ Марковичъ сталъ раздражаться проявленіемъ всякой несправедливости и въ рѣзкихъ выраженіяхъ громко осуждалъ людей, между которыми создалъ себѣ массу враговъ. Со стороны самого князя было не мало поводовъ къ нареканію, и потому не было ничего удивительнаго въ появленіи неосторожныхъ на его дѣятельность нападокъ Марковича, самое имя котораго сдѣлалось для него мало по малу ненавистнымъ. Обоюдное раздраженіе этихъ двухъ страстныхъ натуръ, наконецъ, дошло до того, что князь Миланъ сталъ подозрѣвать въ Ефремѣ Марковичѣ сторонника Карагеоргіевичей и своего политическаго врага, безъ всякой основательной къ тому причины.

Все это мнѣ было хорошо извѣстно, когда я настойчиво предлагалъ князю собственноручно написать списокъ достойнѣйшихъ офицеровъ сербской арміи для

награжденія ихъ орденами Св. Георгія. Князь видимо боролся съ собою, потомъ быстро написалъ: подполковникъ Ефремъ Марковичъ и всталъ.

„Знаете-ли вы, что мнѣ стоило написать здѣсь это имя“, съ дрожью въ голосѣ обратился онъ ко мнѣ.

„Знаю и потому глубоко цѣню. Повѣрьте, что благородный порывъ справедливости, заглушившій въ васъ личное чувство, будетъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія. По крайней мѣрѣ я его никогда не забуду и съумѣю при случаѣ постоять за ваше доброе имя“.

Тутъ-же дописанный рукою самого князя Милана, списокъ былъ мною полученъ и вскорѣ затѣмъ при рапортѣ представленъ Его Императорскому Высочеству главнокомандующему нашей дѣйствующей арміи.

Между тѣмъ, оправившаяся отъ неудачи, Ибарская дивизія произвела попытку къ возвращенію себѣ прежней позиціи, прикрывавшей одновременно путь отъ Куршумлэ на Янкову-клиссуру и въ Нишъ. Подполковникъ Прапорчевичъ, убѣдившись рекогносцировкой 30-го декабря въ расположеніи главныхъ силъ турокъ къ югу отъ Куршумлэ, по высотамъ Самакова и Бачи-главы, приказалъ командиру Крушевацкой бригады, маіору Остаичу, съ 2-мя баталіонами, горною батареею, піонерною ротою и конною сотнею, двинуться на слѣдующій день къ селенію Мачковцу и Новосело, овладѣть ими и по возможности прочно укрѣпиться на занятой позиціи. Въ часъ пополудни селенія были заняты и турки отброшены; но черезъ два часа непріятель вернулся въ болѣе значительныхъ силахъ. Арнауты бросились съ фронта прямо на батарею, уже успѣвшую окопаться, а таборъ низама съ конными черкесами сталъ

обходить правый фланг сербскаго расположенія. Избѣгая рѣшительнаго боя до прибытія остальныхъ частей Моравскаго корпуса, сербы отошли, потерявъ 14-ть человѣкъ убитыми, 41 ранеными и 11-ть безъ вѣсти пропавшихъ.

3-го января, командиръ Моравскаго корпуса, полковникъ Лѣшанинъ, съ послѣднимъ своимъ эшелономъ двинулся отъ Ниша противъ Гафиза-паши и 6-го числа весь корпусъ уже сосредоточился на передовыхъ позиціяхъ, а 7-го онъ занялъ Куршумлэ, безъ боя оставленнаго турками, которые отошли на сильно укрѣпленныя Самаковскія высоты.

Рекогносцировка расположенія противника раскрыла, что турки укрѣпили, въ нѣсколько ярусовъ обороны, продолговатую возвышенность, тянувшуюся между долинами, рѣчекъ Большой и Качаницкой. Къ сторонѣ Куршумлэ она оканчивалась крутыми скатами, а къ Преполаскому перевалу переходила въ рядъ отдѣльныхъ высотъ. Вершина возвышенности была занята обширными сомкнутыми укрѣпленіями, находившимися въ разстояніи около трехъ верстъ отъ р. Топлицы, а покато-сти были изрѣзаны линіями открытыхъ траншей. Собранное на позиціи, арнаутское населеніе окрестной страны было вооружено ружьями Генри-Мартини, раздѣлено на отряды и росписано по участкамъ. Орудія были только въ центральномъ редутѣ. Доступы оказались весьма затруднительными столько же вслѣдствіи крутыхъ подъемовъ, заросшихъ густымъ и мелкимъ дубовымъ кустарникомъ, сколько и отъ полного отсутствія всякихъ тропъ и глубокихъ снѣжныхъ заносовъ.

Одно время Лѣшанинъ предполагалъ воспользоваться высотами Бачи-главы, чтобы дѣйствовать своею многочисленною артиллеріею по непріятельской позиціи; но, когда сдѣланная попытка обнаружила недѣйствитель-

ность обстрѣливанія, онъ обратилъ свое вниманіе на правый флангъ расположенія противника, чтобы какъ можно скорѣе войти въ связь съ Дунайскою дивизіею, составлявшею правую колонну Тимочскаго корпуса, который наступалъ на сообщенія Гафиза-паши ущельями и дебрями Арнаутлука со стороны Лесковца. Съ этою цѣлью онъ развернулъ предъ фронтомъ Самаковской позиціи Ибарскую дивизію для демонстрацій и наблюденія, а съ Моравскимъ сталъ наступать вверхъ по правому берегу р. Кочаницы. 11-го января онъ успѣлъ упрочить за собою новую мѣстность, 16-го числа съ боя овладѣлъ выгодными высотами, на которыхъ расположилъ батареи, а 17-го продолжалъ наступленіе для облегченія движенія Дунайской дивизіи. На встрѣченныя препятствія въ природныхъ свойствахъ страны, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ суроваго времени года, густые туманы, смѣнявшіеся снѣжными метелями, и постоянныя тревоги отъ непрерывныхъ неожиданныхъ нападеній арнаутовъ, прекрасно знавшихъ мѣстность, принудили его не только остановиться, но и дать предписаніе Дунайской дивизіи повернуть вправо и прямо слѣдовать на соединеніе съ Моравскимъ корпусомъ. Признавая дальнѣйшее наступленіе къ Преполлацкому перевалу въ обходъ Самаковскихъ укрѣпленій для себя слишкомъ рискованнымъ, онъ, наконецъ, рѣшается на атаку непріятельскихъ позицій. 19-го и 22-го января сербскія колонны штурмуютъ многочисленныя окопы засѣвшего на горѣ противника; частныя успѣхи даютъ имъ возможность грозить уже центральному укрѣпленію; и всетаки сербы принуждены въ концѣ концовъ отступить. Полученное въ ночь на 23-е января, извѣстіе о заключеніи перемирія застаётъ обѣ стороны въ ихъ почти первоначальномъ расположеніи.

Такимъ образомъ три сербскія дивизіи, т. е. чуть не половина активныхъ силъ сербской арміи, двинутой впередъ, послѣ ряда одержанныхъ успѣховъ, для занятія возможно большаго пространства непріятельской территоріи, были парализованы Самаковскою позиціею. Ни самоотверженное мужество сербовъ, обогрившихъ своею кровью поля упорныхъ битвъ, ни энергія и опытность ихъ вождя, не могли сломить обороны значительно слабѣйшаго ихъ противника, въ высшей степени искуснаго въ защитѣ всякихъ мѣстныхъ предметовъ, тѣмъ болѣе такой прекрасной позиціи, какою была Самаковская. Сербы потеряли до тысячи человѣкъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими; но при излишней горячности они могли-бы понести еще болѣйшій уронъ, если-бы слѣпо упоретвовали въ своемъ намѣреніи овладѣть во что-бы то ни стало центральнымъ редутомъ. Поэтому было-бы несправедливо поставить въ вину полковнику Лѣшанину его благоразумную осторожность; причину-же неудачи слѣдуетъ искать въ самомъ распредѣленіи и направленіи войскъ.

Части Тимочскаго корпуса покинули окрестности Ниша между 2-мъ и 7-мъ числами января мѣсяца; около 10-го числа онѣ развернулись между селеніями Злата и Лебанъ въ верхнемъ бассейнѣ Пуста-рѣки и Яблоницы. На правомъ флангѣ расположилась Дунайская дивизія, имѣвшая назначеніемъ дѣйствовать въ связи съ Моравскимъ корпусомъ, въ центрѣ — Княжевацкое войско, получившее указаніе отъ полковника Хорватовича выйти въ тылъ Гафиза-паши на Преполацикій перевалъ, на лѣвомъ флангѣ — войска Крайны, долженствовавшія наступленіемъ долиною р. Медвѣдъжй грозить самой Приштинѣ. Разброска войска соотвѣтствовала поставленной корпусу цѣли очистить проходимое пространство отъ

враждебнаго арнаутскаго населенія. Главная роль была предоставлена Княжевацкому войску, которое угрозою отрѣзать путь отступленія туркамъ черезъ Преполацкій переваль должно было вмѣстѣ съ Дунайскою дивизіею содѣйствовать Моравскому корпусу сломить сопротивленіе Гафиза-паши. 11-го января Хорватовичъ былъ непосредственно подчиненъ Лѣшанину.

Страна, въ которой Тимочскому корпусу приходилось дѣйствовать, была такъ труднодоступна, что оставалась совершенно неизвѣстною. На картахъ были означены дороги долиною Пуста-рѣки въ Куршумлэ и долиною р. Медвѣджи въ Приштину по распроснымъ свѣдѣніямъ, скорѣе по догадкамъ, вырисовывался горный массивъ по водораздѣльнымъ линіямъ, случайно наносились селенія по приблизительному ихъ мѣсторасположенію; но о дѣйствительныхъ свойствахъ страны, ея народонаселеніи и средствахъ имѣлись самыя смутныя понятія. Изъ трехъ колоннъ Тимочскаго корпуса, направленныхъ въ эти гористыя пространства обрывистыхъ кручъ, дикихъ дебрей и враждебнаго населенія, гдѣ неосторожный шагъ могъ стоить жизни, а движеніе требовало неимоверныхъ усилій, вполнѣ выполнила свое назначеніе только одна средняя, Княжевацкаго войска. Пять сутокъ она употребила для трудной борьбы съ природой на такомъ разстояніи, которое легко могла-бы пройти въ одинъ переходъ при другихъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ и существованіи сносной дороги. 17-го января она все таки была на вершинахъ Мрдаръ-планины, имѣя у ногъ своихъ къ сѣверу ущелье р. Кочаницы, а къ югу долину Дубницы, лѣваго притока р. Лаба. Утвердившись на перевалѣ, она не считала своевременнымъ тотчасъ же отрѣзывать единственный путь отступленія Гафиза-паши и потому не спѣшила занимать Преполацкую до-

рогу, а спустилась немного по южнымъ склонамъ, чтобы причиненнымъ переполохомъ въ долину Лаба, содѣйствовать къ поспѣшному очищенію турками Самаковской позиціи. 20-го числа она имѣла удачную стычку съ непріятелемъ у селенія Шайновцы, но своимъ успѣхомъ не могла воспользоваться, дабы не потерять выгодной позиціи на перевалѣ, при движеніи въ этомъ направленіи турокъ отъ Самакова. Дунайская дивизія, составляя правую колонну и двигаясь черезъ Петровугору, сел. Механу и сел. Прекорадію, на столько запоздала, что только 18-го числа подошла къ Механѣ, откуда была повернута полковникомъ Лѣшанинымъ на соединеніе съ Моравскимъ корпусомъ. 19-го января она достигла сел. Дедины и вошла въ общій составъ войскъ, дѣйствовавшихъ непосредственно противъ Самаковской позиціи. Лѣвая колонна, составленная изъ войскъ Крайны, подвигалась впередъ чрезвычайно медленно и только 21-го числа поднялась на Мрконскія высоты, гдѣ имѣла стычку близъ сел. Македонцы въ долину р. Медвѣлжи. Въ этомъ положеніи находились части Тимочскаго корпуса, когда полковникъ Хорватовичъ, въ 8-мъ часовъ утра 23-го января, получилъ сообщеніе о заключенномъ 19-го января перемиріи.

Изъ этого краткаго очерка дѣйствій двухъ сербскихъ корпусовъ видно, что, возложенныя штабомъ на нихъ сербской арміи, задачи были ими выполнены разумно и добросовѣстно, что, только благодаря энергичной распорядительности мужественнаго Хорватовича, колонны Тимочскаго корпуса не сбились съ даннаго имъ направленія, не остановились предъ трудностями пути, а настойчиво подвигались впередъ, что только даровитый и храбрый до самоотверженія Марковичъ могъ довести свое Княжевацкое войско до указанной цѣли и смѣло занять

позицію въ тылу войскъ Гафиза-паши; но что самыя задачи не соотвѣтствовали обстановкѣ и только поэтому не было достигнуто никакихъ положительныхъ результатовъ.

Шумадійскій корпусъ двинулся по своему назначенію двумя эшелонами: 4-го января выступила его 2-я дивизія, а 5-го — 1-я дивизія и корпусный штабъ. 6-го всѣ части корпуса сосредоточились въ окрестностяхъ Лесковца.

Имѣя въ виду, что дальнѣйшій путь наступленія по прекрасному шоссе лежитъ на протяженіи почти 25 верстъ по Грделицкому ущелью, въ которомъ два раза переходить по каменнымъ мостамъ р. Мораву, у хановъ Грделицы и Джевы, что затѣмъ другой путь наступленія къ Враньѣ, слѣдующій ущельемъ р. Вѣтерницы черезъ с. Дреновацъ, представляетъ всѣ трудности горной тропы, командиръ корпуса, генераль Белимарковичъ, распредѣлилъ всѣ подчиненныя ему части на слѣдующія три колонны. Лѣвая колонна, полковника Влайковича, предполагалась для дѣйствій по высотамъ праваго берега Моравы и была составлена изъ 2-хъ баталіоновъ добровольцевъ, нѣсколькихъ сотенъ народнаго ополченія и 3-хъ горныхъ орудій ¹⁾. На среднюю колонну, полковника Никифора Іовановича, въ составъ которой вошла вся 1-я дивизія, было возложено выполненіе главной задачи атаки непріятельской позиціи у входа въ ущелье. Правая колонна, полковника Любоміра Іовановича, направленная въ обходъ по долинѣ р. Вѣтерницы, состояла изъ 2-й дивизіи, за исключеніемъ Рудничской бригады и полевой артиллеріи,

¹⁾ Два Пожаревацкіе баталіона, бывшіе въ составѣ Власотинскаго отряда, принимали участіе въ дѣлахъ только въ первые дни, послѣ чего были отправлены на присоединеніе къ своему корпусу.

образовавшихъ резервъ средней колонны, и горной батареей, откомандированной въ лѣвую колонну. Такимъ образомъ, главная масса войскъ генераломъ Белимарковичемъ была сосредоточена между Лесковцемъ и Грделицей, по лѣвому берегу Моравы.

Отдавъ себѣ отчетъ въ общемъ положеніи дѣла, Белимарковичъ уже 8-го января бросаетъ среднюю колонну на непріятельское расположеніе по высотамъ праваго берега р. Копашницы, а на слѣдующій день, не давая опомниться оттѣсненному противнику, ведетъ удачную атаку на Грделицкій ханъ. Угрожаемые обходными отрядами, направленными къ Джево-хану и Владыко-хану, турки поспѣшно очищаютъ затѣмъ все Грделицское ущелье, которое такимъ образомъ безъ особыхъ жертвъ достается побѣдителямъ. Къ 16-му января, всѣ войска подъ непосредственною командою самого корпуснаго командира, сосредоточиваются въ окрестностяхъ с. Прибоя, имѣя авангардъ у с. Мазуратья и Колубарскій баталіонъ откомандированнымъ на соединеніе съ правою колонною, движеніе которой нѣсколько замедлилось вслѣдствіе встрѣченныхъ на пути затрудненій.

Колонна Любоміра Іовановича достигла ущелья р. Вѣтерницы еще 9-го числа, слѣдующіе два дня употребила на рекогносцировки горныхъ ущелій своего раіона и только 12-го выдвинула впередъ отрядъ охотниковъ на поддержку своей кавалеріи, достигшей безъ помѣхи с. Паляницы. 15-го начальникъ колонны съ 3-мя баталіонами и горною батареею самъ достигаетъ верховій р. Вѣтерницы, оставивъ остальные части отряда позади для обезпеченія своего сообщенія отъ нападеній арнаутскихъ партій.

Между тѣмъ произведенная рекогносцировка на главномъ пути обнаружила расположеніе турокъ на позиціи,

спѣшно приводившейся въ оборонительное состояніе. Было очевидно, что турки рѣшились остановить наступленіе сербовъ и не дать имъ безъ боя овладѣть Враньею. Правымъ флангомъ они заняли возвышенность Два-брата и упирались въ р. Мораву, центръ расположили по высотамъ Ранутоваца и Червенолуга, лѣвый ихъ флангъ занималъ вершины Крстаца и Плашковицы, контрфорсы главнаго водораздѣльнаго крыжа. Позиція была-бы весьма выгодною, если-бы не слишкомъ большая ея растянутость, до 6-ти верстъ, и не обрывистые овраги, раздѣлявшіе лѣвый флангъ отъ центра и Плашковицкія высоты отъ Крстаца. Возвышенность Кумарево, расположенная на правомъ берегу Моравы и не занятая турками, къ тому-же командовала большою частью ихъ позиціи.

На 18-е число была назначена атака турецкой позиціи, для чего съ вечера 17-го Смедеревская бригада развернулась по обѣ стороны Моравы, занимая на правомъ берегу 2-мя баталіонами при 2-хъ орудіяхъ высоту Кумарево, а остальными частями возвышенности впереди с. Мѣщаницы на лѣвомъ берегу; Бѣлградская бригада заняла позицію вправо отъ Смедеровской, на правомъ флангѣ расположились добровольческіе баталіоны, двѣ полевыя батареи заняли позицію по обѣимъ сторонамъ шоссе, одинъ баталіонъ выдвинулся для охраны моста въ Егри-паланку. Рудничская бригада расположилась сосредоточенно за сел. Мощаницей въ главномъ резервѣ. Наступленіе было назначено въ полдень; но турки предупредили его своею атакою, еще въ началѣ одиннадцатаго часа выдвинувъ свою кавалерію, а затѣмъ направивъ впередъ густыя цѣпи стрѣлковъ и арнаутовъ. Въ то время какъ наступающій осыпался снарядами съ фронта и продольно съ Кумаровскою высоты, какъ

выдвигались на позицію батареи и пѣхотныя подкрѣпленія изъ резерва, весь боевой порядокъ сербовъ перешелъ въ наступленіе, закрывъ свои батареи и тѣмъ облегчивъ временный успѣхъ турокъ, отгѣснившихъ центръ и занявшихъ высоту Камень на правомъ флангѣ сербской позиціи. Усиленные за р. Брезницей свѣжими частями Рудничской бригады и воспользовавшись теперь превосходствомъ своей артиллеріи въ полной мѣрѣ, сербы, около 5-ти часовъ пополудни, вновь перешли въ одно-временное наступленіе на всѣхъ пунктахъ и не только опрокинули турокъ, но безостановочно гнали ихъ до самой Враньи, которая въ ночь была очищена непріателемъ безъ боя. Вышедшій въ тылъ турецкаго расположенія, отрядъ 2-й дивизіи принялъ въ бою самое дѣятельное участіе и способствовалъ взятію въ плѣнъ всего лѣваго фланга турокъ, расположеннаго на крутыхъ вершинахъ Плашкивицы. Успѣхъ сербовъ былъ полный. Они сломили сопротивленіе почти равнаго въ силахъ противника, взяли 48 офицеровъ и 1685 чловѣкъ низама и редифа въ плѣнъ, а сами потеряли въ бою 354 чловѣка.

20-го числа были выдвинуты авангарды по дорогамъ въ Куманово и Приштину, 21-го былъ данъ отдыхъ войскамъ, а 22-го было получено извѣстіе о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Нѣтъ сомнѣнія, что при направленіи по шоссе двухъ корпусовъ, сила сопротивленія турокъ была бы парализована ранѣе, и сербы успѣли-бы занять несравненно большее пространство территоріи.

ХІІІ.

Окончаніе войны.

19-го января 1878 года военныя дѣйствія были прекращены. Уполномоченными враждующихъ сторонъ были одновременно подписаны актъ перемирія и предварительныя мирныя условія.

Для раіона сербскаго театра войны актъ перемирія устанавливалъ демаркаціонную линію, въ общихъ чертахъ широкою зоною въ пять километровъ поперечника, впереди Джумаи, Кюстендила, Враньи и Приштины, въ пятиверстномъ отъ нихъ разстояніи, оставляя первые три пункта въ распоряженіи войскъ русскихъ и сербскихъ, а послѣдній—на турецкой сторонѣ. Продолжаясь далѣе на селеніе Любче, демаркаціонная линія сливалась затѣмъ съ границею Ново-базарскаго санджака, вмѣстѣ съ которою достигала вершинъ Копаоника. Всѣ части войскъ воюющихъ сторонъ, которыя оказались-бы за предѣлами демаркаціонной линіи, должны были въ трехдневный срокъ отойти назадъ.

Такимъ образомъ условія перемирія, обошедшаго молчаніемъ всю остальную часть границы Сербіи, отнимали надежду на крупныя территоріальныя пріобрѣтенія къ сторонѣ Черногоріи; затѣмъ, казалось, предрѣшали включеніе Враньи въ составъ княжества и ос-

тавляли вопросъ о частномъ разграниченіи между Болгаріею и Сербіею на добровольное соглашеніе сосѣдей.

Какъ ни тяжело было сербамъ примириться съ дѣйствительностью, далеко не отвѣчавшею страстнымъ мечтамъ; тѣмъ не менѣе винить было некого, такъ какъ вождѣнное Коссово-поле осталось на горизонтѣ сербскаго театра войны, благодаря собственнымъ ошибкамъ.

Общіе результаты войны были всетаки громадны. Если на Балканскомъ полуостровѣ еще не закончивалось великое дѣло строенія политическихъ организмовъ, въ самостоятельныхъ условіяхъ религіи и племени; то нужно сознать, что въ фундаментъ этого зданія клался послѣдній камень, и выдвигался на сцену другой жизненный вопросъ ихъ развитія во взаимно-охранительной федеративной связи. Было чрезвычайно важно, съ самаго же начала, выяснить въ опредѣленной формѣ, что общіе интересы какъ всѣхъ государствъ Балканскаго полуострова, такъ и единовѣрной имъ Россіи, заключаются въ обезпеченіи приумноженія ихъ союзной силы, и что на сколько необходимо имъ существованіе могущественной Россіи, на столько же и послѣдней несомнѣнно полезенъ естественный союзъ балканской федерации. Было чрезвычайно важно, съ самаго же начала, достигнуть такого соглашенія государствъ полуострова, которое исключило бы возможность взаимнаго между ними соперничества и вражды и устанавливало бы за нами нравственный авторитетъ высшей апелляціонной инстанціи. Соображая общую обстановку, при которой окончилась война, можно было ожидать, что, сведя наши бранные счета съ турками, мы озаботимся въ то же время созваніемъ уполномоченныхъ мѣстныхъ народностей для совершенія политическаго акта феде-

раціи и полюбовнаго раздѣла территорій въ справедливыхъ предѣлахъ этнографическихъ и экономическихъ условій и права завоеванія. Такой актъ былъ необходимъ для установленія, съ одной стороны, отношенія Россіи къ новому порядку вещей, а съ другой — соотношеній государствъ федераціи между собою.

Опредѣленная актомъ перемирія демаркаціонная линія должна была быть установленною на мѣстѣ особою комиссіею изъ сербскихъ и турецкихъ офицеровъ, при участіи въ ней русскаго уполномоченнаго. Только въ началѣ феврала получилъ я копію съ акта, мое назначеніе въ комиссію разграниченія и предложеніе къ немедленному собранію военныхъ делегатовъ обѣихъ сторонъ. Мѣстомъ сбора я назначилъ Вранью, а время собранія 10-е феврала. Въ составъ комиссіи вошли: подполковникъ Мустафа-бей, маіоръ Измаиль-ефенди и капитанъ-врачъ Коніярскій — по назначенію дивизіоннаго генерала Ассафа-паши, подполковникъ Сали-бей и маіоръ-врачъ Маскаръ-бей — по назначенію дивизіоннаго генерала Гафиза-паши, это съ турецкой стороны; со стороны же сербской были назначены: полковникъ Любомиръ Іовановичъ, маіоры Петровичъ, Велимировичъ и Франасовичъ. Руководствуясь постановленіями акта, мѣстная комиссія установленія демаркаціонной линіи не могла, однако, не сообразовать своей работы съ взаимнымъ расположеніемъ войскъ и военнымъ значеніемъ мѣстныхъ предметовъ и потому, въ своемъ протоколѣ ¹⁾

¹⁾ Протоколъ мѣстной комиссіи разграниченія установилъ нижеслѣдующее направленіе демаркаціонной линіи. Начинаясь отъ Аризваницы-врха, линія переходила р. Струму по мосту у Трака-хана, продолжалась гребнями Легко-врха, Свегро-планины, Гитки, Карвена-ябуки, пересѣкала Кюстендильское шоссе у селенія Скакавицы, черезъ сел. Дрешново под-

отъ 13-го февраля, включила въ районъ сербскаго расположения часть долины р. Марицы до Кончульскаго ущелья, на всемъ остальномъ пространствѣ слѣдуя непосредственнымъ указаніямъ акта о перемиріи.

19-го февраля заключенъ Санъ-Стефанскій мирный, опять предварительный договоръ, по которому граница Сербіи, слѣдуя тальвегомъ р. Дрины и оставляя княжеству Малый Зворникъ и Сакаръ, совпадала далѣе съ прежними предѣлами до истоковъ р. Дежевы, откуда по послѣдней рѣкѣ достигала р. Рашки, поднималась вверхъ по теченію до селеній Мекинье и Терговиште, которыми черезъ Божуръ-планину сходила въ долину р. Ибара, этою рѣкою спускалась къ р. Ситницѣ, по которой переходила на Лабъ и ручьемъ Батинце всходила на Грапашницу-планину. Пройдя водораздѣльнымъ хребтомъ между рѣками Крива и Вѣтерницей, новая граница кратчайшею линіею направлялась въ долину послѣдней къ устью Міовачьскаго ручья, поднималась вверхъ по его теченію и пересѣкала Міовачку-планину, чтобы спуститься къ р. Моравѣ у с. Калиманцы. Р. Моравою граница сходила до р. Власины, затѣмъ направлялась по этой послѣдней, затѣмъ рѣчкой Любораджай, ручьемъ

нималась на Дунавицкую возвышенность, слѣдовала по гребню Модра-главы до рѣчки Пшини, которую переходила въ пяти километрахъ къ сѣверо-западу отъ сел. Терговиште и поднималась на хребетъ Св. Ильи, которымъ продолжалась на Руенъ и Вильячъ-ханъ, по ручью всходила на Кара-дагъ, совпадала съ главнымъ гребнемъ этихъ горъ до р. Моравы, которую пересѣкала въ трехъ километрахъ выше по теченію отъ сел. Кончула, какъ разъ посрединѣ ущелья. Отсюда демаркаціонная черта поднималась по контрфорсу, между рр. Тернавы и Крива, далѣе переходила на Гольякъ-планину и Грапашницу, у сел. Любче пересѣкала р. Лабъ и совпадала наконецъ съ границею санджака до Суво-Рудиште или Копаоника.

Кукавицей, переходила Сува-планину, спускалась по р. Врило къ Нишавѣ, продолжалась послѣднею до с. Крупацъ, а отсюда кратчайшимъ направлѣніемъ соединялась съ прежнею государственною границею. Договоръ указывалъ далѣе, что турецко-сербская комиссія, съ участіемъ въ ней русскаго комиссара, установить на мѣстѣ окончательную граничную черту, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и окончательно же рѣшить вопросы объ островахъ на р. Дринѣ. Въ работахъ комиссіи приметъ участіе болгарскій уполномоченный, когда предметомъ ея занятія будетъ граница между Сербіею и Болгаріею.

Такимъ образомъ въ Санъ-Стефано не только вошли въ разсмотрѣніе съ турками сербо-болгарской границы, но и оставлены внѣ сербскихъ предѣловъ, добытые сербскимъ мечемъ, Акъ-паланка, Пиротъ и Вранья. Это рѣшеніе было въ особенности неожиданно въ отношеніи послѣдняго пункта, только что отданнаго сербамъ по опредѣленію акта о перемиріи. Какъ-бы въ возмѣщеніе территоріи, занятой сербскими войсками и отрѣзываемой теперь въ пользу болгарскаго княжества, Санъ-Стефанскій договоръ обѣщаль Сербіи важное пространство Ново-базарскаго санджака съ Ново-базаромъ, Митровицею и выгоднѣйшею позиціею на возвышенности Рогозны единственно-удобнаго пути сообщенія Босніи съ Македоніею. Но если громадное значеніе присоединенія Ново-базарскаго округа къ Сербіи не только нами сознавалось, но и признавалось необходимымъ осуществить на дѣлѣ; то почему-же актъ перемирія не отдавалъ во власть сербовъ важнѣйшіе пункты страны, Ново-базара и Митровицу, но напротивъ принуждалъ сербскія войска къ очищенію въ трехдневный срокъ всей занятой ими полосы по ту

сторону границы. Постановленія акта о перемиріи было необходимо выполнить немедленно, тогда какъ статьи Санъ-Стефанскаго договора выражали желанія болѣе платоническаго характера, яко-бы обязательныя для турокъ. Быть можетъ было-бы практичнѣе закрѣпить за Сербіею мирнымъ договоромъ то пространство верхней долины р. Моравы, которое было оставлено въ распоряженіи сербскихъ войскъ комиссіею проведенія демаркаціонной линіи. Възвѣсивая всѣ данныя создаваемой для Сербіи обстановки, становится понятнымъ то неудовольствіе, съ которымъ былъ встрѣченъ сербами Санъ-Стефанскій договоръ.

Вообще было весьма трудно отдать себѣ точный отчетъ въ нашихъ дипломатическихъ намѣреніяхъ того времени относительно сербскаго княжества. Можно было предполагать, что мирныя условія, заключенныя одновременно съ прекращеніемъ войны, послужатъ базою для окончательнаго мирнаго договора, и что, соглашенныя съ интересами нашихъ союзниковъ, онѣ выльются въ самую рѣшительную и безповоротную форму, которая только одна и могла сообщить устоячивость вновь созданному порядку вещей. Всѣ совершенные нами въ то время политическія акты что-нибудь да вырывали отъ Сербіи изъ тѣхъ земельныхъ приобрѣтеній, которыми она уже на самомъ дѣлѣ владѣла по праву завоеванія, и на которыя она смотрѣла, какъ на свое законное достояніе. Актъ перемирія ей предписалъ очистить всѣ земли, занятыя по ту сторону южной границы; Санъ-Стефанскій договоръ отрывалъ отъ нея въ пользу болгарскаго княжества лучшую и большую часть изъ ея завоеваній, проблематически обѣщаясь вознаградить надѣлами изъ Старой Сербіи. Но могли-ли сербы питать довѣріе къ послѣднему обѣщанію, когда изъ нашего-же

заявленія видѣли, что обязательство выполнить его мы болѣе на себя не принимали, и въ то же время получали настоянія немедленно очистить все еще занимаемые ими участки земли въ Ново-базарскомъ санджакѣ¹⁾.

Ничто болѣе не удерживало князя Милана на театрѣ только что оконченной войны, и потому отъѣздъ нашъ въ Бѣлградъ былъ назначенъ въ экипажахъ до Смедерева, а оттуда на пароходѣ „Делиградъ“ по Дунаю въ княжескую резиденцію. Переѣздъ былъ сдѣланъ въ два дня съ ночлегомъ, если не ошибаюсь, въ Ягодинѣ. Дорогою я былъ свидѣтелемъ торжественныхъ встрѣчъ, устроенныхъ по пути побѣдоносному вождю сербскаго воинства. Почти у каждаго попутнаго населеннаго мѣста была устроена триумфальная арка, увитая гирляндами лентъ и украшенная флагами національных цвѣтовъ, между прочимъ съ надписями въ честь Царя-Освободителя. Тутъ-же встрѣчали князя депутаціи, говорились привѣтственные рѣчи и пѣлись побѣдные гимны. Большинство привѣтствій несомнѣнно свидѣтельствовало о высокомъ подъемѣ народнаго духа; но онѣ едва выслушивались всегда торопившимся княземъ, рѣдко отвѣчавшимъ на привѣтъ полусловомъ, а чаще обрывавшимъ сельскихъ ораторовъ на срединѣ фразы. Выказываемое нетерпѣніе однако вовсе не составляло основной черты характера князя Милана, и только свидѣтельствовало о пренебреженіи, съ которымъ князь относился къ своимъ сельскимъ подданнымъ. Наибольшее дѣятельное участіе въ депутаціяхъ принимала народная школа, учителя которой отличались особымъ витѣва-

¹⁾ Телеграммы отъ 2 и 25 февраля.

тымъ краснорѣчіемъ. Традиціонныя героическія пѣсни, иногда вновь сложенные на послѣднія событія, распѣвались школьниками подѣ управленіемъ тѣхъ-же учителей. Священство какъ будто ступевалось. Во все время моего пребыванія въ Сербіи, я постоянно ощущалъ недостатокъ участія священнослужителей въ общественныхъ событіяхъ. Привыкнувъ у себя на родинѣ къ обычаю всякое дѣло начинать молитвою и съ благословенія служителя церкви, мнѣ казалось страннымъ или слишкомъ оффиціальное отношеніе духовенства въ торжественномъ молебствіи въ Бѣлградскомъ кафедральномъ соборѣ, или почти полное его отсутствіе. Сколько я могъ замѣтить, особой вины въ томъ сербскаго духовенства не было. Это во всякомъ случаѣ печальное обстоятельство можетъ быть объяснено слишкомъ большимъ увлеченіемъ сербовъ государственною политикою, не безъ ущерба народной нравственности, съ одной стороны; а съ другой слабымъ значеніемъ въ ней сельскаго духовенства. Сербы не должны забывать, что у нихъ, какъ въ Россіи, Болгаріи и другихъ православныхъ государствахъ, православіе должно служить началомъ культуры. Забвеніе этой основной мысли каждый разъ приводило къ слишкомъ плачевнымъ результатамъ, чтобы о ней не памятовать во всѣхъ положеніяхъ государственной жизни.

Къ сожалѣнію самъ князь не служилъ добрымъ примѣромъ своею набожностью. Онъ вспоминалъ о существованіи церкви только въ самыхъ крайнихъ оффиціаль-ныхъ случаяхъ. Хорошо помню, какъ въ Смедерево, проносясь мимо церкви, я вдругъ увидѣлъ на ея паперти духовенство, съ крестами и хоругвями вышедшее въ праздничномъ облаченіи на встрѣчу своему князю.

„Ваша свѣтлость! крестный ходъ“, поспѣшно обратился я къ князю, „Ямщикъ сворачивай къ церкви“.

„Оставьте ихъ въ покоѣ“, равнодушно отвѣтилъ князь „насъ ждутъ на пароходной пристани, а они только отнимутъ отъ насъ не мало времени“.

Мнѣ кажется, что даже князь не мало былъ удивленъ моею настойчивости, и только тогда рѣшился сдѣлать по моему, когда я уже вышелъ изъ экипажа, направляясь къ церкви ¹⁾...

Встрѣча князя на разукрашенномъ „Делиградѣ“ министерствомъ и народнымъ представительствомъ была весьма парадна. Слѣдовавшія одна за другою, привѣтствія и рѣчи дышали глубокою любовью къ родинѣ и искреннею преданностью государю. Общее настроеніе было проникнуто возвышеннымъ сознаніемъ важности переживаемой исторической эпохи. Всѣ помыслы, казалось, очистились отъ мелкихъ эгоистическихъ интере-

¹⁾ Одно обстоятельство, случившееся въ это-же время нашего возвращенія въ Вѣлградъ, подало мнѣ поводъ заинтересоваться отношеніями, существовавшими между княземъ и княгинею. Во время остановки на полпути, разговоръ между прочимъ коснулся прекрасной русой бороды, которую князь успѣлъ отгнать во время войны. Борода скрывала громадный подбородокъ, сильно портившій вообще красивыя черты его лица. Я замѣтилъ, что онъ сдѣлалъ-бы хорошо, если-бы оставилъ на всегда бороду и болѣе ее не сбиралъ.

„Я уже объ этомъ думалъ“, отвѣчалъ князь, „но едва-ли на это согласится княгиня“.

„Не можетъ быть, чтобы княгиня не согласилась“ протестовалъ я. „Всѣ единогласно находятъ, что ваша внѣшность съ бородой чрезвычайно выигрышаетъ. Поручите мнѣ веденіе переговоровъ съ ея свѣтлостью и только выдержите въ теченіе нѣсколькихъ дней не брить бороды, пока я буду имѣть возможности испытать мое краснорѣчіе“.

„Охотно принимаю предложеніе и искренно буду радъ успѣху вашего предпріятія, въ которомъ я, однако, сильно сомнѣваюсь“.

Казалось, что князь дѣйствительно на столько успѣлъ привыкнуть къ своей красивой бородѣ, что предпочелъ-бы съ нею не разставаться,

совъ и олицетворялись теперь благими стремленіями на пользу Сербіи въ лицѣ князя Милана. Едва-ли кто-либо изъ всей династіи Обреновичей находился на одинаковой нравственной высотѣ. Свѣтлый, солнечный день содѣйствовалъ всеобщему ликованію.

По мѣрѣ приближенія „Делиграда“ къ Бѣлграду, оваціи возрастали. Послѣдовавшій на открытой палубѣ обѣдъ сопровождался новыми рѣчами и тостами. Музыка гремѣла побѣдными маршами; съ берега доносились радостные клики народнаго *живо*; съ пришедшихъ на встрѣчу князю частныхъ пароходовъ раздавались восторженные привѣтствія. Наконецъ показался Бѣлградъ. Масса трехцвѣтныхъ флаговъ, украшавшихъ городскія зданія и слабо колыхавшихся въ тишинѣ наступавшихъ сумерекъ, придавали необыкновенную торжественность развертывавшейся предъ нашими глазами грандіозной волшебной картинѣ. Вотъ ударилъ соборный колоколъ, взвились надъ крѣпостью бѣлые дымки, и привѣтственный громъ пушечныхъ выстрѣловъ, подъ акомпанементъ православнаго, церковнаго благовѣста, пронесся по поверхности многоводнаго Дуная. Не ус-

если-бы не боялся причинить этимъ неудовольствія своей супругѣ. Припоминая нѣжную заботливость княгини Наталіи, выражавшуюся и трогательными проводами князя Милана на войну, и частыми ея присылками своему супругу различныхъ предметовъ на театръ военныхъ дѣйствій, оставалось только любоваться и радоваться сердечнымъ отношеніямъ брачной четы сербскаго престола.

Что-же могло значить, когда на торжественномъ богослуженіи слѣдующаго дня въ соборѣ князь Миланъ уже былъ безъ бороды!.. что на него имѣетъ громадное вліяніе княгиня Наталія? Былъ поводъ предполагать, что такъ думала сама княгиня до тѣхъ поръ, пока грустныя событія не разбили вскорѣ ея иллюзій и не обнажили безпощадной дѣйствительности, что супругъ цѣнилъ въ ней только красивую внѣшность.

плѣть пароходъ повернуть въ Саву, какъ несмѣтная толпа, покрывавшая берегъ, значительно возвышающійся здѣсь надъ сліяніемъ двухъ рѣкъ, съ громкими криками бросилась къ пароходной пристани, на встрѣчу своему князю. Первою, встрѣтившею сошедшаго на берегъ князя Милана, была княгиня Наталія.

Сердечный характеръ народныхъ встрѣчъ, при возвращеніи князя съ театра войны, несомнѣнно свидѣтельствовалъ о высокихъ качествахъ сербскаго народа, ставившаго общее благо выше личныхъ симпатій. Подъемъ духа у сербовъ дѣйствительно былъ необыкновенно высокъ. Они ликовали отъ чистаго сердца общему торжеству креста надъ исламомъ, успѣху своего оружія, своей полной самостоятельности, освобожденію своихъ братьевъ изъ подъ иноплеменнаго и иновѣрнаго ига. Неудачи въ подробностяхъ не отравляли ихъ радостнаго настроенія. Въ жизни народовъ такія минуты составляютъ рѣдкія историческія эпохи, отъ которыхъ ведутся новыя лѣтосчисленія. Но князь Миланъ не былъ на высотѣ событій. Преслѣдуя во всемъ свои личные интересы, онъ былъ не способенъ слиться даже съ такимъ общественнымъ дѣломъ, которое воплощало въ себѣ его исключительный эгоизмъ. Въ минуту всеобщаго воодушевленія нравственнымъ, государственнымъ идеаломъ, воодушевленія, соединившаго пока всѣ политическія партіи въ одну общую сербскую семью, князь Миланъ уже мрачно всматривался въ толпу, выглядывая своихъ личныхъ враговъ. Болѣзненная подозрительность и, до крайности доведенная, недовѣрчивость уже успѣли сковать, богатая отъ природы, его способности и вмѣсто энергической дѣятельности, вызываемой временемъ, обречь его самого на самое гнетущее духъ бездѣйствіе.

Предоставивъ общія заботы текущаго управленія государствомъ Ристичу съ министрами и уполномочивая генерала Протича въ Нишѣ по всеѣмъ вопросамъ военнаго характера и приведенію народнаго войска на мирное положеніе, князь Миланъ опочилъ на лаврахъ, разнообразя свою монотонную жизнь поѣздками на охоту со всегдашнимъ своимъ спутникомъ, германскимъ генеральнымъ консуломъ, графомъ де-Брей, да изученіемъ слѣдственныхныхъ протоколовъ, въ массѣ возбужденныхъ имъ, частныхъ преслѣдованій по оскорбленію величества и будто-бы государственной измѣнѣ.

XIV.

Послѣ войны.

Бранныя тревоги стихли, но государственное дѣло еще далеко не было окончено. Отсутствие предварительной разработки общаго плана дѣйствія, затруднившее достиженіе положительныхъ результатовъ одновременно съ окончаніемъ военныхъ операцій, налагало теперь на главныхъ дѣятелей событій тяжелыя обязанности дополненія и исправленія въ свое время не сдѣланнаго, или направленнаго по ложному пути. Было необходимо вооружиться мужествомъ, не поддаваться обаянію одержанныхъ надъ врагомъ блистательныхъ побѣдъ, памятуя, что сама по себѣ война есть зло, которое въ извѣстныхъ только случаяхъ нужно претерпѣвать для достиженія высшихъ государственныхъ цѣлей. Опытъ прежнихъ лѣтъ долженъ былъ насъ предостеречь, что не разъ намъ уже удавалось наносить

Портъ Оттоманской рѣшительныя пораженія, но что полученные затѣмъ результаты, при посредствующемъ вліяніи западно-европейскихъ державъ, почти никогда не соотвѣтствовали одержаннымъ успѣхамъ.

Съ пріобрѣтеніемъ полной политической самостоятельности, сербскому правительству было необходимо предусмотрительно озаботиться занятіемъ такого международного положенія, которое обезпечивало бы Сербіи возможность, хотя бы со временемъ, войти въ ея этнографическіе и естественные территоріальные предѣлы. Если для этого даже великія державы ищутъ союзниковъ и идутъ на компромиссы; то для такого сравнительно маленькаго государства, какимъ всетаки было сербское княжество, тѣмъ болѣе было важно своевременно взвѣсить всѣ условія обстановки и твердо установить себѣ направленіе и способы дѣйствія. Для рѣшенія вопроса не приходилось импровизировать, а только черпать историческіе факты въ богатомъ прошломъ Балканскаго полуострова и наставляться ими на благо сербской народности, въ интересахъ мирнаго развитія федеративной силы и мощнаго утвержденія православной культуры.

Какое бы окончательное направленіе не приняла, однако, государственная политическая программа, прежде всего нужно было озаботиться приведеніемъ въ порядокъ этой физической силы, съ помощью которой былъ достигнутъ успѣхъ на войнѣ и которая, главнымъ образомъ, должна была служить охраною неприкосновенности новаго порядка вещей. Было очевидно, что нестройныя толпы сербскаго милиціоннаго войска, одержавшія верхъ надъ слабымъ противникомъ, не будутъ въ состояніи выдержать серьезнаго натиска регулярной арміи и легко скомпрометируютъ только-что взлетѣвшее надъ Дунаемъ

государственное знамя самостоятельной и независимой сербской народности. Поэтому было необходимо прежде всего заняться переустройством сербскихъ вооруженныхъ силъ на началахъ ихъ лучшей боевой подготовки. Недостатокъ средствъ и времени предъ надвигавшимися политическими событіями указывалъ необходимость неотложнаго сформированія изъ безпорочныхъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи молодыхъ людей особаго корпуса боевой готовности, силою по числу комплекта ружей системы Пибоди, съ артиллерійскими, кавалерійскими и инженерными частями, всего численностью до 50 т. человѣкъ.

На изложенныхъ основаніяхъ военнымъ министромъ, полковникомъ Саввою Груичемъ, былъ разработанъ проектъ реорганизаціи, на которую нужно было получить санкцію князя, чтобы приступить къ осуществленію ея на дѣлѣ.

„У меня такъ рѣдки теперь доклады у князя“, говоритъ мнѣ Груичъ, и „Его свѣтлость такъ всегда торопится, что я право не знаю, когда мнѣ удастся довести дѣло до благополучнаго конца. Между тѣмъ, чѣмъ скорѣе будетъ сформирована боевая сила, тѣмъ прочнѣе будетъ наше положеніе. Имѣя частые случаи видѣть князя, вы оказали-бы намъ не малую услугу, если бы успѣли выяснить ему всю важность предлагаемой мѣры“.

Я охотно принялъ на себя порученіе и на слѣдующій же день старательно разъяснялъ князю Милану всю суть дѣла.

„Да, да, это совершенно вѣрно, вы вполне правы, конечно такъ,“ подчеркивалъ князь мои разъясненія, „вы говорите, что докладъ будетъ представленъ Саввою, тѣмъ лучше, вопросъ тотчасъ же будетъ рѣшенъ“.

Изъ конака иду прямо къ Груичу съ отчетомъ. Черезъ три дня послѣ доклада, Груичъ заходитъ ко мнѣ. „Доложить не успѣлъ“, говоритъ „князь торопился и, въ виду важности затронутаго вопроса, отложилъ объясненія до вторника“. Наступаетъ наконецъ и вторникъ, но на докладъ Груича слѣдуетъ княжеская резолюція: „отправить докладъ генералу Протичу въ Нишъ на предварительное заключеніе“.

„Знаю я, что это такое“, замѣчаетъ Груичъ, „и если докладъ будетъ посланъ Протичу, ранѣе мѣсяца, а то и двухъ, отвѣта не получимъ“.

Являюсь къ князю, „Ваша свѣтлость желаете знать мнѣніе генерала Протича, но это затянетъ вопросъ на продолжительное время, тогда какъ главное достоинство предлагаемой мѣры заключается въ немедленномъ приведеніи ея въ исполненіе. Изъ 80-ти тысячъ, Вами призванныхъ во время войны въ ряды арміи, большая половина уже распущена по домамъ, такъ какъ содержаніе многочисленнаго народнаго войска было государству въ тягость, а польза отъ него не велика. Теперь весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы вмѣсто частей случайнаго физическаго и нравственнаго состава и возраста, различнаго вооруженія и снаряженія, нынѣ находящихся подъ ружьемъ, имѣть правильно организованный отборный корпусъ войскъ изъ лучшихъ людей страны, вполнѣ обмундированныхъ, снаряженныхъ и однообразно вооруженныхъ лучшимъ оружіемъ. Нынѣшнія части вооруженной толпы не могутъ имѣть серьезнаго военнаго значенія, тогда какъ съ корпусомъ предположеннаго состава и вооруженія придется считаться и не слабой арміи. Что-же во всемъ этомъ можетъ вызывать сомнѣнія вашей свѣтлости“?

„Я нисколько не сомнѣваюсь въ важномъ значеніи проектированной мѣры и вполне понимаю спѣшный ея характер“, торопится оправдать себя князь, „но я не хотѣлъ бы обидѣть Протича, до сихъ поръ сохраняющаго званіе начальника штаба арміи, и потому не желалъ бы оставлять его въ сторонѣ въ такомъ важномъ военномъ вопросѣ“.

„Вполнѣ признавая деликатность Вашей свѣтлости, я позволилъ бы себѣ при этомъ предложить личное соглашеніе военнаго министра съ генераломъ Протичемъ“, стараюсь я примирить упрямство князя съ интересомъ дѣла, „почему не разрѣшите-ли вы Груичу съѣздить въ Нишъ, или Протича вызвать въ Бѣлградъ на самый короткій срокъ. При объясненіи на словахъ соглашеніе потребуетъ двухъ, трехъ часовъ; тогда какъ рѣшеніе вопроса на бумагѣ вызоветъ проволочку времени въ нѣсколько недѣль и при всемъ томъ можетъ не устранить многихъ недоразумѣній“.

„На этомъ и остановимся“, рѣшаетъ князь, „при первой возможности я или Груича пошлю въ Нишъ, или Протича вызову сюда, такъ будетъ гораздо лучше, тѣмъ болѣе, что кромѣ настоящаго существуютъ еще и другіе вопросы, по которымъ будетъ полезно переговорить этимъ двумъ лицамъ, стоящимъ во главѣ военной администраціи“.

Казалось, что вопросъ былъ рѣшенъ и дѣло должно было рѣшиться въ теченіи недѣли. Но мнѣ это только такъ казалось. Въ дѣйствительности проектъ все-таки былъ отосланъ по приказанію князя Милана въ Нишъ, и дѣло кануло въ Лету.

Не оставалось сомнѣнія, что князю не желательна реорганизація, но почему? Важное значеніе ея было очевидно, недоразумѣнія не могло существовать. Сна-

чала я сомнѣвался, не есть-ли это реакція покоя послѣ усиленной непривычной дѣятельности и крайняго напряженія нервной системы; но, припомнивъ мелочныя обстоятельства, пріобрѣтавшія значеніе въ общей совокупности, я пришелъ къ убѣжденію, что княземъ руководятъ побужденія личной, эгоистической политики. Изъ разстроенныхъ частей предполагалось создать сильный боевой корпусъ, вполне способный къ активнымъ операціямъ, который-бы стоялъ на стражѣ въ начинавшійся періодъ международнаго улаженія государственныхъ интересовъ. Противодѣйствіе, очевидно, не могло идти со стороны православнаго Востока, государства котораго принимали большее или меньшее участіе въ войнѣ и сами стремились къ однородной съ Сербіею цѣли сложенія политическихъ организмовъ въ этнографическихъ и стратегическихъ предѣлахъ. Ревниво слѣдила за возрастающею силою княжества ея западная сосѣдка, носительница соперничающей культуры Рима, для промышленнаго и торговаго развитія которой было нужно хотя-бы нравственное поработаніе богатыхъ странъ Балканскаго полуострова и тѣсное соединеніе Босніи и Герцеговины съ ея долматинскимъ побережьемъ Адриатическаго моря. Больше чѣмъ вѣроятно, что сформированіе активнаго сербскаго корпуса въ ту минуту она приняла-бы за вызовъ, направленный въ ея сторону, и не преминула-бы раздуть въ серьезный вопросъ это обстоятельство, чтобы въ дѣйствительности только прикрыть благовиднымъ предлогомъ свое противодѣйствіе во всякомъ случаѣ всему тому, что клонилось-бы на пользу Сербіи. Исходя изъ такого предположенія, нужно было думать, что правительство князя Милана задалось задачею послѣдовательною дружбою съ востокомъ и западомъ извлечь для себя двойную

выгоду. Вопреки логикѣ событий и рѣзкимъ въ поучительномъ отношеніи примѣрамъ изъ сербской исторіи, княжеское правительство вступало на скользкій путь компромисовъ по такимъ предметамъ, которые были для того невозможны по внутреннему своему смыслу, принося въ жертву блестящему миру традиціонное единеніе сербской народности въ условіяхъ сложенія федеративной силы государствъ полуострова.

Такимъ образомъ, одинъ изъ ближайшихъ намъ по природѣ союзниковъ, въ первую-же минуту воплнѣ самостоятельной жизни, даже боится вооружиться, чтобы не прогнѣвить своего естественнаго соперника. Кривое прошлое его не научило, а у насъ не достало способности разъяснить, что обоюдные ихъ интересы, какъ сосѣдей, будутъ измѣряться равномерно только въ томъ случаѣ, когда за обѣими сторонами будутъ стоять равныя силы, и что его силы должны расти столько-же въ области сербской народности, сколько на почвѣ всеславянскаго союза. Если противоестественную политику шатанія усваивало правительство государства, годъ тому назадъ спасенное нами отъ разгрома турецкихъ войскъ и баши-бузуковъ; то что-же можно было ожидать отъ другихъ государствъ, одинаково намъ родственныхъ и близкихъ, но менѣе намъ обязанныхъ.

Было очевидно, что историческія обязанности наши, какъ могущественнѣйшей державы православія, какъ первенствующаго члена славянской семьи, какъ представительницы по наслѣдству отъ Византіи культуры Востока, не должны были ограничиваться въ отношеніи государствъ Балканскаго полуострова однимъ содѣйствіемъ въ достиженіи ими полной политической самостоятельности. Россія была обязана еще, въ силу своего престижа покровительницы и защитницы, согласовать

ихъ государственную дѣятельность, въ условіяхъ взаимныхъ интересовъ, для достиженія общаго благосостоянія и федеративнаго могущества. При всей трудности начертанія такого соглашенія, оно было вполнѣ необходимо. Оно могло быть сначала мало совершенно и ограничиваться чертами самаго общаго положенія; сама жизнь выработала-бы изъ него твердыя основанія братскаго союза внутри и внушительной силы извнѣ. Какъ добровольный актъ полюбовнаго единенія, оно было способно предупредить, если не на всегда то на продолжительное время, взаимную между братскими странами вражду и брань, къ которымъ обыкновенно приводитъ, обостренный до страстнаго состоянія, антогонизмъ по жизненнымъ вопросамъ, вовремя не обузданный равномѣрными уступками.

Хотя достигнуть такого соглашенія было неизмѣримо легче до войны, самое участіе въ которой, поставленное въ зависимость отъ матерьяльных средствъ народностей, должно было служить связующимъ началомъ; тѣмъ не менѣе, ощущаемый въ самыхъ существеннѣйшихъ вопросахъ, недостатокъ въ немъ вызывалъ на каждомъ шагу сознаніе въ полной его необходимости. Уклоненіе князя Милана, не связаннаго никакими формальными обязательствами, отъ предложенной ему реорганизациіи арміи не только прямо нарушало гармонію общаго дѣла, но могло незамѣтно привести его даже въ враждебные славянству ряды въ самую критическую минуту улаженія международныхъ вопросовъ. Поведеніе князя давало основательный поводъ къ такому предположенію, налагавшему на меня неожиданную обязанность безъ промедленія выяснить, на сколько-же мы въ будущемъ можемъ рассчитывать на вѣрность князя Милана въ военномъ отношеніи общему дѣлу. Не распо-

лагая соотвѣтственнымъ полномочіемъ, я не могъ поставить ему никакихъ условій соглашенія и долженъ былъ ограничиться предложеніемъ высказаться по моей личной инициативѣ. Что могъ я сдѣлать при такой обстановкѣ, какъ только предложить проектъ письма на Имя Государя Императора отъ князя Милана. Проникнутый важностью минуты, долго не думая, я набросалъ черновое письмо ¹⁾ и отправляюсь съ нимъ въ конакъ.

„Я надѣюсь“, обратился я къ князю, „что тѣсное сближеніе мое на театрѣ войны съ сербскою народностью даетъ мнѣ нравственное право заботиться объ истинныхъ интересахъ ея и ея верховнаго вождя. Я надѣюсь, что ваша свѣтлость въ этомъ священномъ для всѣхъ насъ дѣлѣ разрѣшите мнѣ быть вполне от-

¹⁾ Вотъ содержаніе этого письма: „Sire. La protection paternelle que V. M. I. n'a cessé de témoigner à la Serbie par une série de bienfaits réels et la haute bienveillance dont Elle m'honore personnellement m'ont toujours inspiré la plus profonde reconnaissance et me font un devoir sacré d'employer tous mes efforts à me rendre digne de ses augustes suffrages encore immérités par mon peuple et par moi. Les évènements dans lesquels la Serbie a été entraînée il y a deux ans et qui peu de temps après menacèrent le pays d'un péril imminent se transformèrent miraculeusement à un seul signe de votre auguste main-protectrice en un triomphe général de cause de la chrétieneté dans la presqu'île des Balkans. Par la bonté infinie de V. M. la Serbie a été admise à participer à cet acte glorieux, elle a pu réhabiliter sa réputation militaire et se trouve en ce moment sur le seuil d'une ère nouvelle de sa vie historique. J'ai appris à connaître la protection désintéressée de V. M. I. et la solidité des liens qui unissent le grand peuple du nord à ses jeunes frères du sud qui ne sont pas encore parvenus à leur maturité politique. C'est l'esprit d'une étroite union morale que dès ce jour je prendrai pour base de mon activité par rapport à la direction à donner à mon peuple. Grâce à V. M. les serbes et les bul-

кровеннымъ и высказать вамъ прямо все, что у меня лежитъ на сердцѣ“.

„Убѣдительно прошу васъ не стѣсняться и вѣрить, что ко всему, вами сказанному, я отнесусь съ неменьшею сердечностью“.

„Нужно ожидать, что не сегодня—завтра меня вызовутъ въ Петербургъ, гдѣ при глубокой симпатіи къ Сербіи мнѣ будетъ предложенъ цѣлый рядъ вопросовъ. Провѣряя мысленно отвѣты, я напередъ радуюсь тому удовольствію, какое они вызовутъ. Я скажу, что на войнѣ сербы показали себя витязями эпохи освобожденія, что бранный кличъ соединилъ ихъ всѣхъ въ одно войско, сильное не могущественнымъ оружіемъ и воинскимъ образованіемъ, а природною боевою доблестью, вѣрою въ мощь сербской православной государственности,

gares sont appelés à une nouvelle existence. Les forces de l'ennemi héréditaire sont brisées. Mais les slaves du sud sont encore entourés de périls et il leur serait difficile de se maintenir dans la voie du progrès sans une alliance fraternelle entre eux sous la direction bienfaisante et protectrice de la Russie. veuillez, Sire, prendre sous votre égide paternelle leurs forces renaissantes et les serbes couvriront de leur poitrine leurs frères bulgares, comme les bulgares à leur tour seront toujours un rempart sûr pour leurs frères serbes.

Государь. Отецеская попечительность, выказанная В. И. В. Сербіи цѣлымъ рядомъ истинныхъ благодѣяній, и Ваше высокое благоволеніе лично мнѣ вызываютъ во мнѣ священную обязанность употребить всѣ старанія, чтобы мнѣ и моему народу сдѣлаться достойными Вашихъ августѣйшихъ милостей. По одному знаку Вашей десницы, грозныя событія, два года тому назадъ приведшія страну къ неминуемой гибели, чудодѣйственно превратились въ общее торжество христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ. Благостью В. В. Сербія была допущена къ участію въ славной войнѣ, которою возстановлена ея боевая репутація и приведена нынѣ на порогъ новой исторической эры. Я на дѣлѣ позналъ безкорыстіе В. И. В.

упованіемъ на заступничество Россіи; я расскажу, какъ князь Миланъ былъ достойнымъ вождемъ ихъ, неумолимо трудясь на своемъ отвѣтственномъ посту главнокомандующаго и раздѣляя съ войсками невзгоды военного времени. Но что я отвѣчу, когда меня спросятъ, готовы-ли сербы вновь идти въ бой, если опять явится необходимость совмѣстной войны. Съ горечью я буду принужденъ по совѣсти отвѣтить: нѣтъ, не готовы. Вашей свѣтлости было угодно отклонить предложенную реорганизацію“...

„Я не отказываюсь отъ нея, я желаю только зрѣло обсудить эту важную мѣру“.

„Вашей свѣтлости извѣстно, что въ военномъ дѣлѣ лучшее часто врагъ хорошаго, если оно не выполняется во время. Но въ настоящую минуту меня занимаетъ уже не столько невыполненное своевременно преобразование, сколько возможность неблагопріятной тѣни, которую это обстоятельство можетъ вызвать въ глазахъ всѣхъ интересующихся общимъ дѣломъ. Къ чему подавать поводъ къ напраснымъ и обиднымъ сомнѣніямъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предполагать, чтобы вы, послѣ всѣхъ минувшихъ событій, могли колебаться и еще искать устой-

и надежность связей, соединяющихъ великій народъ сѣвера съ его южными молодыми братьями, еще не достигшими политической зрѣлости. Отнынѣ основою моей государственной дѣятельности ставлю тѣсное нравственное единеніе, къ которому сербы и болгары въ ихъ новой жизни призываются В. В. Но, хотя силы исконнаго врага смяты, южнымъ славянамъ все еще будетъ трудно при тѣхъ опасностяхъ, которыми они окружены, непоколебимо удержаться на пути своего благосостоянія безъ братскаго союза между собою, безъ охраны Россіи. Примите поэтому, Государь, подъ Вашу отеческую защиту ихъ возраждающіяся силы, и сербы грудью будутъ защищать ихъ братьевъ болгаръ, какъ болгары станутъ надежнымъ оплотомъ ихъ братьевъ сербовъ“.

чивости внѣ союза балканскихъ государствъ. Очевидно, что возможность недоразумѣній можетъ проистекать только отъ недостаточно выясненныхъ въ подробностяхъ и не выраженныхъ въ опредѣленной формѣ основъ союзнаго соглашенія. Почему же въ такомъ случаѣ не сдѣлать попытки къ утвержденію послѣдняго на прочныхъ основаніяхъ... Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и того нравственнаго моего сближенія съ сербскими интересами, которое явилось логическимъ результатомъ совмѣстной дѣятельности, я позволилъ себѣ набросать проектъ письма Государю Императору отъ имени вашей свѣтлости. Служа точнымъ отраженіемъ на бумагѣ существующаго на дѣлѣ, письмо, которое я имѣю честь Вамъ предложить, можетъ принести только одну пользу, такъ какъ, повторяю, вновь ничего не создаетъ, а лишь выясняетъ и утверждаетъ дѣйствительность“...

„Ваши слова меня крайне заинтересовали, и я съ величайшимъ вниманіемъ прочту письмо, какъ только вы его мнѣ сообщите“.

„Ваша свѣтлость разрѣшите мнѣ его прочесть“.

„Прошу васъ“.

Я медленно прочелъ и замолчалъ.

„Все это чрезвычайно важно“, задумчиво проговорилъ князь, „мнѣ кажется, что вы затрогиваете самый существенный вопросъ. Признаю полную справедливость вашей мысли. Откровенно сознаюсь, до нея я не додумался. Въ передрагѣ повседневныхъ заботъ и хлопотъ, самому становится незамѣтно, какъ все болѣе и болѣе предаешься мелочамъ. На настоящее дѣло какъ-то не остается даже времени. Я искренно признателенъ за ваше предложеніе, каждое выраженіе котораго постараюсь всесторонне обдумать; но вопросъ слишкомъ важенъ, чтобы можно было имъ торопиться“.

XV.

Передъ отъѣздомъ.

Отъ наступившей для меня праздности я сталъ тяготиться своимъ пребываніемъ въ Бѣлградѣ. Князь былъ совсѣмъ не правъ въ изображеніи картины своей жизни. Не обыденные интересы заполняли его день; не повседневныя мелочи занимали его свободное время; его болѣзненную апатію, наступившую вскорѣ послѣ напряженія военнаго времени, нарушало только страстное преслѣдованіе своихъ личныхъ враговъ. Безвыходно оставаясь у себя въ конакѣ по нѣсколько дней къ ряду, князь не только уклонялся отъ официальныхъ пріемовъ и посѣщеній общественныхъ собраній; но даже тяготился докладами своихъ министровъ и текущими дѣлами государственной важности. Его страстная энергія возбуждалась только при чтеніи политическихъ процессовъ, имъ же въ массѣ возбужденныхъ; въ промежуточные же періоды упадка душевныхъ силъ ему стали всюду мерещиться заговорщики, посягающіе на его жизнь. Отсюда ясно, почему появившееся было общественное оживленіе затихло, подъ неблагоприятными условіями нравственной реакціи въ князѣ.

Погода соотвѣтствовала скорбному состоянію духа правящихъ сферъ въ Бѣлградѣ. Стояли сѣренькіе дни

съ часто перепадавшими дождями, то мелкими и тихими, какъ осѣдавшій туманъ, то короткими и хлесткими ливнями. Поднимавшійся иногда вѣтеръ не разъ успѣвалъ разгонять надоѣвшія тучи и не на долго открывать ярко блиставшее солнце; но не проходило и часу, какъ весь небосклонъ вновь покрывался темнымъ куполомъ и опять падалъ дождь, точно на небѣ былъ неистощимый водный резервуаръ. Въ такой-то день, когда полдень съ большимъ основаніемъ можно было принять за разсвѣтъ утра, и не являлось ни малѣйшаго желанія удалиться отъ пріятной теплоты весь день топившагося камина, ко мнѣ явился всегда симпатичный, но на этотъ разъ крайне разстроенный, Савва Груичъ. На немъ, какъ говорится, лица не было.

„Вы хорошо знаете всю исторію подполковника Ефрема Марковича“, обратился онъ ко мнѣ. „Я вамъ долженъ сказать, что это мой сверстникъ, человѣкъ, котораго я глубоко и сердечно уважаю, и за котораго готовъ отвѣчать, что ничего безчестнаго и преступнаго онъ не сдѣлалъ и сдѣлать не могъ. Теперь онъ осужденъ и въ угоду князю приговоренъ къ смертной казни. Повторяю, онъ осужденъ безвинно, но князь, я въ томъ увѣренъ, его не пощадитъ. Приговоръ сегодня представленъ на конфирмацію... Сколько я ни думалъ, какъ вѣрнѣе помочь бѣдному товарищу, я пришелъ къ убѣжденію, что оказать ему дѣйствительную помощь въ настоящее время можете только вы одни“.

Къ сожалѣнію, я долженъ былъ разубѣждать въ моемъ вліяніи на князя Милана. По самой своей природѣ онъ едва-ли могъ долгое время находиться подъ чьимъ-либо вліяніемъ. Въ дѣлахъ же, подобныхъ настоящему, онъ былъ способенъ увлекаться личнымъ чувствомъ до ослѣпленія. Тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что

я имѣлъ основаніе предстательствовать за Ефрема Марковича какъ за представленнаго самимъ же княземъ къ георгіевскому кресту, награжденіе которымъ, быть можетъ, уже состоялось.

Все это я изложилъ Груичу, стараясь его успокоить, и обѣщаль сдѣлать все, что только будетъ въ моихъ силахъ.

Предупредивъ Персіани, на слѣдующій же день я уже былъ въ кабинетѣ князя и, послѣ довольно продолжительнаго разговора о новостяхъ дня, вскользь коснулся настоящей причины моего визита. Хотя вопросъ я затронулъ издалека, какъ абсурдъ, до котораго могутъ доходить досужіе пересуды ходящихъ по городу слуховъ о преданіи суду Ефрема Марковича, объ его будто-бы осужденіи на смертную казнь и о представленіи уже приговора на утвержденіе его свѣтлости; тѣмъ не менѣе князь видимо начиналъ волноваться. Когда же я замѣтилъ о всей нелѣпости выдумки и выразилъ недоумѣніе, откуда могутъ браться эти толки, такъ какъ не могъ же князь одновременно его преслѣдовать и представлять къ ордену св. Георгія, какъ наиболѣе отличившагося изъ всего корпуса сербскихъ офицеровъ; князь уже не въ силахъ былъ болѣе себя сдерживать и, какъ ужаленный, вскочилъ съ своего кресла.

„Я никому не позволю вмѣшиваться въ мою внутреннюю политику“, разразился онъ бурнымъ взрывомъ. „Мнѣ ближе самому знать свои собственные интересы... Императорское россійское правительство неоднократно давало мнѣ самыя категорическія увѣренія въ своемъ невмѣшательствѣ во внутреннюю жизнь княжества... Представители его здѣсь постоянно увѣряли въ отсутствіи въ томъ ихъ намѣренія... вамъ самимъ я совѣтую, въ ваше личное назиданіе, помнить всегда примѣръ Карцева“...

Это было слишкомъ. Князь не только хотѣлъ заставить меня молчать, но еще стращаль наказаніемъ. Его обвиненіе меня въ вмѣшательствѣ во внутреннюю политику княжества было возмутительно—недобросовѣстно. Но я понималъ, что настоящая минута была тѣмъ кризисомъ, отъ исхода котораго зависѣли не только характеръ личныхъ отношеній, но и успѣхъ самаго дѣла, котораго я былъ представителемъ. Я сдержался поэтому пылкимъ отвѣтомъ и, овладѣвъ собою, тихо поднялся съ своего мѣста и отвѣчалъ, что мнѣ неизвѣстно, о какой политикѣ его свѣтлости угодно говорить, но что если рѣзкая тирада имъ сказана по поводу моихъ словъ объ Ефремѣ Марковичѣ, то мнѣ кажется, что интересоваться его судьбою я имѣю нѣкоторое право, какъ о кавалерѣ ордена св. Георгія. Легко могло случиться, что въ то время, какъ на груди Марковича появился-бы бѣлый крестъ, онъ былъ-бы поставленъ княземъ къ позорному столбу для разстрѣліянія. Сознавая свои высокія обязанности представителя Императорской русской арміи, я счелъ долгомъ твердо потребовать отъ сербскаго князя отчета въ положеніи дѣла подполковника Ефрема Марковича... Что-же касается до его обращенія лично ко мнѣ, то, высказавъ ему мою личную благодарность за совѣтъ, я выразилъ князю убѣжденіе, что его свѣтлость равнымъ образомъ несомнѣнно останется мнѣ признательнымъ, если я напому ему, что русскому сердцу близко благосостояніе сербскаго народа, что мы чтимъ имя Обреновичей, какъ залогъ благоденствія Сербіи, но что это чувство не сохранится, если они станутъ разстрѣливать заслуженнѣйшихъ изъ ея сыновъ...

Метавшійся до сихъ поръ по комнатѣ въ пароксизмъ гнѣвнаго припадка, князь Миланъ вдругъ остановился и сдержаннымъ голосомъ проговорилъ: „Любезный гене-

раль, такъ говорить невозможно, мы слишкомъ горячимся и каждое слово принимаемъ слишкомъ близко къ сердцу. Надѣюсь, что вы не допускаете мысли, чтобы я хотѣлъ васъ оскорбить. Теперь поговоримъ о дѣлѣ, вы желаете знать, въ чемъ обвиняется Ефремъ Марковичъ и какой карѣ онъ будетъ подвергнутъ? Я самъ ничего не знаю, такъ какъ дѣла еще не читалъ; но даю вамъ слово, что прежде окончательнаго его рѣшенія васъ предупрежу и попрошу вашего совѣта. Довольны-ли вы теперь?“

Я конечно былъ совершенно доволенъ, но, желая ковать желѣзо пока оно горячо, на слѣдующій-же день по какому-то поводу опять отправился въ конакъ. Прохожу по обыкновенію изъ прихожей по корридору прямо въ большую залу, изъ которой на лѣво черезъ комнату былъ кабинетъ князя, а на право парадныя гостиныя и внутренніе апартаменты. За мной дежурный адъютантъ, сообщая о болѣзни князя. Я прошу его доложить о желаніи видѣть его свѣтлость, такъ какъ не будетъ-же князь стѣсняться принять меня послѣ трехмѣсячной жизни бокъ-о-бокъ во время войны. Адъютантъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по гостиной, нерѣшительно останавливается и съ смущеніемъ говоритъ, что ему запрещено даже докладывать.

Догадываясь, что это скорѣе княжескій капризъ неудовольствія за вчерашній разговоръ, чѣмъ истинная болѣзнь, я тутъ-же рѣшился съ первымъ пароходомъ оставить Бѣлградъ и поручилъ адъютанту доложить князю о моемъ отъѣздѣ въ Петербургъ съ вечернимъ пароходомъ. Не успѣлъ я отъѣхать отъ подъѣзда, какъ на крыльцо вылетѣлъ посланный съ приглашеніемъ пожаловать къ князю.

„Что случилось, что вы такъ неожиданно покидаете Бѣлградъ“, встрѣчаетъ меня, какъ ни въ чемъ не бывало, князь Миланъ.

„Причина моего спѣшнаго отъѣзда должна быть извѣстна вашей свѣтлости лучше, чѣмъ кому нибудь, такъ какъ не можете-же вы предполагать, чтобы, не принятый вами, я остался-бы въ Бѣлградѣ долѣе двадцати-четырехъ часовъ“.

„Какъ вы обидчивы“.

„Я не обидчивъ, но обязанъ охранять достоинство званія, которое ношу“.

Я привожу этотъ случай изъ многихъ, какъ наиболѣе вѣрно обрисовывающій тяжелый характеръ князя Милана. Мое заступничество не спасло жизни Ефрему Марковичу, который былъ разстрѣлянъ черезъ три дня послѣ моего отъѣзда изъ Бѣлграда, т. е. спустя около пяти недѣль послѣ нашего разговора; но оно способствовало къ разоблаченію нравственнаго облика князя и не оставило во мнѣ сомнѣнія въ его чудовищномъ эгоизмѣ. Несомнѣнно, что личное я княземъ Миланомъ ставилось выше общественнаго блага. Сразу припомнилось мнѣ много разсказовъ, которымъ ранѣе я не давалъ никакой вѣры, и которые теперь пріобрѣтали въ моихъ глазахъ значительную степень правдоподобія. Въ достиженіи своихъ эгоистическихъ цѣлей, князь неизбѣжно долженъ былъ столкнуться съ людьми, принимавшими благоденствіе родины близко къ сердцу и успѣвшими упрочить за своимъ именемъ народное уваженіе. Для борьбы съ ними ему нужно было искать новыхъ министровъ, болѣе свободныхъ воззрѣній и болѣе связанныхъ съ нимъ общностью личныхъ интересовъ. Слѣдовало ожидать событій во внутренней жизни

княжества и, въ зависимости отъ успѣха въ нихъ князя, измѣненій во внѣшнихъ международныхъ отношеніяхъ.

Хотя все это представлялось предо мной въ довольно определенной формѣ; тѣмъ не менѣе было чрезвычайно тяжело рѣшиться, безъ осязательныхъ данныхъ, на слово осужденія чловѣка, въ извѣстной мѣрѣ всетаки потрудившагося во время войны общему дѣлу. Вотъ почему я былъ искренно и глубоко признателенъ князю Милану, когда, на вопросъ мой передъ самымъ отъѣздомъ о проектѣ письма, я отъ него слышалъ, что такого письма онъ написать не можетъ, такъ какъ слишкомъ бы связалъ имъ себѣ руки.

8-го мая я получилъ по телеграфу вызовъ въ Петербургъ, а черезъ день уже выѣхалъ съ первымъ срочнымъ пароходомъ.

Стрѣльна.

25-го сентября 1890 года.

2007099213